

129
—
1043

О В Ы С О К О М Ъ

И Л И

ВЕЛИЧЕСТВЕННОМЪ.

Твореніе Діонисія Лонгина.

Переводъ съ Греческаго,

съ примѣчаніями переводчика.

Въ С а н к т п е т е р б у р г ѣ, 1803.

въ Императорской Типографіи.

8.51
8.50

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЕЛИЧЕСТВУ
ВСЕАВГУСТѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ
ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ
Самодержцу Всероссійскому,

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Лонгинъ, Геній знаменипыхъ
временъ Пальмирской Царицы
Зиновіи, шонкимъ вкусомъ и
здравною крипикою приобрѣлъ
славу всѣхъ вѣковъ.

Желаніе принестъ хощя ма-
лую пользу Россійскимъ Лип-
перапорамъ, побудило меня пе-
ревесши его швореніе; безпри-
мѣрное же ВАШЕГО ИМПЕ-
РАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

благоволеніе къ наукамъ вну-
шило мнѣ смѣлоспъ посвящипъ
переводъ сей Высочайшему
Имени Вашему.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА

ВсепопданныѢйшій

Иванъ Мартыновъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Діонисій Лонгинъ, какъ многіе Писатели увѣряютъ, родился въ Аѳинахъ; но кто были его родители, навѣрно не извѣстно. Тождъ касается до великихъ его достоинствъ, они неоспоримы. Никто не былъ въ его время столько уважаемъ, какъ сей Критикъ. Порфирій, ученикъ его, говоритъ о немъ, какъ о нѣкоторомъ феноменѣ. Его сужденіе, — пишетъ сей Философъ, — было почитаемо правиломъ здраваго разсудка и вкуса; его отзывы о сочиненіяхъ были верховными приговорами, такъ что никто не смѣлъ подать своего голоса о какомъ нибудь Писателѣ прежде Лонгина; и если они и подаваны были, то ни мало не были уважаемы, пока Лонгинъ не сказывалъ своего мнѣнія. Сего не довольно. — Онъ былъ великій Министръ, котораго весьма уважала славная Пальмирская Царица Зиновія, объявившая себя Вос-

тогною Царицею по смерти мужа своего Одената. Она сперва призвала къ себѣ Лонгина для обученія ея Греческому языку, и на конецъ изъ учителя сдѣлала его своимъ Министромъ. Онъ-то ободрялъ сію Царицу къ удержанію за собою титула Восточной Царицы и внушилъ ей, какъ говорятъ, томъ гордой отвѣтъ, которой написала она къ Императору Авреліану, когда сей принуждалъ ее себѣ покориться. Сіе стоило Лонгину жизни. Но смерть сего великаго теловѣка столько дѣлаетъ ему гести, сколько виновнику оной безславія. Лонгинъ перенесъ смерть съ такою удивительною твердостію духа, что даже умирая утѣшалъ сострадавшихъ о его несчастіи. — Это доказываетъ, что онъ былъ не токмо искусной Риторъ, но и Философъ, могущій стоять на ряду съ Сократами и Катонами. Сочиненіе его подтверждаетъ сію истину еще болѣе. Вездѣ виденъ въ ономъ строгій нравственности теловѣкъ: его чувствованія ильютъ что-то ознагающее не

только высокой умъ, но и душу гораздо выше обыкновенной.

Сочиненіе сіе не велико, да и то не все дошло до нашихъ временъ; ибо многія въ немъ мѣста недостаточны, и цѣлое разсужденіе о спрасняхъ, о коихъ Авторъ написалъ особенную книжку, служившую продолженіемъ мною переведенной, потеряно. Не смотря на то, для насъ довольно еще изъ него осталось, чтобъ полугитъ объ Авторъ онаго великія мысли, и сожалѣть о потерѣ другихъ его твореній, коихъ счисляютъ до двадцати, и кои должны быть твореніями вкуса, учености и краснорѣчія.

За нужное считаю предварить читателей въ разсужденіи даннаго мною сему творенію заглавія. Въ подлинникѣ оно надписано: *peri vψ8s*, т. е. о Высшѣ или о Высокоспи. Я перевелъ прилагательнымъ именемъ, слѣдующаго принятому на Французскомъ языкѣ слову: *du sublime*. При томъ, и у насъ говорятъ въ Эстетическихъ сочиненіяхъ:

о изящномъ, о прекрасномъ; для того же не сказать и о высокомъ? — Многіе совѣтовали мнѣ перевести: о выпренномъ, о возвышенномъ, о превосходномъ, также о возвышенности, выпренности, высокопарности. Всякой имѣлъ на то свои притинги; и я также, не послѣдовавъ сему совѣту. Искуснѣйшіе изъ нашихъ Литтераторовъ выборъ мой утвердили.

О переводѣ скажу, что я старался сдѣлать его сколько можно исправнѣе. И какъ желалъ подарить нашимъ Литтераторамъ не только переводъ Лонгина, но и разсужденіе о высокомъ: то осмѣлился въ иныхъ мѣстахъ сказать свое мнѣніе, въ другихъ прилѣганія либо къ объясненію, либо къ дополненію Автора служащія. Не выходя изъ границъ Комментара, я также позволилъ себѣ приводить изъ нашихъ Авторъ примѣры и сдѣлать нѣкоторыя приношенія къ Россійскому языку.

О В Ы С О К О М Ъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

*Сочиненіе Цецилія о високомъ не-
статочно, и потому именно.*

Разсмапривая вмѣстѣ съ побою,
любезный Теренціанъ (1), сочиненіе Це-
цилія (2) о високомъ, нашли мы, какъ изъ-

(1) Въ подлинникѣ сказано: *Постумій Терен-
ціанъ*. Два сіи имена доказываютъ, что
онъ былъ Римлянинъ; но томъ ли самой,
кого прекрасное сочиненіе: *De metris* (о
измѣреніи слова или о столахъ) и по нынѣ
находится, или другой какой, навѣрно ска-
зать не можно.

(2) Здѣсь разумѣется Цецилій Рипоръ Си-
цилійскій, который славился въ Римѣ во
время Цезарей Юлія и Октавіана, и былъ
другомъ Историку Діонисію Галикарнас-
скому. О немъ, кромѣ другихъ писателей,
упоминаетъ Квиншилланъ, Фопій, Суида и

вѣспно шебѣ, что оно ниже своего
предмѣта, не касаясь ни мало гла-
вныхъ частей онаго и не соотвѣс-
твуемъ той цѣли, которую долженъ
имѣть въ виду всякой писатель, т: е:
чтобъ сочиненіемъ своимъ принеспи
пользу читателямъ. При томъ, поелику
всякая наука пребуемъ: первое, чтобъ
показанъ былъ предмѣтъ оной; второе—
по порядку, но по важности первое—
чтобъ представлены были средства къ
доспигенію сего предмѣта: то сочи-
неніе Цицилія и въ семъ отношеніи не-
доспигочно. Ибо онъ весьма пространно
обясняетъ, въ чемъ состоитъ *высокое*,
какъ бы это не было до него извѣспно;
а какимъ образомъ доспигнуть онаго, о

Плутархъ. Онъ много писалъ сочиненій, и
первый написалъ *De sublimi genere dicendi* (о
высокомъ слогѣ). Родился въ городѣ *Кала-*
ктъ, находившемся на сѣверномъ берегу
Сициліи.

семѣ не знаю по чему, какъ о не
жномѣ, не говоришѣ ни слова. Не смо-
тря на то, онѣ не столько охуденія до-
стоинѣ за сіи недоспашки, сколько по-
хвалы за такое предпріятіе и стараніе.

Но какъ ты просишь меня, чѣмъ
и я написалъ что нибудь о семѣ пред-
мѣшѣ, то въ угодность тебѣ посмо-
тримъ, не сдѣлано ли мною такихъ на-
мной примѣчаній, которыя могутъ при-
нести пользу Орапорамъ (3). Одна-
кожѣ за сіе принимаюсь я съ тѣмъ,
чѣмъ ты, любезный Теренціанъ, обо-
всемъ сказалъ мнѣ свое мнѣніе съ при-
личною тебѣ искренностію и безпри-
страстіемъ (4). Ибо „ни чѣмъ, по сло-

(3) *ἄνδρες πολίταις*. мужамъ гражданскимъ, об-
щественнымъ. Подъ симъ разумѣетъ Лон-
гинъ не столько Правителей республики,
сколько Орапоровъ, которые говорили о
гражданскихъ дѣлахъ на поржищахъ.

(4) Лонгинъ собственнымъ своимъ примѣромъ
доказываетъ, что надобно спрашивать у

„вамъ одного мудреца (5), не можно
 „сполько уподобишься Богамъ, какъ дѣ-
 „лая другимъ добро и говоря истину.”

Впрочемъ, поелику я пишу къ тебѣ,
 любезный другъ, какъ къ человеку свѣду-
 щему въ наукахъ: то почти и не обя-
 занъ предварительно доказывать, что
*высокое въ сочиненіяхъ есть самое возмо-
 жное возвышеніе и превосходство слова* (6),
 и что наилучшіе Поэты и прозаиче-
 скіе писатели не инымъ чемъ, какъ

другихъ мнѣнія о своихъ сочиненіяхъ,
 естли желаемъ, чтобъ оныя были совер-
 шенны. Горацій и Квинтилианъ во многихъ мѣ-
 стахъ подають намъ такой же совѣтъ. Дру-
 гіе всегда скорѣе могутъ усмотрѣть наши
 недоспадки; самой посредственной умъ
 иногда можетъ примѣтить погрѣшность у
 самаго великаго писателя.

(5) Это правило Пифагорова. Двумя дѣяніями, го-
 ворилъ онъ, люди уподобляются Богамъ:
 τό, τε ἀληθεύειν καὶ τὸ εὐεργετεῖν. ш: е: „говоря
 истину и благошворя другимъ.”

(6) Ἀνρότης καὶ ἐξοχή τις ἐστὶ τὰ ὕψη.

симъ приобрѣли первенство и имя свое
увѣнчали безсмертною славою. — Ибо
высокое не просто убѣждаетъ слуша-
теля, но приводитъ его въ восторгъ
и наполняетъ душу удивленіемъ, пре-
восходящимъ всякое убѣждение и прі-
ятность. Убѣждение большею частію
зависитъ отъ произволенія слушаате-
лей; *высокое* же даетъ слову такую
власть и силу, копорая всѣхъ слуша-
телей, прошивъ ихъ воли, внѣ себя при-
водитъ. Искусство изобрѣшенія, по-
рядокъ и расположеніе предмѣтовъ не
изъ одной или изъ двухъ частей сочи-
ненія, — едва изъ цѣлаго состава онаго
примѣшится можно; *высокое* же, произ-
несенное у мѣста, подобно громовому
удару, все разсыпаетъ, и силу Ора-
тора въ мигъ обнаруживаетъ (7). Но

(7) Еслили что не подлежитъ, кажется, ни
какому раздробленію и даже опредѣленію,

сказанное мною и все, что могу еще
сказать сему подобнаго, столько тебѣ

говоритъ Ла Гарпъ, то безъ сомнѣнія *высоковъ*.
Въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣлить то,
что никогда не можетъ быть пригото-
влено Поэтомъ или Орапоромъ, ни предвидѣно
чашащелами или слушащелами; что не ина-
че производится какъ только восшоргомъ,
не иначе чувствуется какъ съ изступлені-
емъ; что равно приводитъ въ себя какъ
Аршисша, который произвелъ оное, такъ
и толпу ему удивляющуюся? Какъ изъ-
яснишь такое впечатлѣніе, которое вмѣ-
стѣ и живѣе и быстрѣе всѣхъ впечатлѣ-
ній? Да и какое изъясненіе не холодно и не-
достаточно, когда надобно показатъ дру-
гимъ то, что привело въ столь сильное
пошрясеніе всѣ душевныя ихъ силы? Кому
не извѣстно, что во всѣхъ чрезвычайныхъ
чувствованіяхъ есть нѣчто превышающее
всякое выраженіе, и когда душа наша до нѣ-
котораго степени бываетъ въ восхищеніи,
то она нѣкоторымъ образомъ спраждетъ,
не находя словъ для изображенія онаго. —
Что жъ такое сдѣлалъ Лонгинъ въ своемъ
разсужденіи о *высокомъ*, продолжаетъ Ла
Гарпъ, если не можно ни опредѣлить она-
го, ни раздробить? Онъ хотѣлъ, говоритъ

изъ опыта извѣстно, что ты самъ можешь другимъ преподашь въ томъ правила.

онъ, рассуждашь не о *высокомъ*, но о томъ, что у Риторовъ называется высокимъ слогомъ, въ противоположеніи слогу простому и посредственному или умѣренному. Такъ говоришь Ла Гарпъ; и мнѣніе его, кажется, мнѣ основательно; хотя весьма многіе примѣры въ сочиненіи Лонгина убѣждаютъ вѣрить г-ну Боало.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Есть ли правила для высокаго?

Прежде всего надобно разсмотрѣть: есть ли наука для *высокаго*? Ибо желаніе подвесити оное подъ правила, нѣкоторые почидаютъ заблужденіемъ, и говоряшь, что высокое есть даръ не искусства, но природы; что единственное для него искусство — съ нимъ родиться. Они

даже думаютъ, что произведенія природы лишаются отъ правилъ своего величества, слабѣютъ и дѣлаются сухими.

Чтожъ касается до меня, я совѣмъ иначе думаю; да и всякому, кто только захочетъ вникнуть въ существо вещи, ясно видѣть можно, что хотя природа въ возвышенномъ и страстномъ (1) по большей части бываетъ самовластна; однакожъ не безразсудно предается своему стремленію и не вовсе опмешаетъ искусство. Нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ произведеніяхъ должно полагать природу первымъ и главнымъ основаніемъ; но какимъ образомъ, гдѣ и когда употреблять оную непогрѣшительно, сему научаютъ насъ правила. Какъ оставленный самому себѣ и не довольно нагруженный корабль подверженъ бываетъ опасности: такъ

(1) Пашетическомъ.

равно и *высокое*, естли оно предаеся одному только своему спремленію и безразсудной опважности; ибо часто нужно ему сколько побужденіе, сполько и обузданіе. *Дилосеенъ* сказалъ, что величайшее благо въ жизни человѣческой есть щасіе; а другое, не меньшее того, благоразумное онымъ наслажденіе, безъ чего и первое бытъ не можеть: то же самое сказаць можно и о сочиненіяхъ; такъ что щасіе замѣняеся въ нихъ природою, а благоразуміе *искусствомъ* или *наукою*. Но всего важнѣе то, что и самое сіе знаніе, что есть въ слогѣ нѣчто долженствующее бытъ предоспавленнымъ одной природѣ, приобретаеся помощію искусства (2). По-

(2) Искусство не можетъ создать Генія; но можетъ управлять имъ, естли кто имъ одаренъ. Правила не могутъ награждать скудости въ дарованіяхъ; но могутъ удерживать въ границахъ излишество въ оныхъ,

чему я и не сомнѣваюсь, что естли бы кто хотѣлъ охуждать мое стараніе подвести *высокое* подъ правила (3), то вникнувъ въ сказанное мною, перемѣнитъ свои мысли, и мое о семъ предмѣтѣ умозрѣніе не почтетъ излишнимъ и безполезнымъ.

предписать имъ путь, по которому иппи они должны, удаливъ отъ великихъ и грубыхъ погрѣшностей, словомъ: — могутъ даровать *вкусъ*. *Геній безъ вкуса* можетъ надѣлать весьма много и при томъ самыхъ важныхъ ошибокъ, и что хуже всего, не будѣтъ ихъ чувствовать; на прошивъ, *Геній со вкусомъ* никогда ихъ не сдѣлаетъ.

- (3) Изъ сего наиболѣе видно, что Лонгинъ собственно такъ называемое *высокое* сливаетъ съ *высокимъ* слогомъ. Ибо можно будучи съ дарованіями научиться изъ правилъ хорошо писать; но бытъ *высокимъ* мы не научаемся.
-

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О пустой *надутости* и о *слогѣ*
ребятескомѣ.

„И (1) не уняли бы ужаснаго
„пламени, изъ горнила выходящаго. Ибо
„есъли только увижу хозяина, то
„однимъ свѣчкомъ пламени зажгу домъ
„его и превращу въ пепелъ. Но нынѣ

(1) Тутъ многого недостаетъ въ подлинникѣ. Лонгинъ, не приступая еще къ правиламъ *высокаго*, началъ разсуждать о противныхъ оному порокахъ, между коими первое мѣсто занимаетъ *слогъ надутой, пухлой, ребятеской*, которой состоитъ въ чрезмѣрной, вынужденной, неестественной высокости. А чтобъ лучше доказать вздорность онаго, онъ привелъ въ примѣръ изъ какого-то Греческаго Трагика стихи, изъ коихъ осталось только пять. Но какъ они сами по себѣ вздорны, то съ пошереею предыдущихъ, еще болѣе сдѣлались таковыми; по чему я не виноватъ, есъли сіе

„я (2) не началъ еще играть сей величественной пѣсни.”

„Изрешчатъ на небо, свитокъ пламени,
„представляютъ Борея трубачемъ” и другія слѣдующія за сими въ трагедіи выраженія, суть болѣе нежели прагматическія и вздорныя; ибо они таковымъ нелѣпымъ изображеніемъ больше обезобразили и зашмили рѣчь, нежели придали ей силы и величества (3); такъ что есть-

мѣсто чишаелямъ не понравится. Для знающихъ же Греческій языкъ помѣщаю здѣсь оригиналъ:

Καὶ μὴ καμίνῃ σῆψι μάκισον σέλας.
Ἐν γάρ τιν' ἐσιᾶχον ὄψομαι μόνον,
Μίαν παρείρας πλεῖτάνην χειμάρροον,
Στέγῃ πυρώσω, καὶ καταβρακνώσομαι,
Νῦν δ' ἔκ κείραγά πω τὸ γενναῖον μέλος.

(2) Борея говоритъ о себѣ, любуясь сказанными имъ стихами.

(3) Виргилія такъ же упрекающъ симъ порокомъ въ описаніи горы Эпны:

„Horrificis iuxta tonans Aetna ruinis
„Interdum atram prorumpit ad aethera nubem,

вниманіемъ и разборчивостію, по наведенный прежде ими ужасъ вдругъ произведешъ смѣхъ и презрѣніе. Когда же надушоспъ несна вѣ прагедіяхъ, которыя опъ природы бывающъ величественны и высокопарны; по тѣмъ менѣе

„Turbine fumantem piceo et cadente fauilla;
 „Attollit que globos flammaram et fidera lambit.
 „Interdum scopulos avulsaque *viscera* montes
 „Erigit *eructans*, liquefacta que saxa sub aures
 „Cum gemitu glomerat, fundo que exaestuatur imo.

Eneid. III. 571.

То есть:

„Сія масть ужасовъ (Ешна) дымъ, жупелъ и
смола,

„Густую искрами сопровождаенну мглу,

„Крушяща вихремъ, шлетъ къ превыспренню
эоиру

„И разстилаетъ ночь безвременно по міру,

„Бросаетъ въ верхъ клубы ревущаго огня;

„Они лешаѣ кѣ звѣздамѣ, другѣ друга вѣ
слѣдѣ гоня;

„Кремнишы иногда вдругъ холмы воспоргая,

„Утробу собственну на воздухъ изрыгая,

„Стрѣляетъ тѣмой бугровъ, рассыпавшихся
въ персть,

„Клокочетъ и грозитъ кипяще дно отъверстъ,“

Перев. Г. Петрова.

она можетъ быть терпима въ обыкновенныхъ родахъ сочиненія. По чему не лзя не смѣяться и надъ *Торгіемъ Леонтійскимъ* (4), что онъ въ своемъ

Утробу собственную изрѣгати, и при томъ, какъ стоишь въ подлинникъ, со стономъ, — такое уподобленіе горы человеку, до пьянства виномъ упившемуся, рѣчь весьма унижаетъ. Вотъ другой примѣръ надушаго слога изъ Малерба, въ которомъ описывается покаяніе св. Апостола Павла: „тогда его восклицанія возшумѣли, „подобно грому; его воздыханія сдѣлались „вѣтрами, дубъ поражающими; его слезы, „которыя иногда текли по ланишамъ, „уподоблялись ручью спрежнему съ вы- „сокихъ горъ, которой раззоряя и пошуп- „ляя окрестныя поля хочетъ превратить „въ Океанъ всю вселенную.“

(4) *Торгій Леонтійскій*, славный Софистъ и Орапоръ. Сograждане его, во время войны съ Сиракузянами въ 417 году до Р. Х. отправили его Депушомъ къ Аѳинянамъ, просить у нихъ помощи противъ непріятелей. Онъ такъ плѣнилъ Аѳинянъ краснорѣчіемъ своимъ, что все получилъ по желанію; по томъ блисталъ онымъ на Олимпійскихъ и Пистійскихъ играхъ, гдѣ принималъ

сочиненіи назвалъ Ксеркса *Персидскимъ Юпитеромъ*, а коршуновъ *одушевленными гробами* (5). Такое же дѣйствіе производя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненія Калисѣена (6), который, стараясь возвыситься, иногда перяется въ обла-

былъ отъ всей Греціи съ рукоплесканіями; а въ Дельфахъ въ честь его даже воздвигнута была золотая статуя. Не смотря однакожъ на всю его славу, онъ не избѣжалъ строгой критики нашего Ритора-Философа.

(5) Подобное сему *Евнатій*, сказалъ о нашемъ Лонгинѣ: *Лонгинъ былъ ἐμψυχὸς βιβλιοθήκη*, (одушевленная библіотека), *περιπατῶν μουσείον* (ходящій музей). Однакожъ нѣкоторые писатели оправдываютъ сіи выраженія.

(6) Тотъ самый, котораго *Аристотель* рекомендовалъ *Александру Великому* для укрощенія пылкихъ его спрасей. Но Калисѣенъ, будучи больше нелюдимъ, нежели придворной челоуѣкъ, не умѣлъ заставить его любить добродѣтель. Онъ сочиненія свои почиталъ выше завоеваній Александровыхъ. Чпожъ касается до его слога, Аристоель говоритъ, что

кахъ. Но еще гораздо болѣе обоихъ
сихъ писателей надупѣ Клишархъ (7),
коему весьма приличны слѣдующіе Со-
фокловы стихи:

*Онъ въ малую свирѣль изъ всего рта
дуетъ (8).*

онъ былъ въ словѣ силенъ и великъ, но
не имѣлъ благоразумія.

(7) Писалъ исторію о дѣяніяхъ Александра
Великаго. Описывъ Лонгина о его словѣ
весьма справедливъ. — Въ доказатель-
ство сего спѣшитъ только привесть
то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о пчелѣ:
καταμέταυ τὴν ὄρεινν, εἰσπίταται δὲ εἰς τὰς κολλὰς
δρῦς. т. е. она пасется на горахъ и
влѣщается въ пусшыя дубы.

(8) (Φυσᾷ) σμυροῖς μὲν ἀνύσχοισι, Φορβείᾳ δ' ἄτερ.
До слова это значить: “дуетъ въ ма-
ленькія дудки, но безъ ремешка.” Боало такъ
перевелъ: *ouvre une grande bouche pour*
souffler dans une petite flûte. Чтобъ слова
сіи были вразумительнѣе, я также опи-
супилъ ошъ подлинника. Но дабы объ-
снить, что значить *Φορβείᾳ*, надобно прежде
знать, что у древнихъ свирѣли или флей-
шы были весьма опличны ошъ нынѣшнихъ.

Сюда опнеспи можно такъ же
Амфикраша (9), Гегезія (10), Мапри-

Ибо звукъ ихъ былъ гораздо громчѣе, и подобенъ звуку трубы. По чему, для игранія на нихъ, требовалось гораздо больше духу, и слѣдовательно надлежало чрезвычайно надувать щеки, что было безобразно. Сіе-то самое произвело къ сему инструменшу отвращеніе въ Минервъ и Алкивіадѣ. Для избѣжанія такой непріятности, выдуманъ узенькой ремешекъ, копорой прикладывали ко рту и на зашылкѣ завязывали; въ срединѣ ремешка была дырочка, чрезъ копорую можно было дуть въ флейшу. Сей ремешекъ назывался *Форбейа* и производилъ два различныя дѣйствія; ибо кромѣ того, что сжимая щеки не давалъ имъ надуваться, онъ придавалъ при томъ болѣе силы дыханію, копорое выходило изо рта гораздо съ большимъ стремленіемъ и пріятностію. И такъ Авторъ, желая изобразить надменнаго Стихопворца, копорой *дуетъ и досаждаетъ, что не производитъ никакого шума*, сравниваетъ его съ человекомъ играющимъ на флейшѣ безъ сего ремешка.

(9) Писалъ о знаменитыхъ мужахъ.

(10) Много было писателей сего имени. Въ-рѣянно, что здѣсь разумѣется томъ, о

да (11), копорые иногда воображая себя вдохновенными, бредящѣ и ребячествуютѣ. Крапко сказащѣ, есщѣли чего, шо наипаче надупоспи, шрудно избѣжащѣ вѣ сочиненіи. Ибо всѣ шѣ, кои спре- мящѣя кѣ величественному, избѣгая при- знанія своей слабоспи и сухоспи, не знаю какѣ, обыкновенно впадающѣ вѣ сей порокѣ (12), на основаніи слѣдую- щаго сшпха:

*Унастѣ сѣ велигествомѣ порокѣ естѣ
благороднѣй (13).*

которомѣ Діонисій Галикарнасскій вѣ сво- ей книгѣ о словосогиненіи говоритѣ: сей родѣ согиненія естѣ Гегезіевѣ; ибо онѣ нагалбникѣ таковѣхѣ вздоровѣ.

(11) Матридѣ писалѣ похвалу Геркулесу.

(12) Чѣмѣ меньше кшо имѣетѣ дарованій, шѣмѣ болѣе стараешѣя возвышащѣя и разпространящѣя; подобно какѣ малоро- слые подымающѣя на пальцы и слабые много грозящѣя. *Квинтил.* Кн. II. гл. 3.

(13) Μεγάλος ἀπολιβαίνειν, ἀμάρτην εὐγενές. Боало перевелѣ слѣдующимѣ образомѣ: dans un noble projet on tombe noblement; а Толлій

Не смотря на то, надупоспъ и пух-
лоспъ сколько вредна въ шѣлѣ, сполько
и въ рѣчи; она имѣетъ обманчивую на-
ружностъ и не рѣдко производишь дѣй-
ствіе совсѣмъ прошивное нашему намѣ-
ренію. „Ибо нѣтъ, говоряшь, ничего су-
ше водяной болѣзни,,. Впрочемъ надуп-
оспъ извинительна шѣмъ, что она
спараетъ превзойти *высокое*; а ребя-
ческой слогъ совершенно прошивенъ *вы-*
сокому по тому, что онъ свойственъ
низкой, мѣлкой и не имѣющей никакого
благородства душѣ.

Чтожъ такое есть *слогъ* *ребяческой*?
Не иное что, какъ слогъ школьной, ко-
торой отъ излишней заботливости о
украшеніи, дѣлается холоднымъ. Въ сей
порокъ впадаютъ шѣ, кои желая бытъ

такъ: Si cadendum est mihi, caelo cecidisse
velim. т. е. *Коль должно мнѣ уласть, хоту*
уласть я съ неба.

чрезвычайными и вишієвапыми, а особливо пріяшными, говоряшъ пропами (14) и блиспаюшъ ложною красопою.

Есть еще прешій подобный сему порокъ въ спрашномъ папешическомъ родѣ рѣчи и называется у Θεодора (15) неумѣспнымъ воспоргомъ (*παρένθυσον*). Онъ соспойшъ въ показаніи спраспи не во время и безъ всякой нужды, или въ неумѣренности обнаруженной шамъ, гдѣ бы надлежало бышъ спокойнымъ. Часпо Орапоры, какъ бы въ нѣкопоромъ упоеніи, предаюшся такимъ спраспямъ, ко-

(14) Здѣсь охуждается излишнее стараніе о пропахъ, а не благоразумное употребленіе оныхъ.

(15) Здѣсь разумѣется Θεодоръ Гадерейскій, который обучалъ Цесаря Тиверія. Онъ писалъ между прочимъ *Περὶ Ῥήτορος διυάμεως* (о способности Ораторской), гдѣ говоритъ и *περὶ παρένθυσσιν*. Въ сей порокъ впадаемъ, когда о маловажныхъ вещахъ говоримъ съ важностію.

порья во все предмѣпу ихъ не приличны, а только имъ однимъ свойственны и изъ школы вынесены. По чему и случается, что они производятъ въ слушателяхъ не удивленіе, но смѣхъ и отвращеніе; ибо ихъ испуленіе слушателямъ не сообщается. — Но о спрасяхъ мы еще будемъ имѣть случай говорить въ другомъ мѣстѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О слогѣ холодномъ.

Тимей (1) сказаннымъ мною ребяческимъ и холоднымъ слогомъ преисполненъ. Впрочемъ онъ (2) имѣетъ глубо-

(1) Историкъ, который говорилъ о себѣ, что онъ легко можетъ превзойти Фукидида важностію и силою.

(2) Цицеронъ также довольно хвалитъ его въ 11 кн. de Oratore гл. XIV. *Minimus natu horum omnium Timaeus; quantum autem judi-*

кія свѣденія; иногда не скуденъ бываешь
въ величествѣ слова; изобилень въ вещахъ
и замысловатыхъ выраженіяхъ; только
чрезвычайно любишь оуждашь чужіе
пороки, а собственныхъ не чувствуешь,
(3) и имѣя спрашь вездѣ блистаешь
новыми мыслями, часто впадаешь въ не-

care possum, longe eruditissimus, et rerum
copia et sententiarum varietate abundantissimus
et ipsa compositione verborum non impolitus
magnam eloquentiam ad scribendum attulit.

- (3) Ничего нѣтъ несноснѣе такого писате-
ля, который, не видя собственныхъ недо-
статковъ, находишь оные въ самыхъ луч-
шихъ писателяхъ; а особливо когда почи-
таемые имъ таковыми не могутъ на-
зваться недостатками. Наши молодые
писатели симъ порокомъ заражены. Мой
совѣтъ, будь какъ можно скромнѣе
въ сужденіи о первостепенныхъ пи-
сателяхъ въ первые годы авторства,
если желашельно будь когда нибудь
великимъ писателемъ. Недовѣряешь къ сво-
имъ талантамъ есть наилучшій способъ
рано или поздно обратишь на нихъ вни-
маніе.

сносное ребячествѣ. Въ доказательство
сего приведу одинъ или два примѣра;
по тому что Цецилій множество ихъ
привелъ прежде меня. Желая похваливъ
Александра Великаго, онъ говоритъ:
„Александръ завоевалъ всю Азію скорѣе,
„нежели Исократъ написалъ ему по-
„хвальное слово.“ — Удивительное Алек-
сандра съ Орапоромъ сравненіе! По шво-
ему, Тимей, мнѣнію, Лакедемоняне въ
храброспи и мужествѣ, въ сравненіи
съ Исократомъ, весьма не много зна-
чатъ; ибо они взяли Мессину чрезъ
двадцать (4), а Исократъ написалъ Па-
нигирикъ чрезъ десять лѣтъ.

(4) Въ изданіи, съ котораго я переводилъ,
сказано тридцать лѣтъ; я поставилъ
двадцать, основываясь на Исторіи и на
увѣреніи многихъ Комментаторовъ, ко-
торые говорятъ, что у Лонгина точно
было написано и, что значитъ двадцать,
а не λ, что значитъ тридцать.

Какое, думали бы вы, употребилъ онъ восклицаніе, говоря объ Аѳинянахъ, взявшихъ въ плѣнъ въ Сициліи? — „И они „наказаны, говоритъ онъ, за то, что „наругались надъ Ерміемъ (Меркуріемъ) „и обезобразили его спашуи; и сей „гнѣвъ Меркурія былъ тѣмъ ощути- „пельнѣе, что онъ совершился чрезъ „одного полководца по имени Ермокрапа, „сына Ермонова, производившаго свое „поколѣніе отъ Ермія,. Чистая сіе, любезный Теренціанъ, удивляюсь, какъ не пришло на мысль Тимею, сказаць и о Діонисіи Тиранѣ, что какъ онъ не оказывалъ уваженія Дію (5) и Ираклу, то и свергнувъ съ престола Діономъ и Ираклидомъ (6).

(5) *Дій* значитъ Юпитеръ; а *Иракль* тоже что Геркулесъ.

(6) Діонъ — переводя Рускимъ окончаніемъ — надлежало бы сказаць Діевичъ; а Ираклидъ — Иракловичъ.

Но для чего я укоряю въ семъ Тимея, когда оныя великіе мужи древности *Ксенофонтъ* и *Платонъ*, вышедшіе изъ школы Сократовой, гоняясь за паковыми мѣлочами, иногда сами себя забываютъ? Первый изъ нихъ въ разсужденіи своемъ о Лакедемонской Республикѣ пишетъ такъ: „они столько же „говорятъ, какъ бы были каменные, лица ихъ столькоже обращаются какъ бы были мѣдныя; а въ стыдливости (7) превосходятъ они даже тѣ части глазъ, которыя по Гречески называются *παρθένοι* (дѣвицами), (8)“. Амфикрапу (9), а не

(7) Ксенофонтъ говоритъ въ семъ мѣстѣ о *Λικυργῆς*, который предписалъ такъ воспитывать юношей, чтобъ они были скромнѣе и стыдливѣе женскаго пола.

(8) *Ἀιδημονεσέρης δ' αὖ αὐτὸς ἡγήσατο καὶ αὐτῶν τῶν ἐν τοῖς ὀφθαλμοῖς παρθένων.*

Всѣ Комментаторы согласны въ томъ, что у Ксенофонта вмѣсто *ὀφθαλμοῖς* сказано было *θαλάμοις*; тогда будетъ слѣдую-

Ксенофонту было бы приличнѣе зрачки
глазѣ назваши спыдливыми дѣвицами. —
Не странное ли дѣло, хотѣши увѣриши,
что всѣ зрачки глазѣ спыдливы, между
тѣмъ какъ, по увѣренію многихъ, ни
гдѣ сполько не обнаруживается без-
спыдство, какъ въ глазахъ? По сей при-
чинѣ и Омирѣ о безспыдномъ человѣкѣ
говоришъ: *исяница, съ несими глазами!*
Но какъ ни холодна сія Ксенофонтова
мысль, Тимей не погнушался и оною,
какъ такою вещію, копорую можно бы-
ло похитиши (10). Ибо онѣ въ одномъ

щій смыслъ приведенныхъ изъ него словъ:
*въ спыдливости превосходятъ даже дѣ-
вицѣ въ брагнѣхъ гертогахъ.* Лонгинѣ
вѣрно судилъ о семъ мѣстѣ по памяти
и не справясь съ самимъ Ксенофонтомъ.
Ибо не лзя спашься, чтобъ Ксенофонтѣ
сказалъ такую нелѣпость.

(9) *Амфикратѣ*, Греческій историкъ, писалъ
о знаменитыхъ мужахъ.

(10) „Какъ вещію положенною гдѣ нибудь
„такъ, что можно ее украситъ; какъ ве-

мѣстѣ обѣ Агаѳоклѣ, который насильно увелъ отъ мужа двоюродную сестру свою на другой день свадьбы ея, говоришь такъ: „кто бы могъ другой сдѣ-
„лашь сіе, кромѣ имѣющаго въ глазахъ
„безстыдные зрачки? (11). Чтожъ ска-
зать о Платонѣ, впрочемъ божествен-
номъ (12), который о кипарисныхъ

щю не припрятанною“ — Вотъ что Лон-
гинъ хочеть сказать чрезъ слово *Φῶριον*,
дабы доказать худой вкусъ и Авторскую
недобросовѣстность *Тимея*.

(11) *πόρας πόρας* — значитъ также и *нелотреб-
ныхъ, безстыдныхъ дѣвицъ*.

(12) Можно бы перевести не слишкомъ придер-
живаясь подлинника: о *Превосходномъ, вели-
комъ Платонѣ*; но я перевелъ до слова: бо-
жественный Платонъ, *Θεῖος Πλάτων, Divinus
Plato*, по тому, что сіе прилагательное имя
дано Платону не безъ основанія. Во всѣхъ
надгробіяхъ, которыя Діогенъ Лаерцій по-
мѣстилъ въ его жизни, оно, изъ оплич-
наго къ его твореніямъ уваженія, припи-
сывается ему какъ существенное, неопъ-
емлемое. *Плотинъ*, учитель нашего Ав-

доскахъ (13) говоритъ такъ: „написавъ,
 „что надобно, положавъ сіи кипарисные
 „памятники во храмахъ“; и въ другомъ
 „мѣстѣ о спѣнахъ: что касается до
 „спѣнъ, о Мегеллѣ! я согласенъ съ мнѣ-

шора, едва не выпросилъ было у Импера-
 шора *Галіена*, чтобъ построили городъ
 во имя сего великаго философа, *Плато-
 нополь*, въ которомъ бы жили философы
 по его законамъ. Сверхъ того Платонъ
 прозванъ былъ пчелою Апшики и Омиромъ
 философовъ. — Но кто не имѣетъ недо-
 спатковъ? Ксенофонтъ, упоминаемый Лон-
 гиномъ, также прозванъ былъ за свое кра-
 снорѣчіе Апшическою Музою; но также
 какъ и Платонъ, не избѣжалъ его кри-
 тики.

(13) *Δέλτα*. Подъ симъ словомъ разумѣются
 здѣсь тѣ доски или скрижали, на кото-
 рыхъ древніе писали общественныя по-
 становленія, договоры и тому подобное.
 Впрочемъ всякія доски для писанья при-
 гошовденныя и книги назывались симъ
 именемъ по тому, что онѣ дѣлаемы бы-
 ли изъ мѣди, изъ дерева и другихъ мате-
 ріаловъ на подобіе Греческой преугольной
 буквы Δ, называемой делтою.

„ніемъ Спаршанцевъ, чпобъ оставишь
 „оныя спящими на землѣ, и никогда не
 „разбужашь“. Не далеко опходишь отъ
 сего и Иродотъ, назвавъ прекрасныхъ
 женщинъ болѣзною для глазъ (14). Хо-
 тя сіе выраженіе нѣкоторымъ образомъ
 извинительно, ибо у Иродота это го-
 воряшь варвары, и при томъ пьяные:
 однакожъ и для таковыхъ лицъ не над-
 лежало бы изъ мѣлкаго удовольствія
 хорошее сочиненіе обезображивашь и
 подвергашь суду попомспва.

(14) Ἀλγιδόνας ὀφθαλμῶν. Это говоряшь Персид-
 скіе послы предъ Македонскимъ Царемъ
 Аминпомъ въ книгѣ V у Иродота. Боало
 находитъ сіе выраженіе также холоднымъ,
 но многіе оправдываютъ оное. Одинъ Гре-
 ческій писатель назвалъ цвѣты ἐορτήν
 ὀψευς, праздникомъ зрѣнія; а зелень πανήγυριν
 ὀφθαλμῶν, торжествомъ глазъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Откуда происходят вышесказанные пороки.

Всѣ шаковыя прошивныя важности слога пороки не отъ инаго чего происходятъ, какъ отъ приспраспїя къ новымъ мыслямъ, къ которымъ нынѣшніе писатели (1), до безумїя привязались. Ибо недоспашки почти изъ того же самаго источника произтекаютъ, изъ котораго и совершенства (2). Такимъ образомъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ удивительно способствуешь къ возвышенію рѣчи, какъ на прим. красо-

(1) Лонгинъ разумѣетъ подъ симъ своихъ современниковъ; но тоже можно сказать и о многихъ изъ нашихъ писателей.

(2) Прекрасно о семъ сказалъ Гораций въ слѣдующихъ стихахъ:

Decipimur specie recti. brevis esse laboro,

Obscurus fio: sectantem levius, nervi

Deficiunt animique: professus grandia turget:

Serpit humi tutus nimium, timidus que procellae. m. e.

пы слововыраженія, высокосць мыслей и пріятность, то иногда бываетъ причиною прошивнаго сему дѣйствія, какъ легко можно видѣть сіе въ *Метаволахъ*, *Иперволахъ* и фигурахъ называемыхъ *Множественными* (3). Мы покажемъ ниже, сколь опасно употреблять оныя. По чему и надобно теперь найши и утвер-

Мы обманываемся наружностію добра. Я, желая быть краткимъ, дѣлаюсь темнымъ; другой стараясь о исправности и лавности своего сочиненія, отнимаетъ у онаго крѣпость и силу; иной стараясь быть высокимъ надувается, а другой не смѣя возвыситься, дабы не потеряться въ облакахъ, пресмыкается по землѣ. de arte Poetica. — Краснорѣчіе есть море; кто пускается въ оное съ благоразуміемъ, тошъ ни слишкомъ удаляется отъ берега, ни слишкомъ его держится. Въ первомъ случаѣ онъ могъ бы погибнуть въ волнахъ; а въ послѣднемъ разбишь свой корабль о берегъ.

(3) Когда вмѣсто единственнаго числа употребляется множественное. напр. *Петры, Генрихи, Титы.*

дѣль способѣ, по которому бы можно было избѣжать пороковъ, вкрадывающихся въ высокое.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

*Трудно научиться узнавать истинно
высокое.*

Сей способъ, любезной другъ, со-
споймъ въ томъ, когда мы прежде при-
обрѣтемъ ясное объ истинно - высокому
понятіе и способность здраво судить;
хотя въ прочемъ это не малаго споймъ
труда. Ибо сужденіе о сочиненіяхъ есть
послѣдній, такъ сказать, плодъ долго-
временнаго упражненія и опытности (1).

(1) Чтожъ послѣ сего значатъ слѣдующіе
стихи :

La Critique est aisée, mais l'art est difficile ?
Не иное что, какъ легкая, свойственная мо-
лодымъ умамъ, кришика, которая есть одно
только порицаніе и оужденіе безъ дальней

Не смюпря на шо, здѣсь можешѣ бытъ
покажемѣ крапчайшій путь къ доспи-
женію сего совершенства.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Какъ можно узнать высокое?

Надобно знать, любезный другѣ,
что въ общежитіи ничто не можешѣ
назваться великимѣ такое, презрѣніе
чего почищается за великое дѣло; какѣ
на примѣрѣ: богатство, почести, слава,
достоинства, власть и другія блага,
которыя прельщаютѣ только наружно-

заботы о справедливости и шонкости
примѣчаній. Нашѣ великій критикѣ
разумѣетѣ подѣ критикою или сужде-
ніемѣ, какѣ вы сами видите, прямую, без-
приспращную оцѣнку, дѣлаемую разсуд-
комѣ и вкусомѣ подлинному достоинству
и превосходству швореній ума и даро-
ваній.

спію, а вѣ очахѣ разумнаго челоуѣка никогда не могуѣ быѣ превосходнымѣ благомѣ; ибо самое презрѣніе оныхѣ не малое соспавляеѣ достоинство. Отсюда произходиѣ, что мы больше уди-вляемся шѣмѣ, которые могуѣ все поимѣшъ, но по душевному величію презираюѣ, нежели имѣющимѣ оное (1).

Тоже самое наблюдать должно и вѣ разсужденіи поэмѣ и рѣчей, дабы вѣ нихѣ не счестѣ возвышеннымѣ такого, что имѣеѣ только видѣ онаго и что обыкновенно соспоиѣ вѣ наборѣ громкихѣ словѣ, которые по спрогомѣ разсмопрѣніи оказываются пусшыми, надушыми и пошому достойными больше презрѣніа, нежели удивленіа. Ибо душа наша, услышавѣ истинное высокое, еспеспвеннымѣ какимѣ по образомѣ

(1) Фокіоны, и Фабриціи гораздо болѣе удивляюѣ насѣ, нежели Лукуллы и Крассы.

возвышается, и принявъ на себя нѣко-
 порую гордую осанку, исполняется ра-
 достію и щеславіемъ, какъ бы слы-
 шанное ею было собственнымъ ея про-
 изведеніемъ (2). И такъ, естли какое
 мѣсто въ сочиненіи, слышанное нѣсколь-
 ко разъ кѣмъ нибудь знающимъ и иску-
 сившимся въ краснорѣчіи, не располо-
 жишь души его къ высокоумію, и ни-
 чего кромѣ произнесеннаго не оставишь
 въ умѣ для умозрѣнія; а напрошивъ ча-
 сто будучи разсмаприваемо, опѣ часу
 болѣе будешь понижаться и наконецъ
 во все упадешь: въ такомъ мѣстѣ нѣтъ
 истиннаго высокаго, по тому что оно
 нравится только слуху, и не проходишь

(2) Лагарпъ приводитъ во IIй главѣ Лицея
 нѣсколько опредѣленій *высокаго*, которыя
 сдѣланы новѣйшими писателями; но онъ
 же находить въ нихъ и недостатокъ.
 Кому угодно, можетъ при семъ случаѣ
 прочесть оныя.

далѣе. Истинно — великое (3) есть то, что заставляетъ душу долго занимать-ся онымъ; чему не только трудно, но и не возможно пропивишься и что оста-вляетъ по себѣ сильное и неизгладимое впечатлѣніе въ памяти. Словомъ: истин-

(3) Примѣтите, что Лонгинъ часто безъ разбору употребляетъ слова *высокое* и *великое*. Въ семъ мѣстѣ у него сказано: *τῷ ὄντι μέγα. π. е. по истинѣ, подлинно великое*, что кажется разности не дѣ-лаетъ съ высокимъ; однакожъ если су-дишь строго, а особливо въ отношеніи къ другимъ мѣстамъ, гдѣ онъ сіе слово употребляетъ, то *великое* не можетъ замѣ-нить *высокаго*. Великое (*le grand*) прием-летъ еще большую или меньшую сте-пень совершенства; но высокое, никакой. Когда кто нибудь подходитъ въ первой разѣ къ памятнику ПЕТРА Великаго и читаетъ надпись: *ПЕТРУ Первому ЕКАТЕРИНА Вторая*, то онъ вдругъ чувствуетъ въ се-бѣ все, что желательно было сказать сими словами. Постарайтесь предста-вить себѣ что нибудь такое, что бы мо-жно было сказать вмѣсто сего, вы все-гда останетесь ниже. — Вотъ высокое!

нымъ и дѣйствительно — высокимъ должно почитать такое, которое всегда и всѣмъ нравится (4). Ибо если о чемъ нибудь всѣ, будучи различныхъ склонностей, нравовъ, обычаевъ, лѣтъ и знаній, будучи одинакаго мнѣнія: то сіе единомысленное несогласныхъ впрочемъ между собою умовъ сужденіе и одобреніе твердую и несомнительную внушаетъ вѣру къ тому, что произвело Удивленіе (5).

(4) Кажется, я понялъ сіи слова: ὅλως δὲ καλὰ νόμιζε ἔφη καὶ ἀληθινὰ τὰ διαπαντὸς ἀρεσπόντα καὶ πᾶσι. Истинное высокое для всѣхъ временъ и лицъ есть высокое; а ложное только для не имѣющихъ еще здраваго вкуса кажется таковымъ, и пошому можетъ имѣть свою силу надъ нѣкоторыми только умами, да и то на самое короткое время, т. е. пока они не въ состояніи еще примѣтить обманчивую наружность онаго.

(5) Слово удивленіе въ концѣ сего періода есть то, что Логики называютъ отличительнымъ знакомъ (nota characteristica); ибо прочее все прилично также и

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

О пяти источникахъ высокаго.

Я счисляю пять обильнѣйшихъ испочниковъ *Высокаго*, предполагая какъ бы въ общее основаніе онымъ даръ

прекрасному либо *изящному*. Трудно и для самаго Лонгина, какъ примѣрно, опшѣнить словами впечатлѣніе *высокаго* отъ впечатлѣнія производимаго *прекраснымъ* или *изящнымъ*; хотя разность между ими въ душѣ нашей весьма ощутительна. Первое изъ нихъ есть родъ какого-то внутренняго, такъ сказать, разширенія, возноситъ духъ гораздо выше обыкновенной степени, и производитъ въ немъ сильное движеніе, которое конечно имѣетъ въ себѣ пріятность, но важнаго рода и нѣкоторымъ образомъ приближается къ суровому и строгому. Последнее такъ же производитъ въ духъ сильное движеніе, но смѣшанное съ какою то веселостью и живостью. Впрочемъ мы легко можемъ дать опчетъ въ чувствованіяхъ произведенныхъ изящнымъ и прекраснымъ; но въ произведенныхъ *высокимъ* сдѣлать того не въ силахъ. Когда мы слышимъ прекрасную сцену, прекрасной отрывокъ поэзіи или прозы,

краснорѣчія (1), безъ котораго все прочее ничего не значить.

и насъ спросятъ, для чего онъ приносилъ намъ удовольствіе: то всякой по своимъ знаніямъ можетъ сказать пому причину, и болѣе либо менѣе хвалить въ такомъ сочиненіи сложность или подробности мыслей, украшенія, согласіе, словомъ: все о чемъ искусство научаетъ хорошо судить. Но когда великій Сципіонъ, осужденный трибунами, является въ собраніе народа и вмѣсто всякаго защищенія говоритъ: *Римляне! двадцать лѣтъ тому, какъ я въ такой же день побѣдилъ Аннибала и покорилъ Картагенъ. Пойдемъ въ Капитолію принести богамъ благодареніе*; когда при сихъ словахъ поднимается всеобщій крикъ и всѣ за Сципіономъ послѣдуютъ; тогда если бы кто нибудь спросилъ народъ, для чего онъ находитъ слова сіи такъ прекрасными: то кто бы захотѣлъ отвѣчать на спрошенной сей вопросъ, да и что такое можно было бы тогда отвѣтствовать, кромѣ того, что это прекрасно по тому, что мы приведены внѣ себя; что Сципіонъ имѣетъ высокія чувствованія и что *высокому* свойственно всѣхъ покорять себѣ?

(1) Ἐν τῷ λέγειν δυναμὲς, способность говорить; изъ сего видѣть можно, что

Первый и превосходнѣйшій изъ нихъ
 есть *счастливая отважность мыслей*, такъ
 какъ сіе показано уже нами въ полко-
 ваніи Ксенофоновыхъ сочиненій (2);
 вѣпорой, *сильная и изступленная страсть*
 (3); и сіи два источника по большей ча-
 сти суть даръ природы; а послѣдніе
 при приобретающахся искусствомъ. Тре-
 тій источникъ есть *пристойное соста-
 вленіе фигуръ*, изъ коихъ однѣ суть фи-
 гуры *мыслей*, а другія *речей*. Четвертый,

Лонгинъ хочетъ здѣсь преподашь правила
 къ усовершенствованію сей способности,
 а не правила собственно такъ называе-
 маго высокаго. Ибо кому не извѣстно, что
 въ самомъ худомъ сочиненіи можетъ
 встрѣшиться самая высокая черта; и
 напрошивъ, самое краснорѣчивое сочине-
 ніе можетъ не имѣть ни одной высокой
 черты?

(2) Сіе сочиненіе вмѣстѣ со многими други-
 ми не дошло до нашихъ временъ.

(3) То, что у новыхъ писателей называется
*l'energie des sentimens et des pas-
 sions*.

благородное слововыраженіе, которое состоитъ изъ двухъ частей: изъ выбора словъ и пропическаго и украшеннаго слога. Пятой, заключающей въ себѣ всѣ другіе источники, есть величественное и возвышенное словорасположеніе (4).

Показавъ источники высокаго вообще, рассмотримъ теперь въ частности, что каждой изъ нихъ имѣетъ достойнаго примѣчанія. Но скажемъ прежде, что нѣкоторыя изъ нихъ Цицеріемъ

-
- (4) Здѣсь словорасположеніе относится къ *Риторическому числу и гармоніи*. — Изъ сихъ источниковъ я почиаю два только имѣющими тѣснѣйшую связь съ *высокимъ*, или лучше съ *высокимъ* слогомъ; ш: е: отважность мыслей и сильную и изсупленную смелость. Чпожъ касается до проповѣй, фигуръ и расположенія словъ, то они больше относятся къ другимъ родамъ сочиненій, нежели къ высокому; ибо ему всего менѣе приличны украшенія.

пропущены, какъ на примѣрѣ спроспъ (5).

Еспьли онѣ сдѣлалѣ сіе для того, чпо высокое и спроспное почиалѣ за одно, такѣ чпо они другѣ безѣ друга бышѣ не можешѣ: шо онѣ обманулся; ибо бывающѣ такія спроспи, копорыя весьма далеки опѣ высокаго и даже низки, каковы сущѣ: сожалѣніе, печаль, спрахѣ; и на оборощѣ, бываетѣ высокое безѣ всякой спроспи. Сему, между прочимѣ, можешѣ служишѣ примѣромѣ и шо, чпо Омирѣ съ такою опважноспію говоришѣ обѣ Алоидахѣ (6):

(5) *Πάθος*. У нынѣшнихѣ Еспешиковѣ это называется обыкновенно *патетическимѣ*, чпо значитѣ по Руски *спративѣмѣ*.

(6) *Алой* былѣ сынѣ *Титана* и *Земли*. Жена его *Ифимедія* лишена была дѣвства *Непшуномѣ*, опѣ копорого родила двухѣ сыновѣ *Опа* и *Ефилеша*, проименованныхѣ *Алоидами* пошому, чпо они воспитывались у *Алая*, какѣ собсшвенныя его дѣти. *Виргилій* упоминаешѣ о нихѣ въ 6й

„Дабы взойши на небеса ,

„Хопѣли на Олимпъ взнести огромну Оссу ,

„На Оссу же взвалишь лѣсиспый Пеліонъ,, (7).

Къ сему присовокупляетъ еще сильнѣйшее и величественнѣйшее мѣсто :

пѣсни Энеиды: „Hic Aloidas geminos immania vidi corpora,,. Многие думаютъ, что Виргилій въ семъ мѣстѣ превзошелъ Омира.

(7) Въ семъ примѣрѣ нѣтъ ничего страшнаго ; но вся высокосць онаго происходитъ какъ отъ того, что Алоидамъ приписывается чрезвѣстешвенная сила, съ которою они вносятъ одну гору на другую, такъ и отъ того, что они имѣютъ намѣреніе чрезвычайное — взойши на небо. — На прошивъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Димитрій Самозванецъ говоритъ : *ахъ! естли бѣи со мной погибла вся вселенна* — высокое происходитъ отъ страха, т. е. отъ отчаянія, съ копорымъ онъ желаетъ, чтобъ съ нимъ вмѣстѣ погибъ весь свѣтъ.

„И шо моглибѣ свершишь, и проч. (8)
 Сверхъ того похвальныя слова Орапо-
 ровѣ и другія сочиненія, копорыя пи-
 шупся шолько для показанія ума, хошя
 много заключающѣ въ себѣ высокоспи
 и великолѣпія, но спрашнаго по боль-
 шей часпи лишены бывающѣ. Ошсюда
 происходишѣ, что весьма не многіе
 способны къ похвальнымъ словамъ изъ-
 шѣхъ Орапоровѣ, копорые способны
 къ возбужденію спрашей; и на прошивѣ
 шѣ, копорые опличающся въ похваль-
 ныхъ словахъ, къ возбужденію спрашей
 не способны.

Впрочемѣ, ешпли Цецилій думалѣ,
 что спрашное ни мало не служишѣ
 къ *высокому*, и пошому за ненужное
 счелѣ и упомянушѣ обѣ ономѣ: шо еще

(8) Καὶ νὺ κεν ἐξετέλεσσαν, εἰ ἦεν μέτρον ἰούτο. Одис.
 пѣсн. IX. ш. е. И шо моглибѣ свер-
 шить, когдабѣ пришли въ лѣша. „

гораздо болѣе обманулся. Ибо я смѣло могу сказать, что ничего не бываетъ въ краснорѣчии величественнѣе благородной и къ спаши употребленной спраши; тогда рѣчь произносится какъ бы съ нѣкоторымъ испуленіемъ и одушевляется божественнымъ вдохновеніемъ (9).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О высотности мыслей.

Хоша первой и превосходнѣйшей изъ пяти показанныхъ мною испочни-

-
- (9) Величіе Оды Господина Ломоносова къ *Юву* весьма много обязано сему испочнику. Спрашь оныя естъ гнѣвъ, съ которымъ Богъ говоритъ къ ропщущему на провидѣніе человѣку. Самая начальная строфа сей оды столь уже грозна, что никогда не читавшій ея, едвали можетъ дочитать до конца, не погрузясь въ долговременное изумленіе и забвеніе самага себя.

ковъ, состоящій въ величествѣ духа (1),

(1) Тоже, что выше названо счастливою отважностію мыслей. — Сюда отнести надобно какъ то, что новѣйшіе Риторы называютъ высокимъ въ чувствованіяхъ (*le sublime des sentimens*), такъ и то, что называютъ они *высокимъ въ мысляхъ* (*le sublime des pensées*). *Высокое* *перваго* *рода*, имѣя основаніемъ истинную добродѣтель, превышаетъ природу человѣческую, и въ слабomъ смертномъ показываетъ нѣчто божественное и величественное; или происходя отъ злонавія, открываетъ гнусность сердечныхъ склонностей въ невѣроятной степени. Всѣ почти предмѣты сего рода можно заключить подъ именемъ ироиства. — Высокое же въ мысляхъ (*le sublime des pensées*) есть то, которое живо представляя воображенію какойнибудь великой физической либо отвлеченной предмѣтѣ, производитъ въ насъ смѣшенное съ изумленіемъ къ нему уваженіе. Такого рода предмѣты суть: на пр.: „Необозримыя долины, безпредѣльной Океанъ, сводъ небесной, высокія утесистыя горы, бездонныя пропасти, развалины; такъже сверканіе молній, громкой звукъ колоколовъ въ уединеніи, звукъ пушекъ

есть даръ больше природы, нежели искусства (2); однакожъ надобно какъ мож-

„и грома, свистъ вѣтровъ, крикъ толпы
 „народной; великая сила и могущество,
 „сраженія войскъ, землетрясенія, огнеды-
 „шущія горы, великіе пожары, бури, раз-
 „липія морей, ураганы, быстро и съ шу-
 „момъ текущія рѣки, водопады,.. Сверхъ
 того весьма часно способствуетъ къ вы-
 сокимъ описаніямъ, мракъ, уединеніе,
 „безмолвіе, ужасы, дикая природа,,; а
 всего выше мысли касающіяся всемогу-
 щества Божія. —

- (2) Величество духа есть существенная принадлежность *Генія*. Но Генія — разумъя подъ симъ *Генія* превосходнаго, съ понятиемъ коего мы соединяемъ нѣчто высокое, единственное въ своемъ родѣ — мы приносимъ съ рожденіемъ своимъ. Сама Природа образуетъ чувственные его орудія съ возможнымъ совершенствомъ. Она, подобно благодѣтельной Феѣ, одаряетъ его сильнымъ воображеніемъ *Аомоносова*, пворческимъ духомъ *Милстона* и *Клопштока*, остроуміемъ *Волтера*, глубокомысліемъ *Юнга*, чувствительностію *Делля*, тонкостію вкуса *Ла Гарпа*, высокимъ умомъ *Винкельмана*.

но спарашься воспитывать, такъ ска-
зашь, душу къ величеству (3) и непре-
сшанно исполняшь оную благородными и

Она даетъ ему чувствительное сердце,
могущее другаго восхищать, и подобно
нѣжнымъ струнамъ, возбуждашь спраси;
научаетъ сильнымъ желаніямъ тѣсно со-
единеннымъ съ любовію добродѣтели, съ
чувствомъ челоѳчества, съ достойными
и возвышенными мыслями. При всемъ
томъ однакожъ весьма много найдется
еще работы искусству въ образованіи та-
кого Генія, какъ уже выше примѣчено.

- (3) Воспитаніе *Генія* должно соотвѣтство-
вать намѣренію Природы. Способности
души его должны заблаговременно раз-
виться, возвыситься. Онъ долженъ про-
свѣтитъ умъ свой, образовать сердце;
гнущаться предрасудками, смѣяться надъ
простонародными мнѣніями, и въ самыхъ
раннихъ лѣтахъ начать уже мыслишь
благородно. Онъ ищетъ красотъ Природы
и Искусства, читаетъ лучшія произведе-
нія Вишійства и Поэзіи съ изступленіемъ,
но вмѣстѣ и съ разсудкомъ, отбираетъ
изъ нихъ самое лучшее и кладетъ, такъ
сказашь, въ свой запасной магазинъ; смо-
тришь за самимъ собою, узнаетъ сердце

высокими мыслями. Но какимъ образомъ это сдѣлать? спросишь кто нибудь. — Я уже и въ другомъ мѣстѣ гдѣ-то сказалъ, что высокое есть какъ бы нѣкоторой опголосокъ (4) душевнаго величія; и по сему иногда удивляемся мы нагой и не произнесенной голосомъ мысли, по причинѣ видимаго въ ней возвышенія духа. Сему примѣромъ служишь можешь Аяксово въ Одиссеѣ молчаніе (5), по испинѣ величественное

свое, его движенія, и приобрѣщаетъ такія познанія, въ которыхъ состоишь благородство человѣка и достоинство артиста. — Вошъ въ чемъ почти должно состоять *воспитаніе души къ величеству!*

(4) μεγαλοφροσύνης ἀπήχημα; откликъ, отгласъ (если можно такъ сказать по сходству съ словомъ возгласъ) душевнаго величія, или — если употребить старинное слово для выраженія Греческаго слова μεγαλοφροσύνης — велемудрія. Можно ли лучше изобразить *Высокое*?

(5) Т. е. въ пѣсни IX, гдѣ Улиссъ бесѣдуетъ во адѣ съ тѣнями усопшихъ.

и превосходящее высокоспію своею всякое слово (6).

И пакѣ прежде всего положишь надобно, чпо истинному Орапору не должно имѣть низкаго и подлаго духа. Ибо не возможно, чпобы имѣющій во

Αἱ δ' ἄλλα ψυχὰι, νεκρῶν κατατεθνεώτων,
Ἔεσαν ἄχινύμεναι, ἔιροντο δὲ κῆδ' ἐνάτη.
Ὅτι δ' Ἀϊαντος ψυχὴ Τελαμωνιάδεο
Νόσφιν ἀφ' ἐσῆκει κεχολωμένη ἔνεκα νίκης,
Τὴν' μιν ἐγὼ νίκησα

п. е. „другія души усопшихъ сѣтовали и повѣсшвовали каждая о своихъ напастяхъ; одна только душа Аяксова вдали стояла безмолвна, негодуя на побѣду мною надъ нимъ одержанную.„

(6) Высокое можетъ быть даже и въ молчаніи. Г. Лагарпѣ приводишь въ примѣръ сему славнаго заговорщика Бюси ле Клерка, когда онѣ явился со своими соумышленниками въ Парламентъ. Онѣ повелѣваетъ градоначальникамъ ошдашь приговоръ прошивъ правъ Бурбонскаго дома или слѣдовать за нимъ въ Баспилю. Никто ему не ошвѣсшсшвуешъ, и всѣ всшашъ сѣ мѣсшпа, чшобѣ за нимъ слѣдовать.

всю жизнь свою маловажныя и рабскія мысли произвелъ что нибудь удивительное и достойное попомсхва. На прошивъ, тѣхъ только сочиненія могутъ быть высоки, коихъ мысли всегда спре-
мяшся къ величественному; откуда происходишъ и то, что чрезвычайное свой-
ственно токмо тому, кто имѣетъ духъ возвышенной (7). Посмотримъ, на при-
мѣрѣ, что Александръ отвѣчалъ, когда Дарій предложилъ ему половину Азіи и дочь свою въ замужство. „Что ка-
сается до меня, сказалъ ему Парменіонъ, есхълибъ я былъ Александръ, то бы согласился на сіи предложенія.“ — И я, отвѣтствовалъ Александръ, есхълибъ я былъ Парменіонъ (8).„ Не надлежало

(7) Возвысится ли, на примѣрѣ, обыкновенная душа до величія Павла Демидова?

(8) Какъ примѣры лучше научаютъ, нежели правила, то я приведу нѣсколько оныхъ

ли бышь Александромъ, чтобы такъ отвѣщивать? Равнымъ образомъ, есѣли

въ дополненіе къ Лонгиновымъ. Престарѣлый Горацій, услышавъ, что изъ трехъ его сыновей, сражавшихся противъ трехъ же Куріаціевъ, двое убиты, а третій бѣжалъ, весьма вознегодовалъ на поступокъ послѣдняго. Бывшая при томъ дочь его, въ извиненіе брата своего, говоритъ ему: „чтожъ осталось ему одному дѣлать, противъ троихъ?“. Старикъ отвѣщиваетъ: „умереть!“, *qu'il mourût*. Смотри въ Корнелевой трагедіи называемой: Гораціи., — Юлій Цесарь, прогнѣвавшись на кормчаго, что онъ боится бури, сказалъ ему: „*Quid times? Caesarem vehis.*“, Чего боишься? „Цесаря везешь., — Поръ Царь Индійскій, по храбромъ защищеніи себя, взявъ былъ въ плѣнъ, и спрошенъ будучи Александромъ, какъ онъ хочетъ, чтобы было съ нимъ поступлено: „какъ съ Царемъ!“, отвѣщивалъ. — Одна женщина изъ простаго состоянія отвѣщивала священнику при случаѣ, когда онъ говорилъ о повелѣніи Божіемъ, дабы Авраамъ принесъ на жертву сына своего Исаака. — *Богъ никогда бы не повелѣлъ матери принести такую жертву.* Во всѣхъ сихъ примѣрахъ видно высокое чувствованіе. —

что доказываетъ величество Омирова
духа, по наибольше его описаніе *Раздора*:

Теперь слѣдуютъ примѣры высокаго въ
мысляхъ:

Et cuncta terrarum subacta,

Praeter atrocem animum Catonis. Horat. libr II od. I.

Т. е. „вся вселенная была покорена, кромѣ
гордаго духа Катона.,,

Боссюетъ во всеобщей Исторіи своей го-
воритъ о идолопоклонникахъ: „все было
„Богъ, кромѣ самаго Бога; и міръ, со-
„творенный Богомъ для показанія своего
„могущества, учинился по видимому хра-
„момъ идоловъ., — Нашъ Ломоносовъ
преисполненъ высокими мыслями. Таково
на пр: слѣдующее мѣсто въ его одѣ,
выбранной изъ Іова.

Ты можешь ли Левіаѳана

На удѣ вышянуть на брегъ?

Въ самой срединѣ Океана

Онъ быстрой простираетъ бѣгъ;

Свѣшящимися чешуями

Покрывъ какъ мѣдными щитами;

Копье и мечъ и молотъ свой

Щитаешь за простникъ гнилой.

*

Какъ жерновъ, сердце онъ имѣетъ

И зубы страшный рядъ серповъ:

Кто руку въ нихъ вложитъ посмѣетъ?

Всегда къ сраженью онъ готовъ;

„Онѣ ходишѣ по землѣ, главу скрывѣ въ
небесахѣ (9).

Можно сказать, что сія величина не столько служишѣ мѣрою *Раздора*, сколько Омирова таланта. Но какая разность между симѣ и Исіодовымѣ

На острыхѣ камняхѣ возлегаетѣ,

И швердосѣ оныхѣ презираетѣ.

Для крѣпосѣ великихѣ силѣ

Щипаетѣ ихѣ за мягкой илѣ.,,

(9) До слова такѣ: въ небесахѣ ушвердилѣ главу и ходишѣ по землѣ. — Виргилій въ четвершой книгѣ Енеиды почти опѣ слова до слова перевелѣ сей стихѣ, примѣнивѣ оной, вмѣсто Раздора, къ Молвѣ: *Ingreditur que solo, et caput inter nubila condit.* Подобно сему Г. Державинѣ изображаетѣ гору *Сенгготарѣ* въ своемѣ переходѣ въ Швейцарію чрезѣ Алпійскія горы Россійскихѣ войскѣ:

„Ведетѣ — и нѣкая громада,

Тигантѣ предѣ нимѣ возсталѣ въ пущи,

Главой небесѣ, ногами ада

Касаяся, прешитѣ ишши..,,

Читая сіе мѣсто, не поже ли самое сказать можно о талантѣ Державина, что Лонгинѣ говоритѣ объ Омировомѣ?

спихомъ, въ которомъ онъ описываетъ
Пегалъ, естли только правда, что щипъ
 Геркулесовъ есть его твореніе?

„И возгри изъ ноздрей ея шекли.,, (10).

Такимъ образомъ онъ представилъ
 богиню не страшною, но опвращишель-

(10) Можетъ быть, нѣкоторые скажутъ,
 что природа безобразная, когда она бу-
 детъ изображена совсѣмъ совершенствомъ,
 дѣлаетъ столько же чести живописцу,
 какъ и природа прекрасная. На пр: до-
 вольно ли безобразна лягушка, змѣя,
 обезьяна, скорпіонъ, прупы, и пр? Но сіи
 предмѣты подъ искусною кистію плѣня-
 ютъ знамоковъ.

Il n'est point de serpent ni de monstre odieux
 Qui par l'art imité, ne puisse plaire aux yeux.

Такъ, это не спорно. Но нужно помнить
 цѣль, съ которою мы говоримъ, и мѣсто,
 гдѣ говоримъ. Разборчивая кисть никогда
 не выставитъ тѣхъ, самыхъ естестве-
 ственныхъ впрочемъ дѣйствій и призна-
 ковъ, которые родили бы дурную мысль
 о художникѣ.

Ne presentez jamais de basses circonstances.

Boileau.

ною. На прошивъ, какое величіе даетъ
богамъ Омиръ! на примѣръ, когда го-
воришь:

Колико можешь взоръ обнять поля воздушны,
Когда съ утеса кто на синій смотритъ Понтъ,
Толико Божески высоковышны кони
Спремленіемъ однимъ препрыгивающъ вдругъ.

Спремленіе или скачокъ коней онъ
измѣряетъ пространствомъ міра. При
споль чрезвычайномъ спремленіи, кто
не воскликнетъ вдругъ, что есѣли
божескіе кони два раза съ ряду ска-
кнутъ, то не найдутъ уже мѣста въ
мірѣ? Сполько же величественно и
описаніе сраженія боговъ:

Потрясся (11) весь Олимпъ, сѣдалище боговъ;
Плутонъ, усопшихъ Царь, во адѣ ужаснулся,

(11) Въ семъ словѣ я отступилъ отъ по-
длинника, въ которомъ сказано ἑσάλπιγγεν,
что значитъ собственно вострубилъ.
Димитрій Фалерей, сочинитель книги

И съ трепетомъ вскоча съ престола возопилъ,
Боясь, дабы Нептунъ земны разверзши нѣдра
Небеснымъ жителямъ и смертнымъ не открылъ
Жилища адскаго, самимъ богамъ ужасна (12).

о украшеніи слова (περί ἐρμηνείας) крипи-
куешъ сіе слово; и я тогоже мнѣнія, что
оно и не къ мѣсту, и унижаетъ до-
стоинство мысли Поэта.

(12) Мѣсто сіе взято изъ 20 книги Иліа-
ды; въ немъ описывается то время,
когда Юпитеръ позволилъ богамъ вмѣ-
шаться въ раздоръ Грековъ съ Троя-
нами и сойти на поле сраженія. Пере-
водчикъ книги *Способа учить и обу-*
чатся перевелъ оное съ Французскаго
языка такъ:

„Подвинулся весь адъ, Нептунъ какъ зашумѣлъ.
Плутонъ съ престола *всталъ* и въ блѣдноти
вопѣлъ:

Боясь, чтобъ въ его ужасные чертоги
Не сдѣлалъ свѣшу сей презубцемъ богъ дороги,
Чтобъ чрезъ отверстіе всколебанной земли
Не показалъ бреговъ онъ адской всѣмъ рѣки,
И область чтобъ его открытъ не покусился,
Которой человекъ и богъ всегда спрашивался., —

Нѣкоторыя мѣста въ семъ переводѣ весьма
далеки отъ подлинника и слабы.

Видишь ли, любезный другъ (13), какъ земля разверзается до основаній, опкрывается шаршаръ, громада вселенныя разрушается; небеса, адъ, смершныя и безсмершныя — словомъ: все купно сражается съ богами и участвуеѣ въ ихъ опасности? — Но сіи ужасы, есѣли не приняѣ ихъ за иносказаніе, будуѣ нарушаѣ пристойность и прошивны величію боговъ. Ибо Омиръ, описывая язвы боговъ, раздоры, наказанія, слезы, узы и разныя спрасѣ ихъ, по моему мнѣнію, спарался, сколько можно, осаждавшихъ Трою людей содѣлаѣ богами, а боговъ людьми. Онъ сдѣлалъ ихъ и самихъ людей нещаснѣе, поелику намъ служиѣ пристанищемъ

(13) Видишь ли, любезный читатель, какъ Лонгинъ дышеѣ духомъ Омировымъ; какъ разсмапривая сіе высокое мѣсто, самъ дѣлаеѣ высокимъ?

въ несчастіяхъ смерть; а бѣдспвія боговъ,
по причинѣ ихъ безсмертія, должны быть
вѣчны. На противъ, сколь превосходнѣе
сего мѣста, въ которыхъ описы-
ваетъ онъ боговъ съ истинными ихъ
свойствами, изображая ихъ великими,
никакимъ слабостямъ и бѣдспвіямъ не
подверженными! Таково, на примѣръ,
есть слѣдующее мѣсто, многими до
меня уже приведенное, гдѣ онъ говоритъ
о Нептунѣ:

» — Тряслися горы и лѣса высоки,
» Куда Непшунѣ сшопы безсмертны на-
правлялѣ (14).

(14) Илиады пѣснь XIII. — Г. Ломоносовъ
подобное сему мѣсто изъ V. пѣсни Илиады
такъ перевелъ:

„Внезапно вспалъ Непшунъ съ высокія горы,
„Пошелъ, и тѣмъ потрясъ и *лѣса* и бугры;
„Трикрашы онъ ступилъ, чешвертый шагъ
доспигнулъ
„Домѣсша, въ кое гнѣвъ и духъ его подвигнулъ.,,

Такъ же :

„Непшунъ съ величествомъ стремится по
волнамъ ;

„Узрѣвъ его, киты изъ водныхъ безднъ повсюду

„Встаютъ и прыгаютъ въ весельи вокругъ его ;

„Отъ радости валы морскіе разступились ;

„А кони между тѣмъ летятъ по верхъ
зыбей. „ и проч.

Такимъ образомъ и законодатель
Иудейскій, сей необыкновенный мужъ,
получивъ доспойное о могуществѣ Бо-
жіемъ понятіе, доспойнымъ образомъ

Г. Державинъ въ своемъ *Переходѣ* чрезъ
Алпійскія горы говоритъ о Суворовѣ.

„На Галла спалъ ногой Суворовъ

„И горы треснули подъ нимъ. „

Смертный или Богъ какой Суворовъ?

Вижу, что это не иное что, какъ Ипер-

бола, какъ сѣтъ поставленная Поэтомъ

моему воображенію ; но когда вижу? —

Когда онъ получилъ уже надо мною полную

побѣду. Произведенное имъ во мнѣ уди-

вленіе упредило всякое холодное толко-

ваніе, и онъ торжествуетъ. —

изобразилъ оное въ самомъ началѣ своихъ
законовъ: „Рече Богъ, говоритъ онъ. —
„Да будетъ свѣтъ и бысть свѣтъ
„(15), да будетъ земля и бысть

(15) Здѣсь высокое показывается въ самомъ
простомъ видѣ, безъ всякихъ Риториче-
скихъ прикрасъ; — новое доказательство,
что оно легко можетъ обойтись безъ
искусства. Все достоинство Моисеевыхъ
словъ состоитъ въ томъ, что они ско-
рость, съ каковою созданъ свѣтъ, выража-
ютъ столько, сколько можно выразить
человѣческому слову; — и сколько уже
написано подражаній на сіе мѣсто древними
и новѣйшими писателями! При всемъ
томъ, и въ самыхъ подражаніяхъ всегда
видно бываетъ нѣчто опмѣнное. Таково
есть слѣдующее мѣсто въ 6 одѣ Г. Ло-
моносова:

„Уже народъ нашъ оскорбленный
„Въ печальнѣйшей ночи сидѣлъ;
„Но Богъ, смотря въ концы вселенны,
„Въ полночный край свой взоръ возвелъ,
„Взглянувъ въ Россію крошкимъ окомъ,
„И видя въ мракъ шу глубокомъ,
„Со властью рекъ: да будетъ свѣтъ!
„И бысть.,,

земля (16).,,

Думаю, что тебѣ, любезный другъ, не противно будешь, когда я приведу изъ Омира еще одинъ примѣръ, и при томъ такой, въ которомъ говоришь онъ о людяхъ, дабы показать тебѣ, какъ онъ изображая величіе Ироевъ, вмѣстѣ съ ними возвышается. Онъ представляешь, что внезапной шуманъ и глубокая ночь остановили сраженіе Грековъ. Аяксъ, негодуя на то, восклицаетъ:

Какъ ни величественно однакожъ сіе подражаніе, но не производитъ во мнѣ такого дѣйствія, какъ слова Моисеевы, и, какъ думаю, по тому что оно, во первыхъ, какъ подражаніе, вдругъ напоминаетъ мнѣ о подлинникѣ; во вторыхъ, что слѣдствіе сего Божія велѣнія, въ разсужденіи слѣдствія въ Библейскомъ текстѣ видимаго, слишкомъ мало; здѣсь свѣтъ ограничивается Россією, а шамъ проливается на всю вселенную.

(16) Изъ сего видно, что Лонгинъ не имѣлъ предъ глазами нашей Библии, когда писалъ на сіи слова примѣчаніе; ибо всѣмъ

„О Боже! прогони отъ нашихъ мракъ очесъ,
 „И насъ карай, но лишь при свѣтлости
 небесъ (17).“

Вопъ подлинно достойныя Аякса
 чувствованія! Онъ не проситъ жизни;
 это унизило бы Ироя; но поелику въ
 густомъ мракъ лишается случая оказать
 свою храбрость: то негодуя, что дол-
 женъ сраженіе на время оплохитъ,
 проситъ какъ можно скорѣе возвратитъ
 свѣтъ, дабы получить ему совершенно
 достойную иройсхва его кончину, хотя
 бы надлежало сражаться и съ самымъ
 Юпитеромъ. Въ семъ мѣстѣ Омиръ

извѣстно, что въ ней нѣтъ словъ: „да
 будешь земля и бысть земля.“

(17) Иліады пѣснь XVII. — Ближе къ подлин-
 нику такъ: „Юпитеръ! избавь отъ мрака
 „сыновъ Ахайскихъ, возврати свѣтъ, дай
 „очамъ видѣти. Да зримъ очами; тогда
 „и погуби при его сіяніи, естли такъ
 тебѣ угодно.

єсть благопріятный для сражающихся
вѣспрѣ и почно таковѣ,

„Какѣ Марсѣ съ сверкающимѣ на брани ко-
піемѣ;

Иль какѣ всежгуцій огонь стремящійся по
рощамѣ;

Отѣ гнѣва пѣнящя уста его“ и проч. (18).

Однакожѣ для многихѣ причинѣ при-
мѣтитѣ надобно, что Одиссея (19) Оми-
рова доказываєтѣ то, что великій Геній,
(20), спарѣясь, любитѣ рассказываєтѣ
сказки. Ибо сіє творєніє написано послѣ

(18) Сіє мѣсто взято изѣ XV. пѣсн. Иліады,
гдѣ Омирѣ говоритѣ обѣ Аяксѣ, сравнивая
его съ Марсомѣ.

(19) Платонѣ въ сочиненіи своемѣ: *Меншємѣ
Уппіи* говоритѣ, что Апемантѣ, отецѣ
Евдика думалѣ, „что Иліада єсть лучшее
Омирово творєніє, нежели Одиссея; и
превосходитѣ сію послѣднюю столько,
сколько Ахиллесѣ превосходилѣ Улисса.“

(20) *Великій Геній.* Μεγάλη Φύσις. соб-
ственно значитѣ: *великая природа*, а
потомѣ *великій умѣ.* Геній (Genie)

Иліады, что доказать можно кромѣ
прочаго и тѣмъ, что въ Одиссеѣ, много
упоминается такихъ произшествій,
которыя были слѣдствіемъ описанныхъ
въ Иліадѣ несчастій, и приведены въ
оной, какъ Еписоды войны Троянской.
Наиболѣе же видно сіе изъ того, что
въ Одиссеѣ, ирои оплакиваютъ свои,
описанныя въ Иліадѣ несчастія, какъ

происходитъ отъ Латинскаго слова *genius*,
что значило всякаго языческаго бога и
духа, который, по мнѣнію древнихъ,
сѣ самаго рожденія къ каждому человѣку
приспавленъ, такъ же *духа*, приспавлен-
наго къ охраненію какого нибудь мѣста;
а въ нынѣшнемъ значеніи слово сіе ни
у одного древняго Латинскаго Писателя
не употреблено. Въ такомъ же знамено-
ваніи употребляемо было на Греческомъ
языкѣ слово *δαίμων*, а у Сократа *δαίμονιον*,
что такъ же никогда не означало *прево-
сходныхъ, творческихъ дарованій*. По сей
то причинѣ Ла Гарпъ говоритъ, что на
древнихъ языкахъ нѣтъ слова, которое

давно уже ими претерпѣнныя. И по
тому Одиссея естъ не иное что, какъ
заключеніе Иліады.

„Аяксъ великій здѣсь, шамъ Ахиллесъ лежишъ;
„Здѣсь равный мудростью богамъ Пампроклъ
сокрышъ;

„Тутъ мой любезный сынъ,“ и пр:

соотвѣтствовало бы нынѣшнему значенію
Генія. — Греческое слово *νοῦς* и Латин-
ское *ingenium* выражающъ только, продол-
жающъ онъ, *умъ*, *разумъ*, *разумѣніе*;
они не могутъ выразить той разности,
которую мы пославляемъ между *умомъ*
(*esprit*) и *Геніемъ* (*Génie*). — Не знаю,
кто изъ насъ правъ, — но думаю, что
есъли бы древнему Греку надлежало
жить въ нынѣшнее время и выражать на
своемъ языкѣ употребленныя идеи нынѣшнихъ
писателей, то мнѣ кажется, что онъ
скорѣе согласился бы употребить для
выраженія *Генія* слово *φύσις*, нежели слово
νοῦς. Я ссылаюсь въ томъ не только на
приведенное мною Лонгиново выраженіе
μεγάλη φύσις и другіе мѣста, въ которыхъ
употребляющъ онъ въ такомъ же знаме-
нованіи сіе слово; но и на самое сходство
происхожденія Латинскаго слова *genius*

По сей-то причинѣ, думаю, Иліада исполнена дѣйствія и силы по тому, что написана Омиромъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ его; а Одиссея почти вся состоитъ изъ разсказовъ, кои свойственны старости. Въ Одиссеѣ можно уподобить Омира заходящему Солнцу, которое хотя не грѣетъ; но не теряетъ своего величія. Ибо въ Одиссеѣ онъ говоритъ не такимъ уже тономъ, какъ въ Иліадѣ; нѣтъ уже въ Одиссеѣ той равной вездѣ возвышенности, того непрестаннаго разливія одной за другою послѣдующихъ спрасней, той легкости и силы, свойственной дѣйствию и тѣхъ изображеній, которыя на самой истинѣ основаны. Это есть опливъ великаго

съ Греческимъ *φύσις*. Первое происходитъ отъ слова *gigno*, что значитъ *раждаю*; а послѣднее отъ слова *φύω*, что значитъ *тоже*.

Омирова духа, кошорой подобно возвра-
щающемся по разлишїи вѣ берега свои
Океану (21), вездѣ шеряется вѣ басно-
словныхъ и невѣрояшныхъ опсшупле-
ніяхъ.

Однакожѣ говоря сіе, не забылѣ я
находящихся вѣ Одиссеѣ описаній бури,
повѣспи о Циклопѣ и другихъ прекрас-
ныхъ мѣспѣ. — Называя сіе швореніе
произведеніемъ спароспи, я разумѣю
подѣ симъ спароспѣ Омирову; шолько
чшо во всѣхъ сихъ мѣспяхъ больше раз-
сказовѣ, нежели дѣйспвія.

Я распроспранился о семѣ предмѣшѣ
для шого, дабы показашѣ, чшо иногда
самые великіе умы на закашѣ жизни
своей любяшѣ пуспословіе. Кѣ сему

(21) Примѣшѣте чшпашели, какѣ Лонгинѣ го-
воритѣ о великомѣ Геніи. Можно ли
сказашѣ величеспвеннѣе сего обѣ опжива-
ющемѣ, шакѣ сказашѣ, вѣкѣ свой шалан-
шѣ?

принадлежишѣ по мѣсто, гдѣ Омирѣ
говоришѣ о вѣтрахѣ въ мѣху заключенныхѣ
(22), и о поварищахѣ (друзинѣ) Улис-
совыхѣ, превращенныхѣ Цирцеею въ бо-
рововѣ (23), копорыхѣ Зоилѣ (24) на-
зываетѣ платущими поросятами. Къ сему
опнесши можно и то, что онѣ говоришѣ
о голубкахѣ (25) вскормившихѣ Юпитера,
какѣ пшеница своего; объ Улиссѣ, копо-
рой десять дней не бѣло послѣ корабле-
крушенія (26) и всѣ неслѣпости, раз-
сказываемыя имѣ о побіеніи Пенелопи-
ныхѣ жениховѣ (27); ибо можно ли все

(22) Одисс. пѣсн. X.

(23) Одисс. пѣсн. X.

(24) Зоилѣ родомѣ изѣ Амфиполя, невольникѣ,
прозванный Омиромасшикомѣ (бичемѣ
Омировымѣ), написалѣ книгу ψόρον Ὀμήρου
(хула Омирова), за которую, по свидѣ-
тельствѣ Суиды, былѣ жестоко наказанѣ.

25 Одисс. пѣсн. XII.

26 Тамѣ же.

27 Одисс. XXII.

сіе иначе назваць, какъ не *сновидѣніями Юпитера* (28).

Другая причина моего опскупленія къ Одиссеѣ та, дабы показати тебѣ, любезный Теренціанъ, что великіе Поэты и Прозаисы, когда *страсти* ихъ перяютъ свою живость, обыкновенно прибѣгаютъ ко *нравамъ* (29). Сіе самое

(28) Однакожъ сновидѣніями не человека, но Юпитера. — Кажется, что древніе все изящное въ своемъ родѣ приписывали Юпитеру. На пр: они говорили *Διός ἐυνέφαλος* (*Юпитеровъ мозгъ*) вмѣсто деликатнаго кушанья; *Διός γάλα*, (*Юпитерово молоко*) вмѣсто пищи роскошной и пр:

(29) *Нравы* (*ἥθη*) противопологаются нѣкоторымъ образомъ *страстямъ* (*πάθη*). Когда впечатлѣнія бывають легки, то они производятъ въ насъ то, что называется *чувствованіями, движеніями, тихими страстями*, какова на примѣръ дружба, веселость, вкусъ и пр. Тогда душа не возмущается сильными потрясеніями, которыя выводятъ ее изъ себя; и когда оныя въ такой степени бывають

дѣлаешѣ Омирѣ, описывая, какую жизнь вели Пенелопины женихи въ домѣ Улиссовомѣ; что я не иначе почишаю, какъ за Комедию, въ которой изображаются разные нравы людей.

въ рѣчи, то называются *нравами*. Ибо сообщаемое ими слову движеніе подобно человѣку крошкихъ нравовъ, дѣйствующему для какого нибудь вида или выгоды, но не увлекаемому ни какимъ слишкомъ живымъ чувствованіемъ. — Когда же впечатлѣнія живы и сильны, тогда называются они собственно *страстями*. Онѣ суть тѣ спремительныя движенія, которыя насильно влекутъ насъ къ какому нибудь предмету или отъ онаго отворачиваютъ. Онѣ суть душа рѣчи, и даютъ ей такую силу, которая все восхищаетъ и увлекаетъ. Чрезъ нихъ Орапоръ имѣетъ совершенную власть надъ слушателями, и вдыхаетъ, какія угодно ему, чувствованія.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

*Выборъ самыхъ важныхъ и сильныхъ
обстоятельствъ бываетъ причиною
высокаго.*

Теперь посмотримъ, нѣтъ ли еще
какого нибудь средства, къ содѣланію
сочиненій высокими. — Поелику всѣ вещи
и дѣйствія обыкновенно сопровождаемы
бывающъ какими нибудь обстоятель-
ствами; то по необходимости можетъ
быть причиною высокаго то, когда мы,
ошобравъ самыя важныя и сильнѣйшія,
составимъ изъ нихъ какъ бы одно шѣло;
ибо выборъ и по томъ искусное сово-
купленіе оныхъ, удивительную имѣетъ
силу плѣнять слушателя. Такимъ обра-
зомъ Сафо, желая изобразить все не-
исповсѣмо любовной спраси, заим-
ствуетъ изъ самой ея сущности нуж-

ныя для сего обстоятельство (1).
 Въ чемъ же показываетъ она такое
 свое дарованіе? Въ томъ, что искусно
 отбираетъ все, что есть сильнѣйшаго
 въ сей страсти и совокупляетъ оное
 во едино (2).

(1) Однакожъ никто, думаю, не согласится
 съ Лонгиномъ въ томъ, чтобъ приведен-
 ная имъ Ода Сафы относилась къ роду
 высокихъ сочиненій. Самъ Лонгинъ выше
 примѣшилъ, что не всѣ страсти бываютъ
 высоки; и мнѣ кажется, что любовь
 наименѣе имѣетъ въ себѣ высокаго. Со-
 всѣмъ тѣмъ Ода сія ни мало не теряетъ
 отъ того красоты своей и вѣчно будетъ
 дышать любовію Лесбійской Стихошво-
 рицы.

(2) Какъ переводъ сихъ стиховъ давно уже
 былъ у меня приготовленъ, то мнѣ не хотѣ-
 лось его оставить. Въ удовольствіе же
 читателей помѣщаю и переводъ Г. Дер-
 жавина.

„Блаженъ подобно потъ богамъ,
 „Кто близъ тебя и страстно въ разговорахъ
 „Внимаетъ сладостнымъ твоимъ усшамъ
 „И улыбанію во взорахъ!

„Тотъ сходенъ, кажется, съ богами,
„Сидишь кто тая предъ тобой,
„И восхищаяся словами
„Прелестной смѣхъ внимаешь швой.

„Увижу я сіе — и вѣ мигѣ
„Волнуешь кровь, дыханіе тѣснится
„Языкѣ не движется вѣ устахѣ моихѣ
„И быстрой огонь по мнѣ спремится.

„Во слухѣ шумѣ, во взорахѣ мракѣ,
„По тѣлу хладѣ текущій ощущаю,
„Дрожу, блѣднѣю, вяну будто злакѣ
„И бездыханна умираю. „

Г. Эминъ такъ перевелъ съ Французскаго
Боалова перевода.

„Благополученъ шомъ, кто близъ тебя
сшенаешъ,
„Кто можешъ завсегда съ тобою говорить,
„Кого швой милый взглядъ, улыбка оживляешъ;
„Какое щасшье возможно съ симъ сравнишъ!
„Когдажъ швой нѣжный видъ мой сшрасшной
взоръ встрѣчаешъ,
„Нѣмѣешъ мой языкъ, мершвѣешъ томный
гласъ
„И пламя нѣкое всѣ чувства воспаляешъ,
„И солнца лучъ тогда мнѣ кажешся погасъ!
„И звуки смѣшанны мой слухъ лишь ощущаешъ.

„Такое зрѣлище пріятно
 „Волнуешь страстью грудь мою
 „И голосъ рвешся мнѣ спократно,
 „Когда я на тебѣ смотрю.

* * *

„Тогда языкъ мой вдругъ нѣмѣетъ —
 „Огнь разливается въ костяхъ —
 „Свѣтъ солнечной въ глазахъ темнѣетъ
 „И слышанъ только шумъ въ ушахъ.

* * *

„Холоднымъ потомъ обливаясь,
 „Блѣднѣю, препещу я вся...
 „И какъ бы съ жизнью расставаясь,
 „Кажуся бездыханна я.

* * *

„Но будучи всего лишена,
 „На все отважиться должна, и проч. (3).

Не удивляешься ли ты, любезный
 Теренціанъ, какъ Спихопворица душу,

„Дрожу я, препещу и шмихся мысль моя!..
 Кровь стынетъ... хладный потъ всѣ члены
 орошаетъ. . . .

„Блѣднѣю... чуть дышу.. и умираю я!..
 (3) Ода сія не вся дошла до нашихъ временъ.

тѣло, слухъ, языкъ, зрѣніе, цвѣтъ лица, словомъ: все, какъ бы ее оставляющее, опять къ себѣ призываетъ? Какъ она, борясь съ душевными волненіями, въ одно время и хладѣетъ и сгараетъ; и лишается ума и къ нему возвращается? То препенетъ отъ страха, то едва не умираетъ, дабы показать, что не одною какою нибудь спрасью, но множествомъ оныхъ волнуется, такъ какъ сіе дѣйствительно случается съ любовниками. По чему и высокое въ сихъ стихахъ произведено выборомъ и искуснымъ сопряженіемъ самыхъ сильныхъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ, Омиръ, желая описать бурю, отбираетъ все, что есть въ ней ужаснѣйшаго. Равно и Авторъ Поемы объ Аримаспахъ (4) старался сказать нѣчто

(4) *Аримаспа*, былъ народъ Скиѣскій. Евстафій въ *Діонисіи Пиррергѣ* говоритъ, что *αρι* на Скиѣскомъ языкѣ значило *одинъ*;

сильное и страшное въ слѣдующихъ
словахъ:

„Какое чудо поразило умы наши! —
„Люди оставя землю, живутъ на морѣ. —
„Сколь они несчастны! Никогда не имѣ-
„ютъ покоя; взоры ихъ устремлены къ
„небу; а душа паритъ по морскимъ вол-
„намъ; часто воздѣвая руки къ богамъ,
„они съ сокрушеннымъ сердцемъ мо-
„лятся, но тщетно.“

Однакожъ всякой, думаю, можетъ
видѣть, что въ приведенныхъ словахъ
находится больше украшенія, нежели
величественнаго ужаса. Но какая раз-
ность въ Омирѣ! приведемъ изъ многихъ
примѣровъ одинъ:

αμαρτορ οφθαλμοι. Прозваны они такъ по-
тому, что привыкнувъ къ метанію стрѣлъ,
обыкновенно одинъ глазъ закрывали, отъ
чего, какъ говорятъ сказочники, привычка
обратилась въ самую природу.

„Какъ естѣли бурею подвѣшая волна
„Въ быstroшекущъ корабль съ стремленьемъ
ударяетъ,
„Вдругъ пѣною его съдою покрываешъ;
„Вѣтръ стонетъ въ ярости въ надутыхъ
парусахъ,
„Матрозъ шепчетъ, смерть зря отъ себя
на шагъ (5).

Сему послѣднему стиху хотѣлъ по-
дражать и Арапъ:

„Отъ смерти малое бревно спасаетъ.“

(5) У насъ въ просторѣчи говоришя: *бѣгъ на волосъ отъ смерти*. Кому угодно, пошъ можешъ симъ выраженіемъ замѣнишь сказанное въ стихѣ, дабы сильнѣе выразишь мысль Омирову. — Посмотримъ въ бурѣ нашего Ломоносова :

„Внезапно солнца видѣ на востокѣ спалъ
багровѣ,

„И пускные лучи казалъ изъ облаковъ.

„Отъ берегу вдали пучина почернѣла ,

„И буря кѣ намѣ съ дождемѣ и съ градомѣ
налетѣла.

„Напала мгла, какъ ночь, ударилъ громный
шрескъ,

„И мрачность пресѣкалъ лишь частый молній
блескъ.

мб
но ,
тв
вы-
мб
аль
мб
ый
ний

аль
омъ
ый
ний

Вотъ другая ужаснѣйшая прежней буря:
 „Отъ странъ родящихъ градъ и снѣги
 „Съ Атлантской буря высоты
 „Спрямилъсь чрезъ бугристы брега,
 „Являя страшныя слѣды.
 „Съ дубами камни похищаетъ,
 „И горы двитнувъ раздираетъ.
 „Налегши на морской хребетъ
 „Волнамъ встрѣчается волнами,

На прошивъ того Омиръ не удаляетъ
 опасностъ отъ мапрозовъ, но какъ на
 карпинъ, представляетъ ихъ при каж-
 дой поднимающейся волнѣ едва не упо-
 пающими, и насильнымъ соединеніемъ
 между собою такихъ предлоговъ, копо-
 рые по природѣ не могутъ быть со-
 единены *ὑπ' ἐκ θανάτου*, сообщаетъ са-
 мымъ стихамъ бореніе со смертію,
 подобное боренію упопадающихъ; а вза-
 имнымъ сраженіемъ словъ и складовъ
 удивительно выражаетъ опчаянную за-
 бошливостъ и какъ бы напечатлѣваетъ
 въ рѣчи ужасъ предстоящей опасности
ὑπ' ἐκ θανάτου φέρονται (6). Сіе самое

„Песокъ валитъ со дна съ китами;
 „Тамъ въ пѣнѣ стонетъ новой свѣтѣ.“

(6) *Изъ подъ смерти вырываются.* И на
 нашемъ языкѣ тоже чувствуется въ семъ
 выраженіи, что на Греческомъ; но мнѣ
 кажется, что у насъ оно нѣсколько оп-
 важно. Въ другихъ случаяхъ сіи два
 предлога *изъ подъ* весьма хорошо упо-

сдѣлалъ *Архилохъ* въ сочиненіи своемъ
о кораблекрушеніи и *Димосеенъ* въ опи-

преблajúтся вмѣстѣ, какъ то: изъ подъ
развалинъ встаетъ, изъ подъ горы, изъ
подъ деревъ и проч. Ни какой языкъ
послѣ Греческаго, не имѣетъ такой гиб-
кости, такого изобилія въ словахъ и
такой способности самыя тонкія оп-
тѣнки въ явленіяхъ природы выражать,
какъ Россійской. Изобразитъ ли кто
такъ коротко, громко, сильно на другомъ
нынѣшнемъ Европейскомъ языкѣ величе-
ство слѣдующихъ стиховъ въ *Водопадѣ*
Г. Державина?

„Алмазна сыплется гора

„Съ высотъ чешырема скалами,

„Жемчугу бездна и сребра

„Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми,

„Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,

„Далече ревъ въ лѣсу гремитъ“ и проч: и пр.

Или слѣдующее *Г-на Ломоносова* описа-
ніе соловья: „Когда (соловей) вызванъ
„теплою вѣснаго дня взлетаетъ на
„вѣтвь высокаго древа, внезапно по
„голосъ безъ отдыха напрягаетъ, по
„различно перебираетъ, по ударяетъ съ
„опрывомъ, по крушитъ къ верху и къ
„низу, по вдругъ пріятную пѣснь произ-
„носитъ, и между сильнымъ возвышеніемъ

саніи прибытія печальнаго вѣспника (7).

Уже наступилъ вечеръ, говоришъ онъ, и

„урчишъ нѣжно, свисшишъ, щелкаетъ,
„поводишъ, хрипишъ, дробишъ, спонешъ,
„ушомленно, спремишельно, густо, тонко,
„рѣзко, тупо, гладко, кудряво, жалко,
„порывно.“

- (7) Лонгинъ не все приводитъ сіе мѣсто, взятое изъ Димосееновой рѣчи *о вѣнцѣ*. Я выпишу здѣсь оное: „Уже наступилъ вечеръ, какъ прибылъ въ Припаней вѣспникъ, сказать, что Елашея взята! Градоначальники, которые въ сіе время ужинали, тотчасъ вспали изъ за стола. Одни изъ нихъ выгоняли на поржище купцовъ и сожигали свай лавокъ. Другіе посылали за полководцами и призывали трубача; наконецъ весь городъ пришелъ въ волненіе. На другой день на самомъ разсвѣтѣ градоначальники созвали Сенатъ, а вы ошовсюду стеклись на площадь; и прежде нежели Сенатъ успѣлъ приказать, весь народъ уже усѣлся по мѣстамъ. Коль скоро вошли Сенаторы, то градоначальники донесли имъ о полученномъ ими извѣстіи, и ввели къ нимъ самого вѣспника. Онъ подтверждаетъ извѣстіе. Тогда герольдъ провозглашаетъ: „кто хочетъ говоришъ рѣчь къ народу?“

проч. Они отобрала и наилучшимъ образомъ соединили въ своихъ описаніяхъ самыя важнѣйшіе предмѣты, не набирая пустыхъ, непристойныхъ и школьныхъ словъ, которые весь составъ рѣчи повреждающъ и обезображивающъ, подобно маленькимъ камешкамъ, между большихъ при спроектированіи зданій вкладываемымъ, для наполненія пустого мѣста въ стѣнахъ.

„Но никто не вызывается. Многократно онъ вопрошалъ, но никто не тронулся съ мѣста, въ присутствіи всѣхъ полководцевъ, всѣхъ ораторовъ, на гласъ вопіющаго о спасеніи общаго намъ отечества.“

Слѣдовательно только раскрытъ письма Г-на Дю Паши, чѣмъ найти наилучшіе въ семъ родѣ примѣры.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О Распространеніи.

Къ вышесказаннымъ совершенствамъ рѣчи относится также Распространеніе (*ᾠξησης*), состоящее въ томъ, когда по свойству разсуждаемыхъ предмѣтовъ, пребывающему пространныхъ и многочисленныхъ періодовъ, постепенно возвышается одна мысль предъ другою, и шѣмъ восходитъ до возможной величины. Сіе дѣлается или чрезъ употребленіе какого нибудь *общаго Риторическаго мѣста*, или чрезъ Увеличиваніе, либо чрезъ подкрѣпленіе доводовъ и причинъ, либо чрезъ объясненіе какихъ ни есть дѣйствій или спрасней; ибо безчисленные способы находятся къ распространенію рѣчи. При всемъ томъ, Орактору надобно знать, что ни одинъ изъ оныхъ способовъ не можетъ быть самъ по себѣ

совершеннымъ безъ *высокаго*, выключая
тѣ случаи, когда нужно возбудить со-
жалѣніе или унижить цѣну вещи. Въ
другихъ же случаяхъ, опняясь опъ Рас-
пространенія *высокое*, значитъ испор-
тнуть изъ тѣла душу. Ибо рѣчь, лишась
сей подпоры, немедленно лишится всей
силы и сдѣлается пустою. Чѣмъ же
Распространеніе опличается опъ недавно
упомянушаго нами выбора важнѣйшихъ
обстоятельствъ и ихъ соединенія; такъ
же, чѣмъ вообще различается высокое
опъ Распространенія, я постараюсь
объяснить сіе краткимъ опредѣленіемъ.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

О томъ, что опредѣленіе Распространенія, дѣлаемое другими Писателями риторическихъ правилъ, несправедливо.

Я не могу одобришь того опредѣленія, которое Писатели Риторическихъ правилъ обыкновенно дѣлають *Распространенію*. Распространеніе, говоряшь они, *есть рѣчь придающая предметамъ величину*. Сіе опредѣленіе прилично вмѣстѣ и высокому и спраснямъ и пропамъ, по тому что и они увеличивають предметы. По моему мнѣнію, между Высокою и Распространеніемъ разность состоишь въ томъ, что первая возвышаетъ предметы; а сіе размножаетъ оныя. Отсюда происходишь, что первая часто состоишь въ одной мысли; а послѣднее всегда въ количествѣ и множествѣ оныхъ. Коротко сказашь:

Распространеніе естъ нарочитое собраніе всѣхъ обстоятельствъ, вещамъ, дѣйствіямъ и лицамъ приличныхъ, которое наполняя собою рѣчь, придаетъ оной больше крѣпости и силы. Оно опличается отъ *Утвержденія* тѣмъ, что сіе доказываетъ истину того, о чемъ говорится (1); а *Распространеніе* служитъ токмо къ размноженію и увеличенію онаго. * * * * *

Изобильное (2) его выпіисво разливается подобно выплывающему изъ береговъ своихъ океану. По моему мнѣнію, одинъ изъ нихъ (3) больше ис-

(1) Слѣдующія слова для полноты смысла мною прибавлены. — Звѣздочки означаютъ недоспашокъ, о которомъ не лзя не пожалѣть.

(2) Кто такой здѣсь разумѣется? Многіе Коменшаторы полагаютъ, что это говорится о Платонѣ.

(3) А здѣсь разумѣется, говорятъ Коменшаторы, Димосеевъ. —

полненъ спраспи, жара и блеску; другой, всегда соблюдая величественную и гордую сановитость, не холоденъ правда, но не имѣетъ столько дѣйствія и легкости, какъ первой.

Таковая же, по моему мнѣнію, разность, любезный Теренціанъ, между Цицерономъ и Димосѣеномъ, если можно Греку судить о Латинскихъ Орапорахъ (4). Димосѣенъ великъ въ крап-

-
- (4) Квинтилианъ прекрасно сравниваетъ сихъ двухъ Орапоровъ такъ: „Качества, касающіяся до самаго основанія краснорѣчія, были имъ общи; планъ, порядокъ, расположение рѣчи, раздѣленіе, способъ приготавливать умы, доказывать, словомъ: все что зависитъ отъ изобрѣшенія. — Въ разсужденіи же слога, между ими есть нѣкоторая разность. Одинъ кратче, другой изобильнѣе. Одинъ наступаетъ въ близи на своего непріятеля; другой даетъ себѣ больше мѣста, для сраженія съ нимъ. Одинъ думаетъ всегда, какъ бы пронзить его, такъ сказать, легкостью своего слога; другой угнѣ-

комъ и сжапомъ слогъ; Цицеронъ въ
изобильномъ. По спремленію, быспро-
шъ, силъ и пылкости, съ каковою Ди-
мосеенъ все пожигаетъ и разсыпаетъ,

„шаетъ его часто тяжестію своей рѣчи.
„У одного нѣчего убавить, къ другому
„нѣчего прибавить. Въ Димосеенъ видно
„больше старанія и труда; въ Цицеронъ
„больше природы и оспроты. Чтожъ
„принадлежитъ до тонкихъ насмѣшекъ
„и возбужденія жалости, которыя имѣ-
„ютъ весьма великую силу въ рѣчи, то
„Цицеронъ безспорно одерживаетъ верхъ
„надъ Димосееномъ. Но съ другой стороны
„онъ уступаетъ ему въ томъ, что Ди-
„мосеенъ былъ до него, и что Орашоръ
„Римской, какъ онъ ни великъ, обязанъ
„нѣкоторою частію своего достоинства,
„Аѳинскому. Ибо мнѣ кажется, что Ци-
„церонъ, обративъ всѣ свои мысли къ
„Грекамъ, дабы по нимъ образовать себя,
„сославилъ Орашорское свое достоинство
„изъ силы Димосееновой, изъ Платонова
„изобилія, изъ сладости Исократовой; и
„не только чрезъ свое прилѣжаніе вы-
„бралъ то, что было наилучшаго въ сихъ
„великихъ подлинникахъ; но большая часть

его можно уподобить вихрю или громовому удару; о Цицеронѣ же можно сказать, что онѣ, подобно великому пожару, все, что ему ни попадется, по-

„совершенствѣ ихѣ, или лучше сказать, „всѣ оныя произведены имѣ самимѣ по „средствомѣ счастливой плодovitости „божественнаго своего разума. Ибо, чтобѣ „сказать Пиндаровыми словами, онѣ не „собираетѣ воды небесной, дабы посо- „бить своей природной сухости, но на- „ходитѣ въ себѣ самомѣ живой источникѣ „воды, которая течетѣ непрестанно съ „великимѣ клокошаньемѣ; такѣ что можно „сказать: боги даровали его землѣ съ „тѣмѣ, дабы краснорѣчіе оказало всѣ свои „силы въ особѣ великаго онаго человѣка.“

Г. Фенелонѣ, ошважнѣе будучи Квинтиліана, явно извѣсняется къ преимуществу Димосѣена. Вотѣ какѣ онѣ говоритѣ о сихѣ Орашорахѣ въ своемѣ *писмѣ о краснорѣчїи*: Я не спашусь сказать, что Димосѣенѣ мнѣ кажется выше Цицерона. Признаюсь, что никто больше меня не удивляется Цицерону. Онѣ украшаетѣ все, до чего ни коснется; онѣ приноситѣ честь вишійству; дѣлаетѣ изъ словѣ то, чего бы другой сдѣлать никакѣ

жираетъ и испребляетъ шѣмъ неис-
 щимымъ огнемъ, въ разныхъ мѣстахъ
 его сочиненій пылающимъ, копорой чѣмъ
 далѣе распространяется, тѣмъ болѣе
 силъ приобрѣтаетъ. Но о семъ ты
 можешь судить лучше меня. Впрочемъ
 высокосъ Димосѣенова приличнѣе силь-
 нымъ *Увеличиваніямъ* и пламеннымъ спра-
 сьямъ, когда надобно вдругъ привести
 слушающаго въ изумленіе. Напрошивъ,

не могъ; имѣетъ не знаю сколько - по
 разныхъ умовъ; бываетъ крошкѣ и си-
 ленъ, когда только захочетъ быть та-
 ковымъ. — Но въ его рѣчи видно нѣко-
 торое убранство. Искусство въ ней уди-
 вительно, но оно примѣтно. Ораторъ,
 помышляя о благосостояніи Республики,
 не забываетъ себя самаго, и не хочетъ,
 чтобъ и другіе позабыли его. Димосѣенъ,
 кажется, выходитъ изъ себя и видитъ
 одно токмо отечество свое. Онъ не ищетъ
 красоты, и помѣщаетъ ее безъ умысла.
 Онъ выше удивленія. Онъ употребляетъ,
 слова такъ, какъ скромной человѣкъ
 плащъ, для прикрытія себя. Онъ гре-

изобиліе лучше бываетъ тогда, когда
желательно разлишь въ сердцахъ, такъ
сказать, цѣлебный бальзамъ. И по тому
оно гораздо приличнѣе *въ общихъ мѣстахъ*,
въ заключеніяхъ, и вообще во всѣхъ
исполковательныхъ и доказательныхъ
родахъ рѣчи; также въ повѣствованіяхъ,
въ физическихъ разсужденіяхъ и другихъ
симъ подобныхъ сочиненіяхъ.

митъ и бросаетъ молнію. Это есть
такой пошокъ, который все съ собою
увлекаетъ. Не можно его кришиковать,
по тому, что читая его, мы приходимъ
въ восхищеніе. Мы помышляемъ только
о вещахъ, а не о словахъ; теряемъ его
изъ виду и занимаемся шокмо Филиппомъ,
который все въ руки свои захватываетъ.
Я плѣняюсь обоими сими Ораторами;
однакожъ признаюсь, что меня меньше
прогаеетъ чрезмѣрное искусство и велико-
лѣпное краснорѣчіе Цицерона, нежели
быстрая прослова Димосѣенова. „

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

О высокомъ слогѣ Платона, и о подражаніи.

Но возвратимся къ прежнему предмету. — Платонъ, коего слогъ хотя шепчетъ тихо и безъ шума, но шѣмъ не менѣе возвышенъ, подаетъ намъ понятіе о весьма извѣстномъ шѣмъ слогѣ, если ты читалъ его сочиненіе о республикѣ (1). „Люди, говоритъ онъ на пр. въ одномъ мѣстѣ, не знающіе, что такое есть премудрость и добродѣтель, и непрестанно упоающіе въ пиршествахъ и тому подобныхъ безчинствахъ, обыкновенно часъ отъ часу болѣе стремятся къ разврату, и такимъ образомъ во всю жизнь свою пре-

(1) По моему мнѣнію, слогъ Платоновъ приличнѣе названъ *посредственнымъ* или *изящнымъ*, нежели высокимъ.

„бывающѣ въ заблужденіи. Истина не
 „имѣющѣ для нихъ прелестей; они ни-
 „когда не обращали на нее своихъ взо-
 „ровъ, да и никогда не вкушали прямого
 „и чистаго удовольствія; но подобно
 „скопамъ, которые всегда смотрятъ
 „внизъ и наклоняются къ землѣ, дума-
 „ющѣ только о сплахъ и предаются
 „всякимъ спрашамъ и безчинствамъ;
 „и при таковой жадности къ онымъ,
 „одинъ другаго *лягаютъ* (2), царапаются
 „кошнями, бодаются *железными* (3) сво-
 „ими рогами, и наконецъ онѣ ненасыт-
 „наго обжирства погибаютъ.“ Сей Писа-
 тель показываетъ намъ еще одинъ путь

(2) Слово низкое, но иначе выразить на
 языкѣ нашемъ не можно. Впрочемъ не
 знаю, можетъ ли и все слѣдующее Плато-
 ново раздробленіе понравится нашимъ
 читателямъ.

(3) Не знаю почему Платонъ скопскіе рога
 называетъ железными. Это метафора,
 но мнѣ кажется она какъ-то странною.

къ высокому, естли только мы не оставимъ онаго безъ вниманія. Какой же эпитъ пунъ? — *Соревнованіе* и *Подражаніе* жившимъ до насъ великимъ Писателямъ и Поэтамъ. Сей предмѣтъ, любезный Теренціанъ, всегда должно имѣть въ виду (4). Ибо многіе, будучи вдохновены чужимъ умомъ, приходящъ

(4) Въмѣсто всѣхъ правилъ подражанія, которыя чипать можно во всякой Риторикѣ, приведемъ въ примѣръ подражаніе Г. Державина Гораціевой Одѣ: *Exegi monumentum aere perennius.*

„Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный,
„Металловъ шверже онъ и выше пирамидъ;
„Ни вихрь его ни громъ не сломитъ быспро-
печный
„И времени полетъ его не сокрушитъ.

* * *

„Такъ! весь я не умру, но часть моя большая
„Отъ плѣна убѣжавъ, по смерти спанетъ
жипъ,
„И слава возрасшетъ моя не увядая,
„Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ
чшипъ.“

въ восторгъ почто такъ, какъ говорящъ
о Пиѳіи, которая приближаясь къ свя-
щенному преножнику, и чрезъ отвер-
стіе въ землѣ находящееся приѣмля въ

До сего мѣста, это можно назвать
самымъ близкимъ и удачнымъ переводомъ,
выключая примѣненіе, сдѣланное Г. Дер-
жавинымъ къ себѣ, какъ къ Россіянину,
въ словѣ *Славяновъ*. Но слѣдующіе куп-
леты суть щастливое Россійскаго Горація
Лашинскому подражаніе:

„Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ бѣлыхъ водъ
до черныхъ,
„Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
„Всякъ будетъ помнить то въ народахъ не-
изчешныхъ,
„Какъ изъ безвѣстности я шѣмъ извѣстенъ
сталъ,

* * *

„Что первой я дерзнулъ въ забавномъ Рус-
скомъ слогѣ
„О добродѣтеляхъ Фелицы возгласишь;
„Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
„И истину царямъ съ улыбкой говоришь.

* * *

себя небесное испареніе, вдругъ испол-
няемя божественной силы, и по ша-
новому вдохновенію даешъ отвѣты во-

„О Муза! возгордись заслугой справедливой,
„И презришъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
„Непринужденною рукой, непоропливой,
„Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.“

Посмотримъ еще, какъ Г. Княжнинъ под-
ражаетъ Корнелю въ своемъ *Росславѣ*. —
Любомиръ, вельможа Россійскій, объявляетъ
Росславу, что великій Князь хочетъ вы-
купить его изъ плѣна, возвративъ не-
пріятелю всѣ завоеванные у него Рос-
славомъ города. Рославъ, негодуя на то,
укоряетъ Любомиру, въ согласіи его ис-
полнишь волю Государя своего, предпо-
читающаго блаженству общества жизнь
одного гражданина. Любомиръ спрашиваетъ
его: чтожъ бы онъ назначилъ такому
герою, котораго Государь, опечесство и
дружба хошатъ спасти, но коему для
пользы опечесства должно умереть? —
Умереть! отвѣстствуетъ онъ; и слово сіе
такую же силу имѣетъ въ устахъ Рос-
слава, какъ и въ устахъ преславаго
Горація. Дѣйствіе онаго еще болѣе воз-
вышается при слѣдующемъ стихѣ:

„Рославъ я въ лаврахъ былъ, и въ узахъ я
Рославъ.

прошающимъ. Равнымъ образомъ отъ
 величественныхъ красотъ древнихъ Пи-
 сателей, какъ изъ священнаго Аполло-
 нова отверсія, поднимаются, такъ
 сказать, въ умы ихъ подражателей
 какія-то испаренія, коими вдохновены
 будучи и не весьма одаренные отъ при-
 роды вишейственнымъ жаромъ, напол-
 няются чужими воспоминаніями. Такимъ
 образомъ, не токмо Иродотъ, но и до
 него еще Спсихоръ и Архилохъ были
 великими подражателями Омира. Болѣе
 же всѣхъ подражалъ ему Платонъ; ибо
 онъ изъ сего великаго Поэта почерпалъ
 свои мысли, какъ изъ живаго источника,
 изъ коего безчисленные потоки разли-
 ваются; и сіе подтвердилъ бы я нѣ-
 сколькими примѣрами, еслибъ Аммоній
 не привелъ много оныхъ прежде меня.
 Таковое подражаніе не токмо не можешь
 назваться кражею, но еще служишь
 какъ бы опечаткомъ хорошихъ ви-

довѣ (5), вымысловѣ и произведеній. Въ самомъ дѣлѣ, Платонѣ, кажется, не для инаго чего шолікое множесство оныхъ вмѣшиваеиъ въ философскія свои правила и вдаеиъ часпо въ спихотворческія маиери и выраженія, какъ чшобы изо всѣхъ силъ своихъ поспоришъ съ Омиромъ о наградѣ, на подобіе новаго борца, съ такимъ, который заслужилъ уже всеобщую похвалу и удивленіе. И хошя онѣ дѣлаеиъ сіе, можеиъ быиъ, нѣсколько съ излишнимъ рвеніемъ и какъ бы съ неприязельскимъ духомъ, однакожь не безъ пользы; ибо *такое сореенованіе*, какъ говоришъ Исіодѣ, *полезно смертнмъ*. Въ самомъ дѣлѣ, чшо можеиъ быиъ славнѣе и доспойнѣе

(5) Въ подлинникѣ стоишъ *ἡθῶν* (нравовѣ): *Г. Боало* перевелъ *les mœurs*. Полагая съ *Г. Толліемъ*, чшо здѣсь приличнѣе быиъ слову *ἡθῶν*, я перевелъ: *видовѣ*.

благородной души, какъ сражашься для назначенной за побѣду награды (6)? Въ таковомъ сраженіи и побѣжденнымъ бышь не постыдно.

(6) Примѣшьте, молодые читатели: *сражашься для назначенной за побѣду награды.* Въ подражаніи надобно имѣть въ виду то, чтобъ или сравняться съ подлинникомъ или превзойти оной. — Подражаніе не всегда есть слабость; это удѣлъ не однихъ только посредственныхъ, но и великихъ умовъ. Виргилій подражалъ Омиру, Гораций Пиндару, Теренцій Менандру, и чтобъ сказать о Россійскихъ писателяхъ, Г. Державинъ въ нѣкоторыхъ своихъ твореніяхъ, Горацию, въ нѣкоторыхъ Анакреону; Г. Княжнинъ Расину, и пр. Но помрачаетъ ли это ихъ славу? Произведенія Геніевъ тоже, что произведенія Природы. Съ нихъ вѣчно будутъ списывать, и самые сіи списки могутъ бышь великими, коль скоро отражается въ нихъ блескъ и достоинство подлинниковъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

*Должно всегда имѣть въ виду пре-
восходныхъ Писателей.*

И такъ, когда желателью написать что нибудь пребудущее высокаго краснорѣчія и возвышеннаго духа, то весьма хорошо въ такомъ случаѣ представлять себѣ: какъ бы сказалъ поже самое Омиръ, Платонъ, Димосѣенъ, или, есѣли дѣло идеѣ о Истории, Фукидидъ? Ибо есѣли мы будемъ подражать упоми- наемымъ мною Писателямъ, которые могутъ служить намъ какъ бы свѣдѣль- никами: то душа наша возвысится до той же степени, какъ и мысль полу- ченная нами о ихъ дарованіяхъ, а осо- бливо, есѣли и то еще будемъ пред- ставлять себѣ, какого бы мнѣнія былъ о томъ, что мы говоримъ, Омиръ или Димосѣенъ, когда бы они насъ слушали? Ибо не маловажное дѣло есѣть вообра-

зишь себѣ, что мы идемъ дашь опчешъ
въ своихъ сочиненіяхъ въ споль знамени-
томъ судилищѣ или на театрѣ, гдѣ
таковыя великіе умы будутъ судьями
и свидѣтелями оныхъ. Но и сего силь-
нѣйшимъ побужденіемъ служишь можетъ
то, когда представимъ себѣ, какъ о
нашемъ сочиненіи будетъ судить по-
томство (1). Ибо, есѣли кто сполько
не довѣряетъ себѣ, что учасъ сочи-

(1) Важное наставленіе! Одно токмо одо-
бреніе потомства можетъ утвердить ис-
стинное достоинство сочиненія. Сколько
бы при жизни Писателя ни хвалили
его произведенія, эѣо не можетъ еще
служишь порукою за ихъ превосходство.
Модной оборотъ ума, новостъ сѣиля,
ложныя блески, сильная спорона, под-
держивающая выгодной обѣ Авторѣ оп-
зывъ, могутъ придашь имъ цѣны; но
въ слѣдующемъ спольшіи откроютъ,
можетъ бышь, глаза и станутъ презирашь
то, чему прежде удивлялись. — Нѣтъ со-
мнѣнія, что Г. Ломоносовъ, не смотря
на нѣкоторыя неисправности въ языкѣ

ненія ограничиваєтѣ крапкостію своей жизни, що *зародѣши*, такѣ сказаѣ, ума его всегда будѣтѣ слѣпы, несовершенны и преждевременно *выкинуты*, такѣ чѣто никогда не дойдѣтѣ они до поздняго попомспѣва.

и на восторги, вышедшіе, какѣ многіе говоряѣ, изѣ моды; равно какѣ Г. Державинѣ и Херасковѣ сѣтѣ Писатели всѣхѣ вѣковѣ. Не сомнительно также, чѣто Г. Княжнинѣ благосклонно приняѣтѣ вѣ храмѣ безсмертія Расиномѣ Дмипріевѣ такѣже приняѣтѣ будѣтѣ Лафонтенемѣ и Карамзинѣ не щещно прудисѣ надѣ своимѣ памятникомѣ; но чѣто такое сказаѣ о множествѣ ихѣ, а особливо послѣдняго, *рабскихѣ* подражателяхѣ? Сіе рѣшитѣ попомспѣво.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.
О Изображеніяхъ или Видѣніяхъ.

Кромѣ сказаннаго нами, любезный Теренціанъ, весьма много способству-
юшъ къ важности, великолѣпію и силѣ
слова *Изображенія*, называемыя отъ нѣ-
которыхъ *Метаніями* или *Видѣніями*.
Видѣніемъ (1) вообще называется вся-
кая мысль, раждающая слово, и пред-
ставляющаяся уму подъ какимъ бы по-
ни было видомъ. Но сіе слово берется
въ шбснѣйшемъ смыслѣ, когда въ из-
скупленіи и сильной спраси кажепся
намъ, что мы сказываемое нами какъ буд-
то видимъ и представляемъ предъ глаза
насъ слушающихъ. — При семъ надобно
знать, что Видѣній или Изображеній
Риторическихъ совсѣмъ другое намѣрѣніе,
нежели *Стихотворческихъ*. Цѣль послѣд-
нихъ есть изумленіе; а первыхъ, ясное

(1) *Phantasia*.

предсшавленіе и описаніе вещей. Одна-
кожь они имѣють общее между собою
то, что оба прогають душу слушателя.
Мапримѣръ (2).

(2) Г. Ломоносовъ говоритъ о перевезеніи
Петромъ Великимъ въ Петербургъ мощей
Александра Невского такъ: „Чудное ви-
„дѣніе! гребутъ Кавалеры, самъ Монархъ
на кормѣ управляетъ, и къ простымъ
„людей трудъ предъ всѣмъ народомъ по-
„мазанныя руки просшираетъ, вѣры ради
„его укрѣпляясь, избывъ многокрашнаго
„спремленія кровожаждущихъ измѣнни-
„ковъ.“ *Похвалн. слово Петру Велик.*

Муза Г. Державина наиболѣе ошличается
предъ другими симъ родомъ украшенія.
Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ него
для тѣхъ, коимъ мало удовольствія при-
несши могутъ мѣста, приводимыя нашимъ
Авторомъ изъ Греческихъ Поэтовъ. —
Вотъ его Екатерина Великая, явившая-
ся ему въ сновидѣніи:

„Сошла со облаковъ Жена,
„Сошла — и жрицей очутилась,
„Или Ботиней предо мной;
„Одежда бѣлая струилась
„На Ней серебряной волной;
„Градская на главѣ корона,
„Сіялъ при персахъ поясъ златъ;

„Жестокая мать! не представляй
 „моимъ взорамъ сихъ, съ кровавыми
 „очами и змѣиными власами, адскихъ
 „дѣвъ... Чпо вижу? онѣ уже бѣгутъ

„Изъ черноогненна виссона
 „Подобной радугѣ нарядъ.
 „Съ плеча деснаго половою
 „Висѣлъ на лѣвую бедру;
 „Простершой на олтарь рукою
 „На жертвенномъ Она жару
 „Сжигая маки благовонны,
 „Служила вышню Божеству, и пр.

Посмотримъ, кто пощуетъ гостей на
 празднествѣ, данномъ Княземъ Пошеми-
 нымъ — Таврическимъ въ Таврическомъ
 дворцѣ:

„Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
 „Разсыпала по нимъ и злато и серебро.
 „Восточный, Западный, сѣдые Океаны,
 „Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ.
 „Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы сшени,
 „Украйна, Колмогоръ, несли шельцовъ и дичь.
 „Вѣнчанна класами, хлѣбъ Волга подавала,
 „Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ.
 „Рифей нагнувшійся, въ попазны, амешистны
 „Лилъ кубки медъ златый, древъ искромеш-
 ный сокъ,
 „И съ Дона сладкіе и Крымски вкусны вины.

„ко мнѣ . . . (3).

Также :

„Увы! я вижу ее; она умерпвишѣ
„меня. . . куда бѣжашѣ? (4).

Въ семѣ мѣстѣ Поэшѣ не видѣлѣ
въ самой вещи Фурій; однако изобра-
жаешѣ ихѣ такѣ, что слушатели какѣ
будто видяшѣ ихѣ. Эврипидѣ, есшѣли
о выраженіи какихѣ спрасшей спарался,

„Прекрасная Нева, пріавѣ отѣ Бельша съ рукѣ,
„Вѣ фарфорѣ, вѣ кристалѣ, чужія пишья, снѣди,
„Носила по гостямѣ, какѣ будто ихѣ спыдаясь,
„Что помчивашѣ должна такѣ прихошѣ по
неволѣ.

„Обилѣе пучное всѣмѣ просширало дланѣ.
„Карпины по спѣнамѣ, огнями освѣщенны,
„Казалось, ожили, и рдяны лица ихѣ
„Изѣ мрака высшавя, на славный пирѣ смо-
трѣли.

„Лукуллы, Цезари, Траянѣ, Окшавій, Титѣ,
„Какѣ будто изумясь, сойти со спѣнѣ хотѣли,
„И, вопросишѣ: кого такѣ угощаешѣ свѣтѣ?
„Кто кромѣ насѣ владѣшѣ опважилсѣ вселенной?

(3) Взятѣ изѣ Эврипидова *Ореста* (4). Изѣ
Ифигеніи въ Авлидѣ.

то наипаче яроспи и любви; и я не знаю, успѣлъ ли кто въ семъ больше его. Ибо, хошя онъ опъ природы не великолѣпенъ, однако во многихъ случаяхъ самъ принуждаешъ ее бытъ возвышенною и прагическою, а особливо въ великихъ предмѣтахъ; такъ что весьма хорошо можно примѣнить къ нему слѣдующіе Омировы стихи:

„То по бедрамъ себя, то въ чресла ударяетъ,
„И самъ себя чрезъ то къ сраженью побуждаетъ.“

Сіе примѣнить можно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Солнце, вручая Фаефонну бразды, говоритъ:

Не направляй коней по Ливійскому
„воздуху, который, лишенъ будучи влаж-
„ной умѣренности, низринетъ твою
„колесницу.“

Потомъ непосредственно за симъ говоритъ:

„Направъ печеніе свое къ семи
 „Пліадамъ. При сихъ словахъ Фаефонъ,
 „схвативъ бразды, ударяетъ по бокамъ
 „крылатыхъ коней, копорые вдругъ
 „пролетають обширныя поля воздушныя.
 „Между тѣмъ отецъ, съ смущеніемъ
 „взирая съ Сирія на сына своего, по
 „воздуху спремящагося, непрестанно
 „указываетъ ему путь: спупай сюда,
 „говоритъ онъ, повороши колесницу
 „туда! остановись!“

Не скажешь ли ты, что душа По-
 эша садися вмѣстѣ съ Фаефономъ
 въ колесницу, и раздѣляя съ нимъ опа-
 сности, лешитъ съ его конями по воз-
 духу? Ибо есѣлибъ она за сими не-
 бесными дѣйствіями не слѣдовала рав-
 нымъ съ ними спремениемъ: то могла
 ли бы когда нибудь вообразитъ оныя?
 Такого же рода Изображеніе и въ слѣ-
 дующемъ мѣстѣ его *Кассандры*:

„Но вы, о храбрые Трояне, и пр. (5).

Въ Эсхилѣ также есть весьма ош-
важныя и самыя проическія Видѣнія или
Изображенія, какъ наримѣръ въ его
трагедіи: *семь* (полководцевъ) при *Оивахъ*
называемой (6).

„Семь непреклонныхъ полководцевъ,
„заклавъ на черномъ щипѣ пельца и
„омоча въ крови его руки, клянупся
„Марсомъ, Беллоною и кровожаждающимъ
„Страхомъ (7). . . .

(5) Въ сихъ словахъ со всѣмъ нѣтъ Изобра-
женія. Лонгинъ, конечно за тѣмъ, что
мѣсто сіе длинно, напоминаетъ чашапелю
только начало онаго.

(6) *Горцій* Трагедію сію, по разсыпаннымъ
въ ней повсюду военнымъ ужасамъ, на-
зываетъ Марсовою; а *Плутархъ* величе-
ственнѣйшею изъ всѣхъ Эсхилovýchъ Тра-
гедій.

(7) Высокость въ сихъ словахъ, по замѣча-
нію одного Писателя, происходитъ не
только отъ живаго изображенія полко-

И не жалѣя себя, клянутся собствен-
 ною своею смертію (8). Впрочемъ Эсхилъ,
 спараясь о споль возвышенныхъ изо-
 браженіяхъ, иногда впадаетъ въ грубыя,
 неопдѣланныя и шероховатыя мысли;
 а Эврипидъ, изъ любочеспиваго ему по-
 дражанія, иногда такимъ же слабоспямъ
 подвергается. Напримѣръ, въ Эсхилъ,
 при появленіи Бахуса, Ликурговы (9)
 чертоги спраннымъ образомъ приходятъ
 въ воспоргъ :

водцевъ; но и отъ того, что клятва ихъ
 показываетъ опчаянное мщеніе, которое
 наводитъ такой страхъ на зришелей сего
 дѣйствія, какъ бы сами они были пред-
 мѣтомъ онаго.

(8) Лонгинъ не приводитъ слѣдующихъ спи-
 совъ, а только мысль оныхъ выражаетъ
 сими словами.

(9) Разумѣется сынъ *Дріанта*, Царь Едон-
 скій, о которомъ Омиръ упоминаетъ
 въ VII пѣсни Иліады.

„Безумствуетъ чертогъ и внѣ себя при-
ходитъ (9),

А Эврипидъ, выразивъ сію самую
мысль съ нѣкоторымъ смягченіемъ,
сказалъ:

„Гора вся съ ними ликовала.“

Не менѣе опличается въ Изобра-
женіяхъ и Софоклъ, что можно видѣть
изъ описанія умирающаго и какъ бы
самаго себя въ ужасной бурѣ погреба-
ющаго Эдипа; также изъ того мѣста,
гдѣ описываетъ онъ Ахиллеса, явивша-
гося на гробъ своемъ Грекамъ возвраща-
ющимся въ опечесство. Однакожъ я
не знаю, чтобы кто другой явленіе сіе
изобразилъ искуснѣе Симонида; но при-
вести всѣ примѣры Изображенія —
трудно.

(9) Въ подлинникѣ сказано еще слѣдующее:
Εὐδαιμόνιος δὲ δόξα, Βακχεύει τεύχ. долѣ при-
ходитъ въ восторгъ, безумствуетъ кровля.

Впрочемъ Изображенія или Видѣнія
стихотворческія , какъ мною сказано
выше, обыкновенно исполнены бывають
баснословныхъ приключеній и превыша-
ють всякое вѣроятіе (11). Чпожъ ка-

(11) Таково есть слѣдующее Видѣніе :

„Явилось все тогда предъ Княземъ оживленно;
„Какъ будто подлинно опверзся адъ предъ нимъ,
„Онъ пламень чувствуешъ, вкушаетъ горній
дымъ ;

„Ему глубокая въ шуманъ бездна зрима,
„Обширностью своей она неизмѣрима ;
„Кругомъ великаго пространства изваянъ
„Зіяетъ пламенемъ горящій Океанъ ;
„Изъ мрака вѣчнаго сложились тверды своды,
„Погибшихъ на всегда лишаящи свободы ;
„Тамъ нѣкій тусклый свѣтъ простерся по
земли ,

„Подобный зареву свѣтлѣющему въ дали ;
„Но шемный оный свѣтъ не зрѣніе прельщаетъ,
„Лишь только ужасы Геенски освѣщаетъ.

„Ощаченіе тамъ терзающе власы ,
„Кланетъ текущіе въ мученіяхъ часы.
„Тамъ Скука царствуетъ, склонивъ чело въ
колѣни ,

„Повсюду царствуютъ тоскующія тѣни

сается до риторическихъ, красота ихъ
состоитъ въ представленіи вещи такъ,
какъ она происходила, и въ какомъ дѣй-
ствительно находится состояніи (12).

„И грѣшнымъ ихъ грѣховъ изображаютъ ядъ.
„Грызеніе совѣсти лютейшій самый адъ!
„Тамъ дышущая грусть, одушевленны страхи,
„Тамъ въ вихряхъ грѣшники вращаются какъ
прахи;
„Со пламеннымъ бичемъ ужасна Местъ видна,
„Зміями хищными увита вокругъ она,
„Подобны молніямъ повсюду взоры мещетъ,
„Весь воздухъ стонетъ вокругъ, земля подъ
ней трепещетъ. *Владим.
Г. Хераск. пѣснь VIII.*

(12) Такъ напр: Г-нъ Ломоносовъ говоритъ:
„Облачается Монархия наша въ порфиру;
„помазывается на царство, вѣнчается, при-
„емлетъ скипетръ и державу. Радуются
„Россіяне и плесками и восклицаніями воз-
„духъ напеваютъ; ужасаются супостаты
„и блѣднѣютъ; уклоняются, даютъ хребетъ
„Россійскому войску, укрываются за рѣки,
„за горы, за болота; но вездѣ утѣсняетъ ихъ
„сильная рука вѣнчанная Елисаветы.

Но можноли при семъ случаѣ забыть
Г-на д-на Паши? Съ какою живостью и

Ибо мы весьма грубо погрѣшаемъ, когда
въ прозѣ прибѣгаемъ къ стихотворче-
скимъ, баснословнымъ и слѣдовательно
невозможнымъ вымысламъ; такъ какъ
дѣлаютъ наши высокопарные Орапоры,

при томъ новостію изображаетъ онъ свои
предмѣты! Я приведу изъ него одинъ
примѣръ; ибо никогда наскучить имъ не
можно. Авторъ — *Живописецъ* говоритъ
о картинѣ, представляющей смерть Се-
неки. „Могу сказать, говоритъ онъ, что
„я былъ при смерти Сенеки, смотря на
„картину, на которой онъ умираетъ.“ По-
смотримъ, правда ли? — „Сенека среди
„каршины. Онъ обнаженъ до половины,
„какъ шакой человѣкъ, которому не нужно
„уже защищать свое тѣло отъ стихій,
„коимъ готовъ онъ возвратить его. Ноги
„его въ ваннѣ, и изъ нихъ течетъ кровь.
„Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Фило-
„софа, и при томъ ниже, по правую
„сторону, сидитъ Секретарь, который
„писалъ, но уже не пишетъ. По лѣвую
„два Секретаря, которые писали, но уже
„не пишутъ. На одной чертѣ и одной
„высотѣ съ Сенекою въ углу и въ тѣни
„этомъ человѣкъ — старый Сенапторъ.
„Посмотрите теперь на сцену. Спарикъ

которые подобно Трагическимъ Поэтамъ,
мечтающъ о Фуріяхъ; а не примѣчающъ
сіи умные люди, что когда Орестъ
говоришъ у Эврипида:

„въ ожиданіи смерти, занимается дикшо-
ваніемъ мыслей, представляющихся еще
его воображенію. Смерть ихъ остана-
вливаетъ. Рука оцепенѣла; кровь изъ
ногъ не печетъ болѣе, тѣло деревенѣетъ,
глава колеблется, и тотъ взоръ, кото-
рой былъ вперенъ въ мысль, тщетно
силился уловить ее; онъ погасаетъ.
Три Секретаря, съ разными опшѣнками
участія, вниманія и безпокойства, каж-
дый съ перомъ, приспально смотрятъ
на уста Философа, которыя еще го-
ворить покушаются. Они надѣются,
что одно лишнее ихъ движеніе окончитъ
слова ихъ; но смерть оныя запечатлѣла.
Между тѣмъ Сопникъ, поднявъ уже ногу
у дверей, нешерпѣливо считаетъ по-
слѣдніе вздохи Философа; ибо Неронъ
ожидаетъ. А старый Сенаторъ, что
дѣлаетъ? Онъ думаетъ о Неронѣ и на-
учается примѣромъ смерти Сенекиной.“—
Не правду ли авторъ сказалъ, что онъ
былъ при смерти Сенеки?

„О ты, что въ адъ меня низринуть хочешь!

„О злая Фурія! оставь меня. . . .“

то мечтаетъ сіе въ бѣснующемся
состояніи. И такъ въ чемъ состоитъ
свойство Риторическихъ Видѣній? Въ
томъ, что они не токмо представляють
вещь въ настоящемъ дѣйствіи и воз-
буждаютъ въ слушателей такую же
спрасть, какъ бы самъ онъ въ дѣлѣ
участвовалъ; но будучи искусно вмѣшаны
въ доказательства, убѣждаютъ его въ
чемъ ни захотятъ и пропивъ воли себѣ
порабощаютъ. „Если кто, говоритъ
„Ораторъ, нечаянно услышитъ крикъ
„предъ судилищемъ, а другой тогда же
„извѣститъ, что отворена темница и
„что заключенные въ оной бѣгутъ оп-
„шуда: то ни одинъ старецъ, ни юноша
„не будетъ столь безпеченъ, чтобъ
„не подалъ помощи, сколько можетъ.
„Если же кто, пришедши со стороны,
„скажетъ: вотъ тотъ самой, который

„выпустилъ заключенныхъ! таковой безъ
 „всякаго оправданія долженъ погибнуть
 „немедленно.“

Такое же искусство употребилъ и
 Гиперидъ, оправдываясь въ изданіи имъ
 повелѣнія о возвращеніи свободы неволь-
 никамъ послѣ сраженія: „Не Орапоръ,
 „говоритъ онъ, издалъ сіе повелѣніе, но
 „бывшее при Херонѣ сраженіе.“ Ора-
 поръ, описывая происшествіе, вмѣстѣ
 и оправдывается посредствомъ Видѣнія.
 Такою высокою мыслию превзошелъ онъ
 границы убѣжденія; ибо слухъ нашъ
 обыкновенно болѣе поражается тѣмъ,
 что есть лучшаго въ предметѣ и мы
 среди умствованій и доказательствъ
 увлекаемся представляющимися намъ
 видами, которые за блескомъ покрыва-
 ющимъ предметъ, не даютъ намъ въ
 подробностъ изслѣдовать оной. И дѣй-
 ствіе такое ни мало не удивительно.
 Ибо при соединеніи между собою двухъ

предмѣшовъ, превосходнѣйшій изъ нихъ
всегда вовлекаетъ въ себя силу слабѣй-
шаго. — Но сего довольно о высокоспи-
мыслей, производимой душевнымъ вели-
чіемъ, подражаніемъ и изображеніями.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

О фигурахъ.

Слѣдуя предписанному выше порядку,
я перехожу къ фигурамъ (1); ибо онѣ,
какъ мною сказано, не маловажную со-
ставляють часть высокаго. Но какъ
изслѣдовать теперь всѣ входящія въ
рѣчь фигуры стоило бы не токмо вели-
каго, но и безконечнаго труда: по упо-
мянемъ только о нѣкоторыхъ изъ нихъ,

(1) Фигуры вообще можно назвать языкомъ
воображенія и страстей.

т. е. о тѣхъ, кои способствуютъ къ
 высокому, дабы доказать справедливостъ
 нами сказаннаго. Начнемъ съ Димо-
 сеена. — Орапоръ доказываетъ, что онъ
 во время войны съ Филиппомъ хорошо
 управлялъ дѣлами республики. Какъ же
 натуральнѣе было бы предложить сіе?
 „Аѣиняне! вы не погрѣшили, сражаясь
 „съ опасностію жизни своей за вольностъ
 „и спасеніе всей Греціи; вы имѣете
 „сему многіе дослославные примѣры.
 „Ибо не погрѣшили ни тѣ, которые на
 „Мараѳонскомъ полѣ, ни тѣ, кои при
 „Саламинѣ, ни тѣ, кои при Плашеѣ
 „сражались.“ Но Орапоръ со всѣмъ
 иначе поступилъ; онъ вдругъ какъ бы
 вдохновенный какимъ божествомъ и
 исполненный духомъ самаго Аполлона,
 восклицаетъ, клянясь храбрыми защи-
 никами Еллады: „нѣтъ, Аѣиняне, вы
 „не погрѣшили; клянусь въ томъ тѣнями
 „сражавшихся за спасеніе опечесства на

„поляхъ Мараѳонскихъ (2).“ Одною сею кляшвенною формою, кошорую назову здѣсь *Апострофю* (*Обращеніемъ*), онъ обоготворяетъ упоминаемыхъ имъ предковъ, и шѣмъ самымъ показываеиъ, что подобно имъ умирающими должно кляспися шочно такъ, какъ богами; между шѣмъ внушаеиъ судьямъ духъ и чувспвованія поспрадавшихъ за опечесшво, и перемѣнивъ обыкновенной образъ доказательсшва на

- (2) Подобное сему *Обращеніе* находится въ слѣдующихъ словахъ: „Вами свидѣтельствуюсь великія Россійскія рѣки, къ вамъ обращаюсь щасшливые берега, освященные Пешровыми стопами и пошомъ его орошенные. Коль часто раздавались на васъ добрые и ревностные клики, когда тяжкіе къ сосоянію корабля приутошвленные члены не рѣдко тихо отъ работающихъ движимые, наложеніемъ руки его къ скорому теченію устремлялись.“ и пр. Слово похвальное *Петру Великому* *Г-на Ломоносова*.

сей высокой и спрасшной способъ убѣ-
ждашь споль новыми, чрезвычайными и
достойными вѣрояпія кляпвами, вли-
ваеши купно съ словами въ души слуша-
телей какой-то противуядѣ, всѣ худыя
впечатлѣнія испребляющій. Ободривъ
похвалою своею, онѣ увѣрилѣ ихѣ, что
они не менѣе должны гордиться не-
счастливымъ съ Филиппомъ сраженіемъ,
какѣ и знаменистыми оными, Мараѳон-
скою и Саламинскою побѣдами, и тако-
выми различными средспвами, въ одну
фигуру соединенными, привлекѣ всѣхъ
слушателей на свою спорону. Одна-
кожѣ нѣкоторые думающѣ, что подлин-
никъ сей кляпвы находися съ Эвполидѣ,
гдѣ онѣ говоришѣ:

„Ихѣ радость, божусь сраженіемъ Мара-
ѳонскимъ, не будешѣ меня огорчать.“

Но кляспись какѣ ни будь не вели-
кое искусство; надобно знашь, гдѣ, какѣ,
въ какихъ обстоятельспвахъ и для чего

кляспись. По чему, приведенное изъ
 Поэта мѣсто есть не иное что, какъ
 прослая клятва; ибо онъ говоришъ
 шущъ къ щасливымъ еще, и не пре-
 бующимъ утѣшенія Аѳинянамъ. Сверхъ
 того, Поэтъ не клянется, какъ Димо-
 сеенъ, людьми, коихъ онъ содѣлалъ без-
 смертными, дабы возбудить въ Аѳи-
 няхъ достойныя храброспи ихъ чув-
 ствованія; но вмѣсто того, чтобы по-
 клясаться поспрадавшими за опечесство,
 клянется неодушевленной вещью, ка-
 ково есть сраженіе. Напротивъ, Димо-
 сеенъ клятву прямо относитъ къ по-
 бѣжденнымъ, дабы Аѳиняне не почитали
 Херонейскаго сраженія за несчастіе;
 такимъ образомъ въ одной сей фигурѣ,
 какъ мною уже сказано, заключается
 и доказательство, что они ни мало
 не погрѣшили, и примѣръ и клятвенное
 увѣреніе и похвала Аѳинянамъ и убѣ-
 жденіе къ войнѣ противъ Филиппа.

Но поелику можно было возразить Орапору, что „дѣло идетъ о потерян-
 „номъ нами противъ Филиппа сраженіи,
 „во время швоего управленія Республи-
 „кою; а ты клянешься побѣдами предковъ
 „нашихъ:“ то онъ употребленные имъ
 для сего слова послѣ тщательно из-
 слѣдываетъ, и для большей безопасности
 приводитъ изъ нихъ только нужные егъ,
 научая шѣмъ Орапоровъ, что и въ ве-
 личайшихъ воспоргахъ надобно быть
 умѣрену и поминъ себя; „сражавшихся,
 „говоришъ онъ, на поляхъ Мараѳонскихъ,
 „сражавшихся на морѣ при Саламинѣ,
 „давшихъ бѣдѣ при Артемизіи и
 Плашеѣ.“ Нигдѣ не сказалъ „побѣ-
 „дившихъ,“ но вездѣ умалчиваетъ о
 прямомъ оныхъ сраженій окончаніи, по-
 тому что шѣ были щасливы, а Херо-
 нейское напрошивъ; и вдругъ преду-
 преждаетъ всякія возраженія слуша-
 теля, сказавъ: „и всѣ они, о Эсхинѣ!

а не одни шокмо шѣ, которые въ сраженіи были щасптивы, погребены иждивеніемъ республики.“

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Фигуры и Высокое взаимную полагаютъ себѣ помощь; гдѣ именно и какъ?

На семъ мѣстѣ не надобно забыть, любезный Теренціанъ, одного изъ нашихъ прежнихъ разсужденій, которое въ короткихъ словахъ здѣсь предложу, ш. е. что фигуры обыкновенно служатъ высокому пособіемъ; равнымъ образомъ и высокое удивительно фигурамъ въспомоществуетъ. Но гдѣ именно и какимъ образомъ, теперь хочу о томъ сказать.

Во первыхъ извѣстно, что употребленіе въ рѣчи фигуръ болѣе всего подозрѣвается во лжи, коварствѣ и

обманѣ; наиболѣе же, когда надобно говорить предъ главнымъ судьей, а особливо естѣли онѣ пиранѣ, царь или правитель какой области; ибо онѣ, пошасѣ приходисѣ въ негодование, когда какой нибудь плохой Орапорѣ вздумасѣ обманушѣ его, какѣ глупаго ребенка, неискусными фигурами; онѣ иногда, принявѣ такую уловку за презрѣніе къ себѣ, даже такѣ раздражаеши, что хотя гнѣвѣ свой удерживаетѣ, однако отѣ рѣчи Орапора вовсе отвращается и никакими убѣжденіями не прогаеши. Почему, тогда только фигура хороша, когда не примѣтно, чтобѣ она была фигурою; а къ сему удивительнымъ служишѣ средствомъ *высокое и страстное*; ибо искусство, заключаеши такимъ образомъ въ чемъ нибудь прекрасномъ и величественномъ, все прочее прикрываетѣ и избѣгаетѣ всякаго подозрѣнія. Сему достаточнымъ примѣромъ

служишь можешь мною уже приведен-
 ный: „Клянусь сражавшимися за опече-
 „ство на поляхъ Мараѳонскихъ,“ и пр.
 Какъ же Орапоръ скрылъ свою фигуру?
 Ясно, что самимъ блескомъ мысли. Ибо,
 какъ показавшееся на горизонтѣ Солнце
 блескомъ своимъ помрачаетъ всѣ прочія
 свѣтила; такъ и разливой на фигуры
 свѣтъ *высокаго* вовсе ихъ затмѣваетъ.
 Тоже самое почти бываетъ и въ живо-
 писи, ибо хотя свѣтъ и тѣнь изобра-
 жающія красками въ смежности между
 собою и припомъ на одной поверхности;
 однако свѣтъ, сильнѣе поражая наши
 взоры, какъ бы выдается изъ карпины
 и кажется намъ гораздо ближе тѣни.
 Равнымъ образомъ *страстное и высокое*
 въ словѣ, какъ по естественному ка-
 кому-то сродству ихъ съ душевными
 нашими чувствіями, такъ и по собствен-
 ному блеску, ближе кажутся къ уму
 нашему и всегда видны бывающіе прежде

фигуръ, которыя помрачаются ими и какъ бы закрывающія нѣкоторою завѣсою.

ГЛАВА ОСЬМНАДЦАТАЯ.

О Вопросеніяхъ и Отвѣтствованіяхъ.

Что сказать о *Вопрошеніяхъ* и *Отвѣтствованіяхъ* (1)? Ибо кому неизвѣстно,

(1) *Вопрошеніе* (*Ἐρώτησις, interrogatio*), вмѣсто всякаго отвѣта, требуетъ покло под-разумѣвающагося согласія: да, либо отрицанія: нѣтъ; а *Отвѣтствованіе* (*Πεῖσις, assuratio*): есть такойже вопросъ, но съ пространнѣйшимъ отвѣтомъ. Примѣръ перваго :

„Когда то правда, человѣкъ!
 „Что цѣль печалей весь твой вѣкъ,
 „Почтожъ намъ вѣкомъ льстишься?
 „На толь, чпобъ плакать и крушиться,
 „И мѣря жизнь свою поской,
 „Не знаешь оправды никакой?“ *Державинъ.*
 Примѣръ послѣдняго :

что сіи фигуры весьма много придають
 рѣчи движенія, силы и дѣйствія! „Не
 „ужели вы, говоришь въ одномъ мѣстѣ
 „Димосѳенъ, не хошите ничего дѣлать,
 „какъ только ходя по городу другъ у
 „друга спрашиваешь: что говорятъ нова-
 „го? — Есть ли что новѣе того, что
 „Македонецъ дѣлается повелителемъ
 „Аѳинянъ, и мѣшается въ дѣла Греціи?
 „Но умеръ ли Филиппъ, спрашиваетъ
 „одинъ? Нѣтъ, онъ только боленъ,
 „оправдываетъ другой. Какая вамъ
 „въ томъ нужда, умеръ ли онъ или
 „боленъ? Когда его не станеть, то
 „вскорѣ наживете вы себѣ другаго
 „Филиппа.“ И въ другомъ мѣстѣ:
 „Поплывемъ къ Македоніи; но гдѣ при-
 „станемъ? спросишь ктонибудь. Война

„Что жизнь? — Жизнь смерти тѣнью сѣмя.
 „Что жить? — Жить мигъ лепяща время,
 „Едва почувствовать, познать.
 „Познавъ ничтожество — спрдашь.“ *Держав.*

„сама откроешь слабое состояніе дѣлъ
 „Филипповыхъ.“ Еслибъ это сказано
 было просто, то слова не соотвѣсти-
 спвовали бы важности предмѣта; на-
 прошивъ, симъ вдохновеннымъ, бысп-
 рымъ способомъ — предлагашъ вопросы и
 вдругъ самому отвѣчаешъ на оныя, какъ
 бы дѣлалъ сіе другой кто, Ораторъ не
 только придаеъ важности и величе-
 ства сказанному имъ, но и умножилъ
 вѣрояніе онаго. Ибо *Страстное* тогда
 наиболѣе имѣетъ дѣйствія, когда
 не Ораторъ, но случай производишъ
 оное (2); а нечаянности спрасшей ни

(2) Извѣстно, какой имѣли успѣхъ въ устахъ
 Теофана Прокоповича слѣдующія, самыя
 просшыя, но не изысканныя и внушенныя
 самимъ обстоятельствомъ слова: „Что
 „видимъ? Что дѣлаемъ, сынове Россій-
 „стіи? — Петра Великаго погребаемъ.“ —
 „Ораторъ отъ слезъ и рыданія слуша-
 „телей и своихъ собственныхъ, не могъ
 „продолжашъ Слова.

что такъ хорошо не подражаетъ, какъ
таковые вопросы и собственныя на нихъ
отвѣты; потому что какъ тѣ, коихъ
другіе спрашиваютъ, обыкновенно чув-
ствуютъ побужденіе вдругъ на сказан-
ное отвѣчать съ какимъ-то рвеніемъ,
и для того спѣшатъ сказать самую
правду: равнымъ образомъ и сія фи-
гура Вопросенія и Отвѣтствованія
искусно слушателя обманываетъ; такъ
что онъ довольно обдуманное прежде
Ораторомъ почиаетъ за сказанное безъ
всякаго приговора (3). * * * * *

-
- (3) Окончанія сей главы и начала слѣдующей
въ подлинникъ не достаетъ. Въ первой
я выбросилъ нѣсколько словъ и остано-
вился тамъ, гдѣ кончился періодъ; а въ
послѣдней, первый періодъ для ясности
прибавилъ.
-

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

О Безсоюзіи.

Ничто не придаетъ рѣчи такой быспрошы и легкоспи, какъ *Безсоюзіе*. Рѣчь, копорую ничто не связываетъ и коей ничто не мѣшаетъ въ печеніи, льется сама собою такъ, что едва не предупреждаетъ говорящаго. „Прира-
 „живъ щипы, говоритъ въ одномъ мѣстѣ
 „Ксенофонъ, сражались, убивали, уми-
 „рали (1). Тоже самое видно въ словахъ Еврилоха у Омира.

(1) *Г-нъ дю Лати* умѣетъ весьма искусно пользоваться сею Фигурою. „Я выхожу,
 „говоритъ онъ въ Письмѣ VII, изъ дворцовъ
 „Бринголеша, Серы и Кіаджеры. Я ослѣ-
 „пленъ, изумленъ, восхищенъ: самъ не
 „знаю, что я такое. Глаза мои пора-
 „жены золотомъ, мраморомъ, кристал-
 „ломъ, порфиромъ, басальтомъ, алебаст-
 „ромъ въ колоннахъ, въ пиласпрахъ, въ
 „капительяхъ, въ украшеніяхъ всякихъ
 „видовъ, всякихъ формъ, всякихъ родовъ,

„По швоему, о мудрый Улиссъ, по-
 „велѣнію, проходили мы лѣса, видѣли
 „въ долинахъ прекрасно сооруженные
 „чертоги (Цирцеи).“

Ибо сіи періоды пѣмъ не менѣе
 такимъ образомъ ускоренные, сильно
 выражающъ горестъ, которая не токмо
 не мѣшаетъ теченію слова, но еще
 болѣе возбуждаетъ оное. И для того-
 то Поэтъ таковыя вещи выразилъ без-
 союзіемъ.

„Ионическихъ, Дорическихъ, Коринѣскихъ.,--
 Не видите ли вы той скорости, съ
 каковою взоры Автора перебѣгаютъ съ
 одного предмѣта на другой, разсмапри-
 вая сіе безчисленное множество украшеній?

ГЛАВА ДВАТЦАТАЯ.

О смѣшеніи фигуръ.

Смѣшеніе фигуръ также весьма много способствуеши къ возбужденію въ слушателей спрасшей. Ибо двѣ или болѣе фигуръ, входя посредствомъ взаимнаго сопряженія какъ бы въ нѣкоторое общество, одна другой сообщаютъ силу, убѣжденіе и красоту. Таково слѣдующее мѣсто въ Димосееновой Рѣчи противъ Мидіа, гдѣ смѣшаны вмѣстѣ три фигуры: *Постореніе, Описаніе и Безсоюзіе*. „Ибо кшо бѣеши другаго, „говориши Ораторъ, пошъ много дѣлаеши тѣлодвиженіемъ, глазами, голосомъ такого, чего спраждащій не „можетъ изобразитъ въ рассказываніи „сего.“ Пошомъ, дабы спремленіе рѣчи отъ продолженія тѣхъ же фигуръ не остановилось (ибо порядокъ приличенъ спокойному духу; а спрасши, кошорая

есць не иное чшо, какъ душевное вол-
неніе, свойственнo все возмущаѣ и
приводиѣ вѣ разспройсво), вдругѣ
переходиѣ кѣ другимѣ *Безсоюзіямѣ* и
Повтореніямѣ. „То ругаѣся, шо бѣѣѣ
„его, какъ непріятеля своего, иногда
„кулаками, иногда вѣ щоку.“ Таковымѣ
другѣ на друга паденіемѣ фигурѣ, Ора-
торѣ поражаѣ души судей такѣ,
какѣ бы самѣ прежде былѣ опѣ Мидіа
поражаѣмѣ. Помомѣ опятѣ сѣ подобнымѣ
бури спремленіемѣ продолжаѣ: „вопѣ
„какіа поруганія раздражаюѣ, вопѣ
„какіа поруганія выводяѣ изѣ себя не
„привыкшаго кѣ онымѣ человѣка. Ни-
„кшо не вѣ соспояніи выразиѣ словами
„сшепенъ такой обиды (1). Таковою

(1) Сѣ такимѣ точно смѣшеніемѣ фигурѣ
продолжаѣ и Дю Папи описаніе выше
упомянутыхѣ дворцовѣ: „Тысяча картинѣ
„разбросаны по часнямѣ вѣ моемѣ во-
„ображеніи. Вижу головы, ноги, руки,

безпрестанною перемѣною *Повтореній* и *Безсоюзій* вездѣ сохраняеѣ онѣ свойство сихъ фигуръ; такъ что въ порядкѣ его находится безпорядокъ, и на противъ въ безпорядкѣ порядокъ.

ГЛАВА ДВАТЦАТЬПЕРВАЯ.

Союзы рѣтъ обезсиливаетъ.

Соедини же приведенныя мною слова, ежели угодно, союзами, такъ какъ дѣлаютъ ученики Исократовы: „По истинѣ „не надобно забыть и того, что бьющій „другаго много обидѣ вмѣстѣ причи- „няетъ; во первыхъ шлодвиженіемъ, во

„шуловища и трупы, стариковъ и дѣ- „вочекъ, Венеръ и дѣвъ. Вотъ горест- „ныя слезы, текущія изъ очей почтен- „наго старца. Вотъ прелестная улыбка, „развивающаяся на устахъ прекрасной „пятнадцатилѣтней дѣвушки; думаю, эшо „первая ея улыбка.“

„впорыхъ глазами, а наконецъ и самымъ
„голосомъ,“ и такъ далѣе: то вдругъ
почувствуешь, что сильная и порыви-
стая спрасъ, смягченная таковыми
союзами, лишася своей ярости и какъ
бы нѣкошораго жала, упадеиъ и по-
шухнеиъ (1). Ибо какъ естлибы кто

- (1) Не смотря на то, искусно и къ спаши
употребленные союзы весьма много спо-
собствуюиъ къ выраженію связи, гдѣ она
должна бытъ въ дѣйствіяхъ либо явлені-
яхъ природы. Такъ на пр. *Дю Пати*,
описывая Воклюзскій источникъ, говоритъ:
„и шеперь, кажется, вижу рѣку, копо-
„рая изъ середины горъ вырывается, под-
„нимаеиъ, распеиъ и вдругъ разливаеиъ-
„ся съ стремленіемъ, съ громомъ, съ ки-
„пѣніемъ, съ пѣною, съ паденіями шаки-
„ми, каковыхъ ни кисть Живописца ни
„кисть Стихопворца никогда изобразиъ
„не въ состояніи.,, До сего мѣста онъ
говориъ безъ союзовъ; ибо шуъ Природа
ни мало не медлиъ въ своихъ дѣйствіяхъ.
Но продолжая сіе описаніе, говоритъ: „по-
„шомъ серебряныя волны свои перемѣ-
„няеиъ въ лазуревыя, и разливаеиъ ихъ

связалъ бѣгущаго человѣка, то бы лишилъ его всей силы и свободы къ сопротивленію: такъ равно, есѣли вы дѣлаете справки помѣщальство союзами и другими частіцами, то она имѣ сопротивляется; вы опниваете у нее свободу въ печеніи и шу быспрошу, съ каковою она должна, подобно пущеной изъ лука стрѣлѣ, спремишься на непріятелей.

„и катитъ и разстилетъ по изумрудному ковру. Видите ли, какъ Воклюзскій источникъ вдругъ перемѣнилъ печеніе свое въ долину, и столько же шумѣ шихъ и спокоенъ, сколько шуменъ и быспрѣ при своемъ съ горы низверженіи?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬВТОРАЯ.

О Ипербатахъ или Переложенїяхъ.

Къ сему причислишь должно и *Ипербаты* или *Переложенїя*. Они состоятъ въ переставленїи словъ или мыслей противъ обыкновеннаго порядка, и служатъ самымъ истиннымъ признакомъ въ то самое время и безъ всякаго пригововленїя родившейся спраспи. Ибо какъ шѣ, которые дѣйствительно исполнены гнѣва, страха, негодованїя, ревности или другой какой спраспи (поелику ихъ столь великое множество, что изчислить никакъ не возможно) часто начинають рѣчь объ одномъ предметѣ, и не окончивъ онаго, переходятъ къ другому, попомъ опять принимаясь безъ всякой причины за новой, возвращаясь къ прежнему, и волнуясь спраспию, подобно непостоянному вѣтру, бросаюся то въ ту, то въ другую

сторону; такъ что слова, мысли и весь
 естественной порядокъ рѣчи необычно-
 веннымъ и многоразличнымъ образомъ
 перемѣняющъ: такъ точно поступающъ
 и превосходные Писатели въ изображе-
 ніи спрасей; они совершенно при-
 мѣняющъ слова свои къ свойству вещи,
 непрестанно перемѣняя или лучше раз-
 спроивая обыкновенное рѣчи печеніе.
 Ибо тогда Искусство совершенно, когда
 оно кажется Природою; и обратно,
 тогда Природа щастлива, когда скры-
 ваеши въ ней Искусство. Сему при-
 мѣромъ служишь могущъ слова Діонисія
 Фокейскаго у Иродота: „до самой край-
 „ности, говоришь онъ, доведены дѣла
 „наши, Іоняне; намъ необходимо должно
 „быть или вольными, или невольниками,
 „и при томъ самыми жалкими невольни-
 „ками. И такъ, естли хощете избѣ-
 „гнуть угрожающаго вамъ нещастія,
 „то не оплагая нимало, надобно вамъ

„предпринять тяжкой подвигъ; за то,
 „преодолевъ непріятелей, будете на-
 „слаждашся вольноспію.“ Обыкновен-
 ной порядокъ требовалъ слѣдующаго
 расположенія словъ: „Іоняне! теперъ
 „время предлежитъ вамъ къ пред-
 „принятію великихъ подвиговъ; ибо
 „дѣла ваши доведены до крайности,“
 и пр. Но Орапоръ слово *Іоняне* оп-
 носитъ далѣе, и вдругъ начинаетъ съ
 самаго спраха, какъ бы удержанъ былъ
 угрожающею опасностію наименованъ
 слушателей съ начала рѣчи, такъ, какъ
 дѣло того требовало; послѣ перемѣ-
 няетъ и самой порядокъ мыслей (1).
 Ибо не убѣждая еще ихъ къ подвигу, что

(1) Сіе самое примѣтно и въ приведенномъ
 мною подъ 18 главою примѣрѣ изъ *Проко-
 новика*. Онъ не сказалъ прежде: *Свинове
 Россійстїи!* Что видимъ? Что дѣлаемъ?
 Но сперва спросилъ; а по томъ уже
 именуетъ своихъ слушателей. Сего требо-
 вали обстоятельство.

однакожъ составляетъ цѣль его, онъ предлагаетъ прежде причину, для чего надобно сей подвигъ предпринять; п. е. „дѣла наши доведены до самой крайности,“ дабы показать, что говоришь не прежде имъ обдуманное, но тогдаже обстоятельствомъ вынужденное (2). Эукидидъ еще болѣе исполненъ таковыхъ Ипербасъ, и весьма искусно умѣетъ раздѣлять между собою даже

(2) Кто читалъ Тита Ливія, тотъ не можетъ при семъ случаѣ не вспомнить прекрасную рѣчь, вложенную имъ въ уста престарѣлаго *Торація*, который защищаетъ сына своего, убившаго сестру за то, что она, увидѣвъ на немъ плащъ умерщвленнаго имъ любовника ея, вмѣсто участія въ общей радости, предалась слезамъ. Какъ искусно сдѣлано имъ переложение въ словахъ! — „*Hunc sine, говоритъ онъ, quem modo decoratum ovantem que vidistis, Quirites, eum sub furca vinctum inter verbera et cruciatus videre potestis, и прог.* Я переведу отъ слова до слова: „Того, котораго теперь только,

такія вещи, которыя по напурѣ вовсе нераздѣлимы и совокупны. Чтожъ касается до Димосѣена, то онъ употребляетъ ихъ съ большею бережливостію; впрочемъ въ семъ родѣ онъ гораздо всѣхъ превосходитъ, и переложеніями своими, равно какъ и пѣмъ способомъ, чтобъ говоришь невзначай, показываетъ

„украшеннаго и торжествующаго видѣли вы, Римляне, того самаго подѣ висѣлицею связаннаго между побоевъ и мученій видѣть можете ли?“ — Ясно, что какъ на Латынскомъ, такъ и на нашемъ языкѣ можно расположить рѣчь сію слѣдующимъ образомъ: „Можете ли вы, Римляне, видѣть подѣ висѣлицею связаннаго, между побоевъ и мученій, того самаго, котораго теперь только видѣли украшеннаго и торжествующаго?“ Но чтобъ склонить Римлянъ къ прощенію преступника, надлежало прежде представить и, такъ сказать, ослѣпить ихъ его заслугами, дабы привести ихъ въ раздумье. — Не могу также не упомянуть здѣсь о рѣчи, которую говоритъ Муцій Сцевола въ станѣ Порсенны, умертвивъ по незнанію

намъ удивишельную силу своего вишій-
спва; сего мало, онъ длинными пере-
ложеніями вовлекаетъ слушателей въ та-
кую же опасностъ, въ какой самъ себя
предспавляетъ. Ибо часто первую мысль
свою удерживаетъ, какъ бы нарочно
допуская въ рѣчи безпорядокъ; попомъ,
по приведеніи многихъ, иногда не при-
надлежащихъ къ его предмѣту обстоя-
тельствъ, наводитъ на слушателей
спрахъ, заспавляя ихъ думать, что вся
таковая рѣчь падеетъ, и принуждая уча-
спвоватъ въ опасости, въ каковой
видяетъ они Орашора. Но вдругъ, про-

вмѣсто сего Царя, Секретаря его: „Ro-
manus sum civis. Mucium vocant, и пр.
Я Римлянинъ; Муціемъ зовутъ меня.“ —
Какая гордостъ и неустрашимостъ дышетъ
въ словахъ Римлянина! Но чтообъ такое
было въ нихъ, когда бы онъ сказалъ
такъ: Ego sum civis Romanus. Vocant
me Mucium? — Не иное что, какъ робкое,
совсѣмъ не Римское признаніе.

шивъ всякаго чаянія, сказавъ наконецъ
къ спаши по, чего давно уже слушатели
желали, таковыми щасливými и вмѣспѣ
опасными переложеніями гораздо силь-
нѣе поражаетъ и изумляетъ; — и сего
рода примѣровъ такое множество, что
я приводить ихъ почиаю за излишнее.

ГЛАВА ДВАТЦАТЬТРЕТІЯ.

*О Многопадежѣи и другихъ подобныхъ
ему фигурахъ, также о фигурахъ
называемыхъ Множественными.*

Теперь слѣдуетъ сказать о назы-
ваемыхъ такъ *Многопадежѣяхъ*, *Стетеніяхъ*
или *Стѣсненіяхъ*, *Перемѣненіяхъ* или *Анти-*
метаболахъ и *Маращеніяхъ*, которыя, какъ
шебѣ небезвѣстно, весьма сильны,
и по тому много способствуютъ къ
украшенію, ко всякому возвышенію и
спрасши слова. Чпо же сказать о пе-

ремѣненіяхъ падежей, временъ, лицъ, чиселъ и родовъ? Не они ли, такъ сказать, испещряющъ и возвышающъ слово? Въ прочемъ, когда я говорю о перемѣненіи чиселъ, то не такъ сіе разумѣнь надобно, какъ бы только то служило къ украшенію, что окончаніе имѣетъ *Единственное*, но, естли внимательнѣе разсмотрѣшь, имѣетъ силу *Множественныхъ*. На пр:

„Вдругъ ужасная толпа народа, разсыпавшись по берегамъ, вскричала (1).

Я разумѣю здѣсь больше *Множественныя* числа, которыя пѣмъ доспойнѣ примѣчанія, что заключающимся въ нихъ

(1) Слова сіи взяты изъ Истории Фукидидовой. — Вотъ примѣръ изъ Г. Ломоносова.

„Сіе *Россія* восхищенна

„Въ веселіи своемъ гласитъ:

„*Москва* едина на колѣна

„Упавъ, передъ тобой стоитъ,

„Власы сѣдые просшираетъ,

„Тебя, Богиня, ожидаетъ, и пр:

(2)

множествомъ придають слову гораздо болѣе силы и великолѣпія. Таковы суть Множественныя, влагаемая Софокломъ въ уста Эдиповы.

„О бракъ! проклятой бракъ! ты
 „жизнь намъ даровалъ, и поже самое
 „сѣмя, отъ котораго мы родились, со-
 „общилъ намъ; а отъ насъ отцы,
 „братья, дѣти, родственники, невѣсты,
 „жены, мащери, — и всѣ, какія токмо
 „быть могутъ между людьми, гнусныя
 „дѣянія.“

Ибо всѣми сими именами означаетъ сперва одинъ Эдипъ, а потомъ Іокаста; но съ окончаніемъ множественнаго числа, кажется, умножены и Эдиповы несчастія. Таковойже Плеоназмъ употребленъ и Поэтомъ (2) въ слѣдующихъ словахъ;

(2) Разумѣется Эсхилъ.

„Явились Гекторы и Сарпедоны.“ (3)

Тоже сказать можно и о шѣхъ Платоновыхъ словахъ, въ одномъ мѣстѣ мною уже приведенныхъ, гдѣ онъ говоритъ объ Аѳинянахъ: „не Пелопсы, не Кадмы, „не Египтяне, не Данаи и не варвары „живущѣ съ нами въ семъ городѣ; но „всѣ мы Греки, не имѣвшіе никакого съ „варварами смѣшенія,“ *и пр.*

Въ самомъ дѣлѣ, собранныя такимъ образомъ вмѣстѣ многія имена подають намъ гораздо большее о вещахъ понятіе. Однакожъ не вездѣ надобно употреблять такой родъ украшенія, а только тамъ, гдѣ предметъ пребудетъ или распространенія или умноженія или возвыше-

(3) „Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ „первой Пунической войны до Августа „Мепоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, „Метеллы, Катоны, Суллы произвели: „то Пётръ сдѣлалъ въ краткое время „своея жизни.“ *Домоносовъ.*

нія или спраспи, ш. е. либо одного
 чего-нибудь изъ всего сего, либо и
 многого; ибо привѣшивашь вездѣ *погре-
 мушки* (4) было бы что-то слишкомъ
 Софистическое (5).

(4) *Κάδωνας* (*погремушки*), которыя привѣ-
 шивали къ уздамъ и другимъ конскимъ
 уборамъ во время торжественныхъ выѣз-
 довъ. Авторъ чрезъ сіе разумѣетъ, какъ
 всякому легко видѣть можно, что не
 вездѣ надобно употреблять фигуры и
 другія Риторическія украшенія.

(5) Софисты съ начала почивались за людей
 все знающихъ. Пользуясь такими о нихъ
 мыслями народа, они безстыдно хвастали
 своимъ краснорѣчіемъ и не бошоясь гово-
 рили слушателямъ, что ни попадетъ въ
 голову.

ГЛАВА ДВАТЦАТЬЧЕТВЕРТАЯ.

*Единственное число иногда служитъ
къ возвышенію слова.*

Напрошивъ иногда случается, что и Множественное число, сокращенное въ Единственное, рѣчь весьма возвышаетъ; наприкладъ, когда говорилъ Демосѳенъ (1): „тогда весь Пелопоннесъ „былъ между собою въ несогласіи;“ и въ слѣдующихъ словахъ (2): „когда „Фринихъ появился на сценѣ съ Трагедіею своею подъ названіемъ: Взятіе „города Милеа, то весь театръ за- „лился слезами.“ Ибо таковое соединеніе многихъ предмѣтовъ во едино,

(1) Изъ рѣчи о Вѣнцѣ.

(2) Изъ Иродотовой Исторіи книг. *Ерато*.
 „Россія наложила руку
 „На Тавръ, Кавказъ и Херсонесъ
 „И распусти въ Босфоръ флаги
 „Сталбулу флосами гремитъ.“ *Держ.*

сообщаетъ рѣчи какое-то *тѣло*. Впрочемъ, я полагаю, что въ обѣихъ сихъ фигурахъ одна бываетъ причина украшения; пошому что какъ тогда, когда переменная Единственные числа на Множественныя, изъ одной вещи дѣлаемъ многія; такъ и тогда, когда соединяя Множественныя въ одно Единственное, былобъ только это пріятно для уха, изъ многихъ вещей составляемъ одну, нечаянная таковая переменная доказываетъ необыкновенное духа движеніе.

ГЛАВА ДВАТЦАТЬПЯТАЯ.

Прошедшія дѣйствія надобно предлагать такъ, какъ настоящія или теперь происходящія.

Равнымъ образомъ, когда мы о прошедшемъ дѣлѣ говоримъ такъ, какъ бы оно теперь происходило, тогда не рассказываемъ уже онаго, но представляемъ

въ настоящемъ дѣйствіи. „Одинъ воинъ,
 „говоритъ Ксенофонъ, упавъ подъ Ки-
 „рову лошадь, и будучи попираемъ ея
 „ногами, пронзаетъ мечемъ ее въ брюхо;
 „пораженная лошадь мечется въ разные
 „спороны, скидываетъ съ себя Кира,
 „и онъ падаетъ (1). “ Таковыхъ

(1) Посмотримъ Г-на *дю Лати*. — „Толпа вдругъ
 „произноситъ вопль, вдругъ преклоняетъ
 „колѣна; вдругъ первосвященникъ окру-
 „жается на воздухъ тысячею слезящими
 „взорами, и тысячею воздѣшными къ Богу
 „руками. Первосвященникъ возводитъ
 „взоры къ небу и молился; народъ скло-
 „няетъ взоры долу и молился. “

Въ слѣдующемъ примѣрѣ Эней расска-
 зываетъ Дидонѣ случившееся противъ
 него въ храмѣ возмущеніе:

„Ко жертвованью былъ готовъ священный ликъ,
 „Незапно возстаетъ вдали смятенный крикъ.
 „Весь движется народъ, отъ звука храмъ
 „препещетъ,

„Какъ волны страшныя къ брегамъ вихрь
 „сильный мещетъ,

„И извергаетъ въ нихъ чудовище изъ водъ:
 „Таковъ во ужасѣ волнуяся народъ,

фигуръ много находишся у Оуки-
дида.

ГЛАВА ДВАТЦАТЬШЕСТАЯ.

О перемѣнѣ лицъ.

Перемѣна лицъ также много служи-
тъ къ выраженію спраси; такъ
что Слушатель часто представляе
самъ себя среди опасности, напр:

„Ты бы сказалъ, что ихъ ничто не
„можетъ ни упоминъ ни преодолѣтъ
„въ стремленіи ихъ другъ на друга —
„съ такимъ жаромъ они сражались (1)!“

„Разверзшись вдругъ Посла Гетульска откры-
ваетъ.

„Какъ молнія остръ мечъ въ рукахъ его бли-
стаетъ,

„Какъ угліе глаза кровавые горятъ,

„Ошъ ярости уста безмолвныя дрожатъ, и пр.

Траг. Дидона Г. Княж.

(1) Иліад. пѣс. XIV. — Нашъ языкъ совер-
шенно сходенъ въ семъ съ Греческимъ;
на немъ также щасливо можно упо-

И у Арапа :

„Не отправляйся въ море въ семъ
„мѣсяцѣ.“

Сіе самое можно видѣть и въ Иро-
допѣ: „когда вышедъ изъ города Еле-
„фанпины, пойдешь возвышенною спо-
„роною, то сперва представишься тебѣ
„холмъ; потомъ спустишься въ про-
„спранную долину, которую прошедши,
„сядешь на другой корабль, и чрезъ
„двенадцать дней приѣдешь къ вели-
„кому городу Мероѣ.“ — Видишь ли,
любезный Теренціанъ, какъ Писатель,
взявъ съ собою, такъ сказать, душу
свою, водитъ ее по всѣмъ мѣстамъ и
заспавляетъ тебя видѣть то, что,
какъ тебѣ казалось, ты только слышалъ?
И вообще всякая рѣчь, расположенная

проблать одно лице вмѣсто другаго. —
„Войдешь — и при первомъ взорѣ во-
„ображеніе касается небесъ; но при вхо-
„дѣ, упадаетъ.“

такимъ образомъ, что обращается къ самымъ лицамъ слушателей, представляя ихъ участвующими въ самомъ дѣйстви; а особливо сіе бываетъ тогда, когда говоримъ не ко всѣмъ, но какъ бы къ одному лицу.

„Не можешь узнать, копорой спороны держишься сынъ Тидеевъ (2).“

Такимъ образомъ возбуждавъ слушателя, пронеешь его гораздо сильнѣе, сдѣлаешь внимательнѣе и внушишь ему великое въ дѣйстви участие.

(2) Иліады пѣснь IX. — „Тутъ видишь столько картинъ, что, кажется, видишь не больше одной. Цѣлой мѣсяцъ надобно различать ихъ и познавать; но пробѣгаешь ихъ въ одинъ часъ.“ Также: „идешь подъ прекраснѣйшими деревьями — шелковичными, фиговыми, яворовыми; *топчешь* самой зеленой дернъ, самые благовонные цвѣты; въ ближнихъ лѣсахъ слышишь пѣніе тысячи птицъ; лошади сходятъ съ горъ, спуска пасущся на ихъ вершинахъ и убѣляютъ оныя.“ *дѣю Плати.*

ГЛАВА ДВАТЦАТЬШЕСТАЯ.

О переходѣ отъ одного лица къ другому.

Иногда также случается, что Писатель говоря о комъ нибудь, вдругъ на мѣсто его себя поставяетъ, и паковой родъ украшенія доказываетъ стремленіе спраспей.

„Но Гекторъ, взывая къ Троянамъ
„громогласно, повелѣваетъ оставитъ
„добычи падающихъ на сраженіи и бѣ-
„жасть на корабли. Есѣли же я увижу
„кого нибудь вдали отъ флота, то самъ
„низрину его во адъ (1).“

(1) Иліады пѣснь XV. — Такъ Ломоносовъ, презрѣвъ въ восторгъ своемъ обыкновенную связь и переходъ въ періодахъ, говоритъ:
„Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
„Я слышу чистыхъ Сестръ музыку;
„Пермесскимъ жаромъ я горю,
„Теку поспѣшно къ оныхъ лику.

Поэпъ сіе повѣспованіе, какъ ему
 свойспвенное, опносптъ къ себѣ, и
 вдругъ безо всякаго о томъ предувѣдо-
 мленія, сію опривиспую угрозу влагаептъ
 въ успа раздраженнаго полководца. Ибо
 рѣчь совершенно бы ослабѣла, еспълибъ
 онъ включилъ слѣдующія слова: „Гекпоръ
 „сказалъ тогда то либо другое.“ Но
 такой нечаянный переходъ упредилъ
 скороспъ и самаго Поэпа. Почему фи-
 гуру сію тогда только упоспребляптъ
 надобно, когда скороспъ времени не-
 позволяептъ медлптъ Писапелю, но при-
 нуждаептъ вдругъ перейпши опъ одного
 лица къ другому, какъ и у Гекашея:

„Врачебной дали мнѣ воды;
 „*Испей и всѣ забудь труды;*
 „Умой росой Каспальской очи,
 „Чрезъ сшепъ и горы взоръ *простри,*
 „И духъ свой къ тѣмъ спранамъ *впери,*
 „Гдѣ всходишъ день по темной ночи.“

„Смущенный такою вѣстію Царь Це-
 „иксѣ немедленно повелѣваетъ Иракли-
 „довымъ попомкамъ выпши изъ его цар-
 „ства. Ибо я не въ силахъ вамъ покро-
 „вишельсшвовашъ. И пакъ, дабы вамъ
 „самимъ не погибнуть и меня не погу-
 „бишь, удалитесь къ другому какому
 „нибудь народу.“ Димосѣенъ въ своей
 рѣчи прошивъ Аристогишона употре-
 билъ сію фигуру другимъ какимъ—то
 и припомъ весьма искуснымъ и спра-
 шнымъ образомъ: “И изъ васъ никто
 „не найдется, говоритъ Орапоръ, кто
 „чувсшвовалъ гнѣвъ и негодование, видя
 „сего гнуснаго и безстыднаго человѣка,
 „нарушающаго священнѣйшіе законы?
 „злодѣя, который О! величайшій
 „изъ всѣхъ злодѣевъ! Ничто не могло
 „бы удержашъ швоей необузданности
 „ни сіи заклепы, ни сіи двери, кошо-
 „рая другой бы кто нибудь ошворишь

„могъ (2).“ Не окончавъ мысли, вдругъ
 перемѣняетъ видъ рѣчи, и не могши
 удержаться отъ гнѣва, одно слово на
 два лица раздѣляетъ: и копорый... о!
 величайшій изъ всѣхъ злодѣевъ!“ По-
 томъ вдругъ обративъ рѣчь на Аристо-
 тишона, какъ бы прежде имъ оставлен-
 ную, въ сильной спраси своей пѣмъ
 большее дѣлаетъ въ судьяхъ впечатлѣніе.

(2) Таковой переходъ отъ одного лица къ
 другому иногда составляетъ фигуру Обра-
 щеніе (Апострофу), какъ видно изъ при-
 водимыхъ нашимъ Авторомъ примѣровъ.
 Такъ Г. Державинъ, сказавъ прежде о
 непостоянствѣ нашихъ желаній, и вдругъ
 какъ бы опомнясь, что пишетъ къ сосѣду
 своему, обращаетъ рѣчь къ нему.

„Непостоянство доля смертныхъ;
 „Въ прелѣнахъ вкуса щастье ихъ,
 „Среди утѣхъ своихъ несмѣшныхъ
 „Желаемъ мы утѣхъ иныхъ.
 „Придутъ, придутъ часы тѣ скучны,
 „Когда твои ланины тучны
 „Престанутъ Граціи шрепашъ,
 „И можетъ быть съ тобой въ разлукѣ
 „Твоя ужъ Пенелопа въ сукѣ
 „Коверъ не будетъ разпускать.

Такимъ же образомъ изъясняется и Пенелопа :

„Вѣспникъ! почто жестокіе женихи
 „мои тебя сюда предпослали? Не обѣ-
 „явишь ли хочешь отъ нихъ повелѣніе,
 „дабы рабыни божественнаго Улисса
 „преспали отъ дѣлъ своихъ и пригото-
 „вили для нихъ пиршество? О Боги!
 „даруйте, да въ сей день послѣднее
 „будетъ для нихъ пированіе и бесѣда
 „со мною! Безстыдные! спекаясь часпо
 „ко мнѣ, вы пожираете спяжаніе
 „мудраго Телемака. Или вы въ дѣшпвѣ
 „своемъ не слышали отъ опцевъ вашихъ,
 „каковъ былъ Улиссъ?“ (3).

(3) Г-нъ Державинъ, изображая *Павлина*, переходитъ къ ослѣпляющей насъ пышности такъ :

„Но что за чудное явленье?
 „Я слышу нѣкій странный визгъ!
 „Сей Фениксъ опустилъ вдругъ перье,
 „Увидя гнусность ногъ своихъ; —
 „О пышность! какъ ты ослѣпляешь!
 „И баринъ безъ ума — Павливъ.“

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ОСЬМАЯ.

О Перифразисѣ.

Никто, думаю, не будетъ мнѣ въ томъ прошиворѣчить, что и *Перифразисъ* (Обреченіе) способствуеѣ къ возвышенію слова. Ибо, какъ въ музыкѣ главный звукъ бываеѣ пріятнѣе, когда сопровождается разными соопвѣствующими ему тонами: такъ и Перифразисъ часто дѣлаеѣ гармонию съ собственнымъ реченіемъ и весьма способствуеѣ къ украшенію; а особливо, когда нѣтъ въ немъ ничего надушаго и распроеннаго, но все въ надлежащемъ согласіи. Сему прекрасный примѣръ представляеѣ Платонъ въ началѣ надгробнаго своего слова: „Наконецъ, говориѣ онъ, мы самымъ дѣломъ воздали имъ послѣдній долгъ, послѣ чего теперь совершающеѣ они роковой путь свой, въ которой отправляющеѣся въ провожаніи

„какъ всего города вообще, такъ и род-
 „ныхъ своихъ особенно.“ — Во первыхъ,
 смерть называетъ онъ *роковымъ путемъ*;
 потомъ, послѣдній долгъ воздаваемый
 умершимъ, называетъ *общимъ всего оте-
 гества провожаніемъ*. Не правда ли, что
 онъ такимъ образомъ умѣренно мысль
 возвысилъ и помощію мелодически
 разлипаго въ рѣчи Перифразиса, изъ
 самаго простаго выраженія составилъ
 нѣкошорую гармонію? Равномѣрно и
 Ксенофонтъ: „Вы трудъ почищаете
 „единственнымъ вождемъ къ пріятной
 „жизни. Но души ваши украшены на-
 „илучшимъ качествомъ, какое только
 „могутъ имѣть люди рожденные къ
 „войнѣ; т. е. что вы ничемъ столько
 „не прогааетесь, какъ похвалою. Вме-
 сто словъ: *хотите трудиться*, сказавъ:
почитаєте трудъ единственнымъ вождемъ
къ пріятной жизни, и разпространивъ рѣчь
 подобнымъ образомъ, придалъ похвалѣ

какую-то величественную мысль. Прибавимъ къ сему еще оное неподражаемое Иродово выраженіе: „Богиня, въ наказаніе Скиѳовъ за разграбленіе храма, послала къ нимъ женскую болѣзнь (1).“

ГЛАВА ДВАТЦАТЬДЕВЯТАЯ.

*Неумѣренной Перифразисъ бываетъ
пустъ и легкомысленъ.*

Нѣтъ ничего лучше въ сочиненіи, какъ Перифразисъ, есѣли не нарушена будетъ въ немъ мѣра; въ противномъ случаѣ она вдругъ дѣлается отвращительною, пустою и грубою. Почему и Платона, который всегда изобиленъ

(1) Не знаю почему Лонгинъ сей Иродовъ Перифразисъ почитаетъ неподражаемымъ, да и что такое разумѣется подъ именемъ женской болѣзни, не извѣстно.

въ украшеніяхъ, и даже иногда, по
мнѣнію нѣкоторыхъ, употребляешъ ихъ
не къ мѣсту, многіе осмѣивающъ въ
шомъ, что онъ сказалъ въ книгѣ своей
о законахъ. „Не должно ни *сребреному*
„ни *златому богатству* позволяшъ водво-
„ренія въ городѣ.“ Есшъли бы, го-
воряшъ они, вздумалъ Плашонъ запре-
шишъ держашъ скопъ, то конечно бы
овецъ и быковъ назвалъ шакже богаш-
сшвомъ.

Но сказаннаго нами вообще о упо-
требленіи фигуръ, касашельно *высокаго*,
довольно. Ибо всѣ онъ дѣлающъ рѣчь
спрасшнѣе и живѣе; а *страсти* сполько
заключающъ въ себѣ *высокоши*, сколько
правы пріятности.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

О выборѣ словъ.

Поелику мысль и выраженіе по большей части взаимно сами себя объясняютъ, то посмотримъ, не нужно ли еще что нибудь примѣнить въ той части слова, которая называется *израженіемъ* или *выговоромъ*. Излишне было бы сказать тебѣ, любезный Теренціанъ, которому сіе такъ извѣстно, что выборъ собственныхъ и великолѣпныхъ словъ удивительно какъ прогаеши и обворожаетъ слушающаго (1). Можемъ

(1) „Можно сказать, говоритъ Ролленъ, что „слова стоятъ только того, чего хотятъ, „чтобы они сложились, и что одно искусство „Сочинителя даетъ имъ цѣну. Поелику „они опредѣлены къ выраженію мыслей, „то они и родиться должны. Ибо „хорошія выраженія обыкновенно привязаны бывающъ къ самымъ вещамъ, и „слѣдуютъ за ними, какъ тѣнь за тѣломъ. Это былабы погрѣшность, есть-

быть ни откуда Орапоры и всё вообще Писатели, о высокости слова спарающиеся, не заимствуютъ сколько величества, изящности, вѣсу, силы, крѣпости и ясности для своихъ твореній,

„либѣ кто думалъ, что надобно искать
 „оныхъ въ матеріи, какъ будтобъ они
 „отъ насъ скрывались и надобно было
 „насилно употреблять оныя. — Когда
 „кто сочиняетъ, то слова подобны бы-
 „ваютъ служителямъ въ домѣ хорошо
 „управляемомъ; они не ожидаютъ того,
 „чтобъ ихъ позвали, но сами предстаютъ
 „и бывають всегда готовы въ нуждѣ. На-
 „добно только дѣлать въ нихъ выборъ и
 „умѣть употреблять каждое изъ нихъ
 „въ своемъ мѣстѣ.

Г-нѣ Ломоносовъ и Державинъ знаютъ сію тайну, какъ никто лучше изъ Россійскихъ Поэтовъ; напр: когда говорятъ нашъ Пиндаръ.

„Подъ сильною его пятою

„Кремнистые бугры трещатъ;

то кто не слышитъ сего преска подъ стопами гордаго исполина? — Г. Державинъ такъ начинаетъ гремѣть вмѣстѣ

какъ изъ сего источника; всѣ сіи красоты въ рѣчи, подобно какъ въ превосходныхъ картинахъ получаютъ блескъ свой отъ выбора словъ, копорыя сообщаютъ предметамъ какую-то душу и голосъ; словомъ: отборныя слова по истинѣ суть собственной свѣтъ нашихъ мыслей. Однакожь не вездѣ надобно напыщать рѣчь нарядными словами. — Ибо выражать низкой предметъ словами величественными и важными тоже самое значить, какъ бы большую праги-

съ Суворовымъ въ своемъ *Переходѣ чрезъ Альпы*:

„Сквозь тучи вдругъ лежащи, черны,
 „Твой горній кроючи полетъ,
 „Носящи страхъ намъ, скорби зѣльны,
 „Ты грянулъ наконецъ! — и свѣтъ
 „Отъ молніи твоей горящій,
 „Сердца Алпійскихъ горъ потрясшій,
 „Струей вселенну пролетѣлъ;
 „Чрезъ неприступны переправы,
 „На высотѣ твоей новой славы
 „Явился Сѣверной Орелъ.“

ческую маску надѣшь на ребенка, выключая только въ Спихотворствѣ. * *

* * (2).

(2) Что такое далѣе сказать хотѣлъ Авторъ нашъ, неизвѣстно. Въ дополненіе къ сему, я только скажу, что нашъ языкъ наиболѣе способенъ отличить своими словами одинъ слогъ отъ другаго, стоишь только умѣть имъ пользоваться. Для высокаго слога у насъ есть особливья слова, которыя было бы худо употребить въ слогъ низкомъ, и на оборотъ. Примѣсь Славянскаго нарѣчія, также сокращеніе и прозяженіе, уменьшеніе и увеличеніе словъ еще болѣе умножаютъ его изобиліе. На пр: когда мнѣ надобно сказать важно, то я говорю: *попираю, потрясаю, позлащеннѣй, кумирѣ или истуканѣ, гряду, реку, гласѣ*, и пр: когда же просто, то говорю: *тонгу, позолотеннѣй, болванѣ или статуя, иду, говорю, голосѣ*, и пр. Однако и сіи слова принимаютъ какую-то сановитость, какъ скоро Писатель умѣетъ искусно ихъ употребить.

Вотъ что Екатерина Великая писала къ Вольтеру о Россійскомъ языкѣ въ сравненіи его съ Французскимъ: „нѣтъ ничего труднѣе, какъ перевести на языкъ

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

О словахъ простонародныхъ.

* * * * *

* * Сіе мѣсто въ Анакреонѣ: „уже
„не кружишъ моей головы Эракійская
„лира“ (1), хотя число, но весьма
проспо. Не меньшую заслуживаетъ по-
хвалу и оное мѣсто въ Теопомпѣ, ко-

„Французской, что бы такое ни было на
„Рускомъ написано; сей послѣдній столь
„богатъ и выразишеленъ, и терпитъ та-
„кіе извороты и составленія словъ, что
„изъ него можно сдѣлать все, что уго-
„дно; а вашъ столь ученъ и столь бѣ-
„денъ, что надобно быть вами, чтобъ
„изъ него сдѣлать такое употребленіе,
„какъ вы сдѣлали,

(1) Какъ сія Анакреонова Ода не дошла до
нашихъ временъ, то мнѣ позволишительно
догадываюсь, что такое Стихотворецъ
хочетъ сказать въ сихъ словахъ: *Ὀρχή*
ἑρπύλλης ἐπιγρέφομαι. — Онъ столько занятъ
любвовными дѣлами, что Эракійская, т.
е. Орфеева лира не кружитъ уже головы
его.

порое, по приличію къ предмѣту, кажешся мнѣ весьма значительнымъ, хотя Цецилій, не знаю почему, оное охуждаетъ. „Филиппъ, говоришъ онъ, „весьма способенъ былъ въ случаѣ нужды „переломить себя“ (2). Въ самомъ дѣлѣ, иногда простая и обыкновенная рѣчь

(2) *Αὐτοφάτης πρῶτα*. Сіи слова весьма значительно выражаютъ свойства Филиппа, Царя Македонскаго; но на Рускомъ языкѣ никакъ не можно въ короткихъ словахъ изобразить мысль оныхъ. Историкъ сими простыми на Греческомъ языкѣ словами хочетъ сказать, что Филиппъ, по гибкому своему характеру, въ необходимости, *переломивъ себя*, охотно дѣлалъ то, чего бы ему и не хотѣлось, — волю свою подчинялъ вещамъ, а не вещи своей волѣ, и переносилъ все равнодушно. — Но это не значитъ недостатка нашего языка. — Всякой языкъ имѣетъ свои идиоматизмы, которые сколько трудно перевести на другой, столько и не нужно. Возьмемъ вмѣсто того примѣры на нашемъ языкѣ. Слова: *давнутъ, разсѣтся, лихой, трѣснутъ, сдвинутъ* весьма просты; но посмотришь, какую силу получаютъ они

сильнѣе выражаетъ мысль, нежели всякое украшеніе, такъ какъ это всегда видѣть можно въ общежитіи. Припомъ, что обыкновеннѣе, то по сему уже одному и вѣрояннѣе. Почему, говоря о такомъ человѣкѣ, который изъ любочестія сноситъ великія поруганія не токмо терпѣливо, но и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, весьма значительно сказать, что онъ *въ слугахъ нужды легко*

въ устахъ нашихъ Поэтовъ, когда, напр: говорятъ они о Борѣ:

„Сгустилъ шуманы въ облака,
„*Давнулъ* и облака *разсѣли*;

Или о Героѣ же:

„Вся Природа содрогала
„Отъ *лихова* старика;

Или о героѣ:

„И горы *трѣснули* подъ нимъ;

Или о всемогуществѣ Божіемъ:

„Не я ли сильною рукою

„Открылъ и разогналъ шуманъ

„И съ суши *сдвигнулъ* Океанъ?“

Къ стати здѣсь примѣшешь, сколь много способствуютъ къ возвышенію рѣчи слова

можетъ себя переломить (*ἀναυχοφάυνται*
πράυματα). Къ сему же опнеспи должно
и слѣдующія слова Иродовы: „Клео-
„менъ, говоришъ онъ, въ безуміи изрѣ-
„залъ шѣло свое (*ножикомъ*) въ мѣлкіе
„куски, такъ чпо наконецъ искрошивъ
„всего себя, испустилъ духъ.“ Также:
„Пиѳей до шѣхъ поръ на кораблѣ сра-
„жался, пока всего его не изрубили. Тако-
вые выраженія очень близко подходящъ
къ проstonароднымъ, но въ значитель-
ности своей отъ нихъ весьма далеки.

дѣйствіямъ и явленіямъ Природы подра-
жающія. напр:

„Ее (лань) спрашитъ вокругъ шумъ, буръ
свиситъ,

„И хрупкій подъ ногами листъ.“

Или: „Онъ спитъ — и въ сихъ мечтахъ веселыхъ

„Внимаетъ *завыванье* псовъ,

„Ревъ вѣтровъ, *скрепитъ* деревъ *дебелыхъ*,

„Сшenanье филиновъ и совъ,

„И вѣщихъ гласъ вездѣ живошныхъ

„И тихій *шорохъ* вокругъ *безплошныхъ*.“

Или: *грохочетъ* эхо по лѣсамъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

О совокупленіи Метафоръ.

Въ разсужденіи совокупленія Метафоръ, Цецилій согласенъ съ мнѣніемъ пѣхъ, которые для изображенія одной вещи предписываютъ не больше двухъ, а много при метафоры. Въ семъ случаѣ, равно какъ и въ другихъ, также должно послѣдовать Димосѣену. Онъ показываетъ намъ, что есть такіе случаи, въ которыхъ необходимо употребленіе многихъ Метафоръ, когда спраши, спремаясь подобно быспрому пошoku, по неволѣ и толпой увлекающъ ихъ съ собою. „Сіи гнусные люди, „говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, сіи „подлые льстецы, которые, перзавъ „прежде заговорами своими опечесиво, „въ безчинствѣ предали вольность сперъ- „ва Филиппу, а нынѣ Александру; ко- „торые, измѣряя щастіе свое угожде-

„ніемъ чреву и развратомъ, разрушили
 „границы честности и истребили то
 „правило, въ коемъ древніе Греки по-
 „спавляли все свое благополучіе; п. е.
 „чтобъ не терпѣшь надъ собою ника-
 „кого начальника.“ — Здѣсь во множе-
 ствѣ проповѣй усмремляется на измѣн-
 никовъ весь гнѣвъ Оратора. Впрочемъ
 Аристотель и Теофрастъ думающъ,
 что не худо отважныя Метафоры ого-
 варивать слѣдующими выраженіями:
такъ сказать, какъ бы, если можно такъ
сказать, или если смѣю такъ сказать,
 и пр. — Ибо таковое извиненіе, говорящъ
 они, смягчаетъ смѣлость оныхъ. Я со-
 гласенъ съ ними въ семъ мнѣніи; одна-
 кожъ сильныя и приличныя обстоятель-
 ствамъ спраши и благородную высо-
 косъ, такъ какъ прежде сказано мною
 о фигурахъ, признаю особеннымъ и на-
 лучшимъ средствомъ противъ спеченія
 и отважности Метафоръ. Ибо свой-

ство ихъ таково, что силою спремленія своего онѣ все возхищають и увлекають съ собою; онѣ по необходимости перебувають смѣлыхъ выражений и не дають слушателю заниматься разборомъ Метафоръ, приводя его въ одинакое съ Орапоромъ изспупленіе. Также въ общихъ мѣстахъ и описаніяхъ ничто такъ не выразительно, какъ частое и продолжительное употребленіе проповѣ. Помощію оныхъ у Ксенофонта съ великою пышностію описано зданіе чело-вѣческаго тѣла, а у Платона божественно. Послѣдній изъ нихъ голову теловѣческую называетъ *зѣлкомъ*, шею *истмомъ* (перешейкомъ) *утвержденнымъ* между ею и грудью; а позвонки, верями, на коихъ она оборативается. Онѣ говоритъ, что удовольствіе есть *приманка* всѣмъ бѣдствіямъ людей; языкъ судья вкусовъ; сердце, начало связи всѣхъ жилъ и источниковъ крови быстро-разливающейся оттуда

по всѣмъ членамъ; и что оно расположено на подобіе отовсюду охраняемой крѣпости; а порогъ суть не иное что, какъ узкія улицы. „Боги, продолжаетъ онъ, желая „пособить препешанію сердца при не- „чаянномъ спрахѣ, и воспаленію во вре- „мя гнѣва, положили подъ него легкое, „коего вещество мягко, безкровно, и „внутри, подобно губкѣ, снабжено ды- „рочками, дабы сердце въ сильномъ во „время гнѣва біеніи, прыгая какъ бы на „какую подушечку, не повредилось.“ Онъ сѣдалище вождельній называетъ жен- скою комнатою; а гнѣва, мужескою; селе- zenку называетъ кишкового кухни, кото- рая наполняясь нечистотою, вздувается и пухнетъ. Потомъ продолжаетъ онъ: „Боги всѣ сіи части покрыли мясомъ, „которое служишь имъ вмѣсто ограды „и защиты противъ зноя и спужи, и „подобно взбитой шерсти (войлоку): „уступаетъ всякимъ легкимъ ударамъ.“

Онѣ *кровь* называетъ *пищею* мяса; „а дабы
 „всѣ части тѣла нашего, продолжаетъ
 „онѣ, могли получать пищу, то они
 „какъ бы въ саду вырыли много каналовъ,
 „дабы попоки жилъ, выходя изъ сердца,
 „какъ изъ источника, могли пропекасть
 „сими узкими каналами человѣческаго
 „тѣла. Когда же приблизится смерть,
 „то канаты души, такъ какъ у корабля,
 „опивязывающа и ославляюща себя въ
 „свободѣ“ (1). Послѣ сего слѣдуетъ
 „множество другихъ подобныхъ симъ
 „проповѣдей. Но сказаннаго нами довольно
 „къ показанію, сколь величественны сии
 „пропы сами по себѣ, сколько Метафоры
 „способствуютъ къ *высокому*, и сколь

(1) Не знаю какъ другимъ, а мнѣ не всѣ
 части въ сей Аллегоріи нравятся, и еще
 менѣе, въ противность Лонгину, кажутся
 божественными. Я думаю, что виноватъ
 въ семъ не языкъ нашъ, но то, что
 вкусъ нашъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ
 не сходенъ со вкусомъ древнихъ.

полезны онѣ какъ къ выраженію спра-
 сшей, такъ и въ повѣсповованіяхъ и
 описаніяхъ. Однако упопрелбленіе Тро-
 повъ, равно какъ и всѣхъ другихъ укра-
 шеній слова, всегда вовлекаетъ въ изли-
 шество; но это уже извѣстно, хотя бы
 я и не сказывалъ. Для сего-то и самага
 Плафона не мало въ томъ порицаютъ,
 что онъ часно, какъ бы опъ излишней
 спраспи къ словамъ, предается вле-
 ченію неумѣренныхъ и грубыхъ Метам-
 форъ и пуспой Аллегорической пышно-
 сти. Трудно понять, говорятъ они,
 какъ „городу можно бытъ благораспо-
 „реннымъ подобно чашѣ, въ которой
 „наливаемое вино сперва кипитъ и пѣ-
 „нится, потомъ вдругъ вошедъ въ со-
 „общество съ другимъ *трезвомъ*, нака-
 „звающимъ его *Богомъ*, спановишся
 „умѣреннымъ и хорошимъ напитокомъ.
 „Назвавъ воду *трезвомъ Богомъ*, и упо-
 пребитъ слово *наказатъ* вмѣсто *умѣ-*

ритс — таковоу вздорѣ, говорящѣ они, доказывающѣ, что самѣ Писапелѣ не слишкомѣ презвѣ. И сѣ-шо, можетѣ бытѣ, подало поводѣ Цецилію столь смѣло въ своихѣ на Лизіа примѣчаніяхѣ сказащѣ, что Лизій во всемѣ превосходитѣ Плапона; но сѣ мнѣніе внушено двумя самыми несправедливыми спраспями. Ибо онѣ не только любилѣ Лизіа больше самаго себя, но и больше ненавидѣлѣ Плапона, нежели любилѣ Лизіа; къ помужѣ, поспраспи къ прошиворѣчію, утверждалѣ о сихѣ Писапеляхѣ много таково, что еще не всѣми такѣ признано, какѣ онѣ думалѣ; ибо Лизіа столько предпочитаетѣ Плапону, что какѣ бы онѣ никакой не имѣлѣ погрѣшности, а послѣдній слишкомѣ много, — что не только не справедливо, но и никакой вѣроятности не имѣетѣ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Что лучше, совершенная ли посредственность безъ высокаго, или высокое съ нѣкоторыми несовершенствами?

Положимъ, что можно найсти такого Писателя, который бы не имѣлъ никакого недоспашка, и коему бы не въ чемъ было попрекнуть; но споль благородной предмѣтъ не заслуживаетъ ли, чтобъ разсмотрѣнъ былъ вообще слѣдующій вопросъ: что такое лучше какъ въ прозѣ такъ и въ стихахъ; высокое ли съ нѣкоторыми недоспашками или посредственность во всемъ совершенная и безъ всякихъ пороковъ? Также, судя по самой справедливости, которое изъ двухъ сочиненій предпочтительнѣе, то ли, въ коемъ больше красота, или то, которое болѣе приближается къ высокому? Сии вопросы, какъ суще-

ственные нашему предмѣту, необходимо должны быть разрѣшены.

И такъ, во первыхъ извѣстно мнѣ, что необыкновенная возвышенность не можетъ быть совершенно исправною. Ибо строга во всемъ правильность подвержена низкости; въ высокомъ же точно такъ, какъ и въ великомъ богатствѣ, должно быть нѣкоторой небрежности. Напропивъ, обыкновенно почти не возможно бываетъ, чтобъ низкой и посредственной умъ сдѣлалъ ошибку; ибо никогда не опваживаясь и не возвышаясь, всегда находится въ безопасности; а высокое, по собственному своему свойству, подвержено опасности. Впрочемъ безъизвѣстно мнѣ и то, что человѣческія произведенія всегда бываютъ примѣнѣ по худшей ихъ сторонѣ, и воспоминаніе погрѣшностей пребываетъ неизгладимо; а то, что есть въ нихъ прекраснаго, скоро за-

бывается. Почему, хотя я самъ не мало погрѣшностей нашелъ какъ въ Омирѣ, такъ и въ другихъ превосходныхъ Писателяхъ, и оными болѣе всѣхъ былъ не доволенъ; однако почишаю оныя не произвольными погрѣшностями, но недо-
 смопрѣтными небрежностями, потому что умъ стремящійся къ высокому, презираетъ таковыя мѣлочи. Изъ сего заключаю, что великимъ дарованіямъ, хотя бы они и не во всемъ были правильны, надобно всегда отдасть преимущество, есѣли не въ другомъ чемъ, то по крайней мѣрѣ въ томъ одномъ, что они имѣютъ духъ возвышенный. Но поелику Аполлоній, который написалъ Поэму объ Аргонавтахъ не имѣетъ никакихъ пороковъ, и Теоκριтъ, еще щастливѣйшій Поэтъ въ пастушескихъ стихотвореніяхъ, кромѣ нѣкоторыхъ его Эклогъ, не принадлежащихъ къ сему роду стихотворства: то Омиромъ ли

ты лучше бы желалъ бытъ или Теоκρι-
томъ либо Аполлоніемъ (1)?

И поелику Ерапосѣенова *Эригона* ни
въ чемъ похулена бытъ не можетъ: то
не ужели для сего скажешь ты, что
Ерапосѣенъ есть большій Поэтъ нежели
Архилохъ, копорый божеспвеннымъ ума
своего спремленіемъ, неподверженнымъ
никакому закону, все влечетъ съ собою
безъ всякаго порядка и бережливости?
Также въ Лирическомъ стихотворствѣ
лучшели бы ты желалъ бытъ Вакхили-
домъ или Пиндаромъ; а въ Трагедіяхъ,

(1) Надобно прежде справится съ своими
дарованіями, а потомъ желать того либо
другаго. Мнѣ кажется, лучше бытъ
Теокрипомъ или Аполлоніемъ, нежели спа-
раться бытъ Омиромъ, дабы только шѣмъ
смѣшить другихъ. — Но узнать мѣру и
границы своихъ дарованій есть также да-
рованіе. Никогда бы не было дурныхъ
Писателей, есѣли бы всякъ зналъ на-
значенную ему дорогу, по кошорой онъ
идти долженъ.

Іономъ, Поэтомъ Хіосскимъ или Софокломъ? Поэтому что тѣ писали со всею исправностію, гладкостію и изяществомъ (2); а Пиндаръ и Софоклъ, между тѣмъ какъ въ быспромъ своемъ спремленіи, подобно великому пожару, все пожигаютъ, часто сверхъ всякаго чаянія пухнутъ и несчастнымъ образомъ падаютъ. Но при всемъ томъ найдешся ли хоть одинъ здравомыслящій, кто бы не предпочелъ всѣмъ вмѣстѣ Іоновымъ швореніямъ одного Софоклова Эдипа?

(2) Однакожь это не для того сказано, чтобъ мы не старались о исправности и чистотѣ — слога. Тѣ Писатели весьма ошибаются, которые пренебрегаютъ даже Грамматиическую исправность, и коихъ у насъ весьма много. Нѣкоторые даже думаютъ, будто *герои* *Генія* должны блистать *во кутѣ* ошибокъ и неисправностей, и для того нарочно попускаютъ оныя въ своихъ сочиненіяхъ. Чтобы такое тогда было, когда бы сіи алмазы находили только *во навозныхъ кугахъ*?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

О томъ же; также сравненіе Димосеена съ Гиперидомъ.

Есѣли о достоинствѣ Писателей судить по числу, а не по качеству ихъ красотъ, то Гиперидъ безъ сомнѣнія долженъ быть предпочтенъ Димосеену. Ибо онъ больше его какъ гармоніи, такъ и другихъ Орапорскихъ совершенствъ имѣетъ, и при томъ въ превосходномъ степенѣ, подобно Аплепу называемому Пеншашломъ (1), который хотя на всѣхъ сраженіяхъ другими Аплепами побѣждается, однако превосходитъ всѣхъ ихъ, кои подобно ему занимающся

(1) *Атлетами* назывались у Грековъ тѣ, которые спорили о наградѣ на публичныхъ играхъ; а *Пентатлами* тѣ, кои упражнялись во всѣхъ пяти подвигахъ, какъ-то: въ борбѣ, въ бѣганьѣ, въ скаканіи, въ метаніи кружка (диска) и копья.

всѣми пятью подвигами. Ибо Гиперидѣ подражалъ всѣмъ Димосѣеновымъ красотамъ, кромѣ сочиненія словъ; сверхъ того, онѣ присвоилъ себѣ совершенства и пріятности Лизіевы, смягчаея, гдѣ потребна простота и опккровенность, и не говоритъ вездѣ, какъ Димосѣенъ, съ единоголасіемъ, живописуея нравы съ какою-то умѣренною и пріятною сладостію; его вѣжливостъ безподобна, насмѣшки самыя тонкія и благородныя, удивительное искусство въ употребленіи ироніи; шушки его благоприспойны и не вынуждены, какъ бывающъ у худыхъ подражателей Аптическому слогу, но изъ самаго предмета родятся. Съ какимъ искусствомъ отражаея онѣ дѣлаемыя ему возраженія! Сколько въ немъ забавнаго и комическаго! и все сіе распворено такимъ скромнымъ оспрословіемъ, все приправлено такою неподражаемою пріятно-

спью! Сверхъ того, онъ рожденъ къ возбужденію жалоспи, обиленъ въ багнословныхъ повѣспвованіяхъ, гибокъ въ опспупленіяхъ и переходахъ къ своему предмѣпу, когда ему вздумается; что видѣть можно изъ его опспупленія о Лапонѣ, преисполненнаго красоу спихотворческихъ. Его надгробное слово съ такою пышноспію написано, что я не знаю, можетъ ли кто другой такъ написатъ.

Чтожь касается до Димосѣена, онъ не умѣетъ такъ хорошо изображатъ нравы; не обиленъ, не гибокъ, не способенъ къ пышноспи, и лишенъ всѣхъ почти выше сказанныхъ совершенспвъ. Припомъ, когда усиливается бытъ забавнымъ и шупливымъ, то не возбуждая въ другихъ смѣха, самъ лишь смѣшнымъ дѣлается; и чѣмъ больше спарается приблизиться къ пріятноспи, тѣмъ далѣе отъ нее опходитъ. Одна-

ко какъ, по мнѣнію моему, Гиперидовы красоты, коихъ въ немъ весьма великое множество, не имѣющъ въ себѣ ничего величественнаго и родились изъ сердца, не согрѣшаго жаромъ вдохновенія: по по сему онъ вялы и оспавляющъ въ слушателей какую-то пуспоту; ибо кто при чтеніи Гиперида приходишь въ восторгъ? — Напрошивъ, Димосеенъ, совокупивъ въ себѣ всѣ качества Ора-тора, по истинѣ рожденнаго къ висо-кому, и усоверша наукою сей понъ ве-личія, сіи одушевленные спраши, сію плодовишость, ловкость, оборопливость, быспроту, и что всего важнѣе, жаръ и силу, къ коимъ никто еще не могъ приближиться, всѣми сими качествами, сими отъ Бога полученными дарами, коихъ никакъ не можно называть чело-вѣческими, побѣждаетъ всѣхъ вѣковъ Орапоровъ, и къ униженію шѣхъ со-вершенствъ, копорыхъ онъ не имѣетъ,

ослабляетъ ихъ своими молніями и оглушаетъ громами. И подлинно, легче смотрѣть открытыми глазами на низпадающіе съ неба перуны, нежели не бытъ пронуту и поражену сильными, повсюду пылающими въ его швореніяхъ спрасшиями.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

О Платонѣ и Лизіѣ.

Чтожъ касается до Платона и Лизіа, между ними естъ еще, какъ сказано мною, другая разность. Ибо Платонъ превосходитъ Лизіа не токмо величествомъ, но и множествомъ красотъ своихъ. Сверхъ сего, Лизій больше изобилуетъ пороками, нежели сколько, въ сравненіи съ Платономъ, лишенъ красотъ. Зачемъ же сіи божественные Писатели старались только о высокомъ

въ своихъ сочиненіяхъ, а почность и во всемъ исправность презирали? Кромѣ многого, причиною сему и то, что Природа не сочла человѣка за низкое и презрѣнное живошное, но даровавъ ему жизнь, вывела его въ свѣтъ, какъ бы на великое позорище, дабы онъ былъ зрицелемъ всего на немъ происходящаго и подвижникомъ жаждущимъ славы; и для того при самомъ рожденіи вліяла въ душу его неодолимую спрасъ ко всему великому и божеспвенному. Отсюда происходишь, что для обширности ума человѣческаго не довольно цѣлаго міра; мысли наши часпо прелепають предѣлы, все сотворенное оканчивающіе. Почему, еспли кто со всѣхъ сторонъ обозришь жизнь нашу и примѣишь, сколько величеспвенное и превосходное во всѣхъ вещахъ имѣетъ преимущества предъ блистательнымъ и прекраснымъ, тошь вдругъ увидишь,

и кѣ чему челоѣкѣ рожденѣ. По тако-
 вому врожденному побужденію, мы не
 маленькимѣ рѣчкамѣ удивляемся, хопя
 бы онѣ были чисты, прозрачны и
 годны кѣ нашему употребленію: но
 Нилу, Дунаю, Рейну, а еще гораздо болѣе
 Океану. Равнымѣ образомѣ не удивля-
 емся огоньку нами зажженному, какѣ бы
 онѣ ни былѣ ясенѣ, но изумляемся свѣ-
 тилами небесными, не смотря на то, что
 они часто помрачаются; и ничего не на-
 ходимѣ удивительнѣе оныхѣ жерлѣ Эпны,
 копорая часто изѣ нѣдрѣ своихѣ извер-
 гаетѣ камни, скалы, иногда изливаетѣ
 сѣрные рѣки и огненные попоки. Изѣ
 всего сего слѣдуетѣ, что полезное лю-
 дямѣ и даже нужное мы легко приобѣ-
 таемѣ, а величественному и чрезвычай-
 ному только удивляемся.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

*О исправности въ сочиненіяхъ и о
высокости съ пороками.*

И пакъ о великихъ Писателяхъ, въ
копрыхъ, кромѣ полезнаго и нужнаго,
находясь еще высокое, надобно заклю-
чить, что хотя они далеки отъ совер-
шенной исправности, не смотря одна-
кожь на то, имѣютъ въ себѣ что-то
бессмертное (1); что имѣтъ прочія
совершенства свойственныя человѣку, а
высокое возвышаетъ насъ почти до ве-

(1) Тоже самое сказать можно о Ломоносовѣ
и Державинѣ. Въ ихъ твореніяхъ встрѣ-
чаются не исправности и погрѣшности
прошивъ языка, но что такое значатъ
онѣ въ безднѣ ихъ совершенствъ?

„Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
„Какъ мала искра въ вѣчномъ лѣдѣ,
„Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
„Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ.“

личества Божія; и что исправно-
 стію въ сочиненіяхъ можно только
 избѣжать порицанія; а великое заста-
 вляетъ другихъ на насъ удивляться. Что
 еще прибавить къ сему должно? — То,
 что каждый изъ таковыхъ Писателей
 часто всѣ ошибки свои выкупаетъ, такъ
 сказать, одною высокою и величествен-
 ною мыслию. Къ сему присовокупить на-
 добно и то, что хотя бы кто всѣ Оми-
 ровы, Димосѣеновы, Платоновы, и дру-
 гихъ великихъ Писателей погрѣшности
 собралъ вмѣстѣ, то онѣ не сославились бы
 ни даже тысячной части превосходныхъ
 вещей ими написанныхъ. И потому самая
 зависть не могла успѣть въ томъ, чтобы
 не опдали имъ первенства во всѣхъ
 вѣкахъ, и никто еще до сего времени
 не могъ опинять у нихъ той цѣны, ко-
 торую они по нынѣ сохранили и вѣро-
 ятно сохранятъ,

„Доколь течеть вода, а дерева растутъ (2).

Впрочемъ, можетъ быть, кто нибудь скажетъ мнѣ, что Колоссъ, который имѣетъ свои недостатки, не лучше Поликлесова Дорифора (3). На сіе кромѣ прочаго можно сказать и то, что въ швореніяхъ искусства удивляясь надобно совершенству въ оцѣлкѣ; а въ произведеніяхъ природы величію и высокости. — Природа одарила человека разумомъ и словомъ. Почему въ ваяніяхъ попребно сходство съ чело-

(2) Діогенъ Лаертій стихъ сей приписываетъ Клеовулу.

(3) Поликлесъ Сикіонянинъ превзошелъ въ ваяніи всѣхъ своихъ предшественниковъ и современниковъ. Онъ сдѣлалъ статую Дорифора или воина, которая почиталася превосходнѣйшимъ произведеніемъ сего искусства, и которую Плиній въ исторіи своей называетъ мужественнымъ опрокомъ (*viriliter puerum*).

вѣческимъ тѣломъ; а въ словѣ, какъ
 выше мною сказано, пошребно то, что
 превосходило бы все человѣческое. Одна-
 кожъ, дабы не удалился намъ отъ преж-
 нихъ нашихъ разсужденій, — поелику
 долгъ искусства есть предостерегашъ
 насъ отъ погрѣшностей; а возвышеніе
 по большей части не можетъ быть
 равно выдержано: то необходимо нужно,
 чшобъ *искусство* подавало помощь *природѣ*;
 ибо превосходное совершенство есть
 слѣдствіе взаимнаго ихъ вспомошество-
 ванія. Вотъ что я за нужное считалъ
 сказать о выше предложенныхъ мною
 вопросахъ; прочее оставляю на произ-
 воленіе каждаго.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДМАЯ.

О Параболахъ, Подобіяхъ и Илер-
болахъ.

Но возвратимся къ нашему предмѣ-
ту. — Параболы или Сравненія и Подобія
весьма сходны съ Метифорами, и оп-
личаются отъ нихъ только тѣмъ * *
* * (1).

(1) Дополнимъ сіе мѣсто изъ другихъ писа-
телей. *Парабола* или *Сравненіе*, *Подо-
біе* и *Метифора* имѣютъ между собою
великое сходство, и опличаются только
тѣмъ, что первая показываетъ сходство
одной вещи съ другою пространнѣе, а
последнія двѣ, короче; и первая по боль-
шей части составляетъ цѣлую мысль,
а последнія часто въ одномъ только словѣ
закljučаются. — Такъ говорятъ многіе
Риторы. Но по моему мнѣнію, нѣтъ по-
чти никакой разности между первыми
двумя; напримѣръ: *ребра твои бѣлѣ, какъ
пѣна волнующагося моря, когда терзая
бури извергаютъ ее на гремящіе берега
Кютона*; или: *какъ бурю, гортанью
востъ*, это можете вы назвать сравне-

Въ Иперболахъ (2) весьма удобно превзойти мѣру; какъ на примѣръ, въ слѣдующей: „Есѣли только разумъ вашъ „находится въ головахъ вашихъ, а не „попираете его пятами“ (3). Почему, надобно всячески наблюдать, до какой степени можно отважиться въ шаковыхъ фигурахъ; ибо иногда, возвышая Иперболу сверхъ мѣры, вовсе ее уничтожаемъ, точно такъ какъ и все другое отъ излишняго напряженія ослабѣваетъ. Сверхъ того, излишнее

нѣмъ или подобіемъ, какъ вамъ угодно. Но когда говорится: „Копіе Конналово „любимъ *унива*тсѣя кровію, то это уже Метафора. Она беретъ отъ одной вещи свойство и приписываетъ другой безъ всякой сравнительной частицы.

(2) Конечно Лонгинъ говорилъ здѣсь о надлежащихъ границахъ Иперболы.

(3) Лонгинъ сіи Димосѣеновы слова охуждаетъ; а Ермогенъ, Греческій Риторъ, одобряетъ. Кто изъ нихъ правъ, рѣшить не трудно.

возвышеніе иногда производитъ дѣйствіе
совсѣмъ прошивное нами намѣреваемому;
что случилось съ Исократомъ, который,
спараясь все до чрезвычайности воз-
вышати, не знаю какъ впалъ въ порокъ
ребячества. — Содержаніе его Паниги-
рика то, что Аѣинская Республика въ
оказываемыхъ Грекамъ благотвореніяхъ
превосходитъ Лакедемонскую; но вошъ
какъ онъ его начинаешъ: „Поелику слова
„такую имѣютъ силу, что великое дѣ-
„лаютъ малымъ, а малое великимъ, спа-
„рое представишь могутъ въ новомъ
„видѣ, а новое и недавно случившееся
„выдать за старое.“ Поэтому, скажешъ
иной, и ты, Исократъ, будешь говоришь
намъ съ такими же переменами о Лаке-
демонянахъ и Аѣинянахъ? Ибо такое
въ рѣчь вступленіе служишь слуша-
телямъ какъ бы предварительнымъ увѣ-
щаніемъ, чшобъ они ему не вѣрили.
И такъ, тоже самое сказать должно

и о Иперболахъ, что выше сказано о фигурахъ вообще, — что нѣ изъ нихъ наилучшія, въ которыхъ и виду нѣтъ, чтобъ онѣ были Иперболами. А сіе бываетъ тогда, когда, при сильномъ движеніи духа, сами онѣ родятся въ важномъ какомъ обстоятельстве. Такъ Фукидидъ описываетъ поражение Афинянъ въ Сициліи: „Сиракузяне, говоря „онѣ, вышедъ пуда, жестоко, а особливо „тѣхъ, которые были въ рѣкѣ, побивали; „отъ чего вода вдругъ испортилась. „Однакожъ не смотря на то, что она „возмущена была кровію и пиною, ее „пили, и многіе даже дрались за нее.“ — Что кровь и пину пили, и при томъ такъ, что многіе даже дрались за нее, сіе великость страха и при томъ самое происшествіе дѣлаетъ вѣроятнымъ. Подобно сему говоритъ Иродотъ о Лакедемонянахъ, убитыхъ на Термопильскомъ сраженіи: „На семъ мѣстѣ

„они защищались еще нѣсколько времени
 „мечами, каковыя оставались у нихъ,
 „руками и зубами, пока варвары вовсе
 „не засыпали ихъ стрѣлами.“ Что
 скажешь ты, любезной мой Теренціанъ,
 о сей Иперболѣ? Какъ можно зубами
 защищаться противъ вооруженныхъ, и
 припомъ бытъ засыпану стрѣлами? При
 всемъ томъ, это вѣроятно; ибо не пред-
 мѣтъ выбранъ для Иперболы, но Ипер-
 бола сама родилась отъ предмѣта (4). Въ
 самомъ дѣлѣ (я не преспану повторять),
 противъ всякой опважности въ словахъ
 вѣрнымъ служишь пособіемъ то, чѣмъ

(4) Въ слѣдующемъ примѣрѣ столь же ощу-
 тительно Ипербола произошла отъ самихъ
 обстоятельствъ описываемаго предмѣта:
 „Тако мнѣ вопіюще, вдругъ морская пу-
 „чина посинѣла, вѣтры отъ четырехъ
 „странъ заревѣли, валы въ колеблемыя
 „горы преобразились, дно морское предъ
 „нами нагими обнажилось и поглотило
 насъ угрожало.“ *Кадмъ и Гар. к. IV.*

ее употреблять токмо въспаси и въ
такихъ мѣстахъ, гдѣ, кажется, самое
дѣло того пребудетъ (5). Отсюда про-
исходитъ, что и Комическія изреченія,
хотя бы они до невѣроятности про-
спирались, по причинѣ производимаго
ими смѣха, кажутся вѣроятными; на-
пр: „у него было земли меньше Лако-
„ническаго письма“ (6). Ибо смѣхъ

(5) Когда Митрополитъ Самуилъ сказалъ
на случай воздвигнутаго Петру I мону-
мента: „Ваше Императорское Вели-
„чество повелѣли двинуться *горѣ* изъ
„нѣдръ земли и спастъ въ подножіе Петру
„Великому:“ то не самое ли дѣло требовало
сказать сіе?

(6) Всѣмъ извѣстна Лаконическая крат-
кость; но сіи слова, кажется, примѣнены
именно къ тому письму, которое Лаке-
демоняне въ отвѣтъ писали на сіи слова:
„Lacedaemonii Philippro; т. е. Лакедемоняне
„Филиппу.“ *Διονύσιος ἐν Κορίνθῳ* „Діониссій
„въ Коринѣ.“ Симвъ письмомъ хотѣли
они устрашить Филиппа, чтобъ онъ не
присвоилъ себѣ власти надъ Греціею; т.
е. смотри Филиппъ, чтобъ и съ тобою

есть спрасъ, но только пріятная. Впрочемъ Иперболы служатъ какъ къ возвышенію, такъ и къ пониженію вещей (7); ибо обѣимъ случаямъ свойственно напряженіе; почему и *Діаспрмъ* есть не иное что, какъ возвышеніе низкости вещей.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ОСЬМАЯ.

О распорядженіи словъ.

Наконецъ, любезный другъ, дошли мы до распорядженія словъ, пятой и послѣдней изъ предположенныхъ нами съ начала часшей, къ высокости слова

— тоже не случилось, что съ Діонисіемъ, который недавно былъ въ Сиракузахъ Царемъ, а нынѣ ведетъ въ Коринѣ жизнь проспаго учителя.

(7) Такъ, напр. Державиново: *я царь* возвышаетъ человека; *я рабъ* унижаетъ; *я терю*, также унижаетъ; *я Богъ!* возвышаетъ до самой возможной степени.

способствующихъ. Но какъ я написалъ уже о семъ двѣ книги (1), въ коихъ достаточно изъяснилъ все, что изъ долговременнаго умозрѣнія могъ познать: то здѣсь скажу только то, что за необходимое для насъ предмета почишаю; а именно: что *гармонія* служитъ удивительнымъ орудіемъ, природою человеку дарованнымъ, не только къ убѣжденію и внушенію удовольствія, но и къ возвышенію духа и возбужденію страстей. Ибо не только флейта, производя въ слушающихъ какія-то необыкновенныя движенія, какъ бы въ себя ихъ восхищаетъ, и отражая въ ихъ ушахъ свое паденіе, принуждаетъ за онымъ слѣдовать, и сообразоваться измѣненію голоса движеніемъ пѣла: но и всякіе другіе звоны, даже издаваемые гуслями, хотя сами по себѣ ничего не

(1) Обѣ сіи книги потеряны; — какая потеря!

значашь, по перемѣною голосовъ, по взаимнымъ сраженіемъ, по смѣшеніемъ симфоніи, часто удивительное, какъ тебѣ небезвѣзвѣстно, производяшъ въ насъ очарованіе; и при всемъ томъ, таковыя звуки суть токмо поддѣльныя, ни мало не убѣждающія изображенія и подражанія голосу, а не настоящія, какъ сказано мною, дѣйствія человѣческой природы. Чпоже сказать о сочиненіи, которое есть дѣйствительно какъ бы гармонія врожденнаго человѣку слова; которое не токмо слухъ, но и самую душу поражаетъ; которое возбуждаетъ въ насъ разные образы именъ, мыслей, вещей, красоты и изящности, имѣющихъ съ душою нашею какую-то связь и сродство; которое смѣсю и разнообразностію своихъ звуковъ вливаетъ въ слушателей спраси Орапора и всегда дѣлаетъ ихъ въ оныхъ участниками? Можно ли опринуть, чпобъ

оно, сопрягая съ словосоставленіемъ великостъ мыслей, не располагало совершенно по своей волѣ духомъ нашимъ, по услаждая насъ, по подчиняя какой-то гордоспи, величавоспи, возвышенію и всякимъ находящимся въ немъ красотамъ? О споль очевидной и вообще всѣми признанной истинѣ безумно бы было сомнѣваться; ибо опытъ ее ушверждаетъ. Такимъ образомъ, мысль произнесенная Димосееномъ, по прочтеніи своего *опредѣленія* (2), кажется весьма высока, и подлинно удивительна. „Сіе „опредѣленіе, говоритъ онъ, угрожающую тогда городу опасность разогнало, какъ облако (3). *Τῆτο τὸ ψήφισμα τὸν τότε*

(2) Въ рѣчи *о вѣнцѣ*.

(3) Слѣдующія Авторovy разсужденія касаются одного только Греческаго языка. Кому угодно и кому нужно, пусть прочтетъ ихъ; для незнающихъ же Греческаго языка скажу, что занимается гармоні-

τῇ πόλει περισάντα κίνδυνον παρελθεῖν ἐποίησεν
ὥσπερ νέφος. Но признайся, что гармонія

ческимъ размѣщеніемъ словъ и періодовъ на нашемъ языкѣ столько, сколько занимались онымъ древніе Риторы, значило бы только по пустому терять время. Они думали, что и проза, подобно стихотворству, имѣетъ паденіе хотя не столь постоянное, но такое, которое можно подвести подъ правила. Они показываютъ даже число стопъ или цепь долгихъ и короткихъ складовъ, долженствующихъ составлять члены періода, и предсказываютъ, какое они произведутъ дѣйствіе. Когда разсуждаютъ они о составленіи выраженій, то главнымъ предметомъ бываетъ у нихъ гармонія. *Діонисій Галикарнасскій* написалъ цѣлую книгу о распоряженіи словъ, дабы только доказать дѣйствія ихъ гармоніи. По сходству нашего языка съ Греческимъ, можно было бы судить, что не трудно подвести его словораспоряженіе подъ таковыя же правила; ибо и нашъ языкъ имѣетъ такое же какъ оный изобиліе въ словахъ, мелодію пріятности и силы, разнообразность въ звукахъ и въ окончаніяхъ именъ и глаголовъ и свободу въ изворотахъ. Но что бы такое значили сіи правила? Это

красотѣ сей мысли не уступаетъ; ибо
 весь періодъ составленъ изъ Дакшилей,

была бы теорія, которая по сей самой
 свободѣ въ изворотахъ и гибкости языка,
 всегда бы нарушаема было на практикѣ.
 Проза должна бытъ прозою; она имѣетъ
 право повелѣвать словами, спавишь ихъ,
 гдѣ угодно, только бы имѣли они свое
 дѣйствіе и силу. Всякая мѣра въ ней
 несносна; сіе можно замѣтить изъ того,
 что хорошій Писатель всячески остерега-
 ется, дабы въ его сочиненіи не было
 выраженій на стихи похожихъ; и ежели по
 случаю находимъ мы въ какой нибудь прозѣ
 мѣру стиховъ, то она производитъ нѣко-
 торое къ себѣ отвращеніе. Сверхъ того,
 ежели научаться изъ чужихъ примѣровъ
 значить благоразуміе, то надобно только
 посмотрѣть на правила, написанныя древ-
 ними Риториками о измѣреніи прозы, чтобъ
 оставить свои замѣти. Изъ всѣхъ оныхъ
 ни одного не можно извлечь вѣрнаго, дабы
 оно служило компасомъ при сочиненіи.
 Загляните только въ Цицеронова *Оратора*,
 и увидите, что всѣ древніе Крипики
 удивительно какъ другъ другу прошиво-
 рѣчаютъ въ разсужденіи сего пункта.

Не смотря на то, не надобно думать,
 что гармоническое словораспоряженіе во-

самой благороднѣйшей и способнѣйшей
къ высокоспи мѣры; почему она и про-

все должно пренебрегать. Напрошивъ, оно
имѣетъ великое вліяніе на сочиненія, и
всѣ желающіе хорошо писать, пишутъ
съ великимъ успѣхомъ, должны обращать
на то нарочитое вниманіе. „Слова въ
„рукѣ Орашора, говоритъ Роллень, не
„иное что какъ мягкой и гибкой воскъ,
„которой онъ мнетъ и обращаетъ по
„своей волѣ и даетъ ему всякіе виды,
„какіе ему угодно. Чрезъ различное словъ
„сопряженіе, рѣчь иногда идетъ съ величе-
„ственнымъ важностію, иногда печетъ
„съ легкою быспрошою, иногда плѣняетъ
„и восхищаетъ слушателя пріятною
„стройностію, или наполняетъ его ужа-
„сомъ и содроганіемъ чрезъ жестокое и
„грубое паденіе, смотря по различію
„матерій, кои предлагаются.“ Но въ этомъ
должно руководствоваться насъ, пракшикою
и наблюденіемъ образованное ухо; ибо
правила можно преподавать на сіе токмо
слишкомъ всеобщія. Есть однакожъ нѣ-
сколько оныхъ для образованія уха въ при-
личной рѣчи гармоніи; но приводитъ ихъ
здѣсь я почишаю за излишнее. Кому
угодно, можетъ читать ихъ въ Риторикѣ
Г-на Ломоносова, гдѣ говоритъ онъ о

ической, прекрасной, какъ извѣстно, родъ стиховъ составляетъ. Если только одно слово переспавить съ своего мѣста на другое, на примѣръ такъ: *τὸ τοῦ ψήφισμα ὥσπερ νέφος ἐποίησε τοῦ τότε κίνδυνον παρελθεῖν*. Или если хоть одинъ складъ опсѣчь: *ἐποίησε παρελθεῖν ὡς νέφος*, то легко усмотрѣть можно, сколько гармонія способствуетъ къ высокому.

печеніи слова, въ Опытѣ Риторики Рижскаго § 13 — 21 и въ Опытѣ Риторики Доктора Блера въ статьѣ *о расположеніи періодовъ и согласіи*, стр. 123. Въ заключеніе всего, скажу съ Г. Карамзинымъ: „да будетъ честь и слава нашему „языку, который въ самородномъ богаш- „ствѣ своемъ, почти безъ всякаго чужаго „примѣса шечетъ, какъ гордая, величе- „ственная рѣка — шумитъ, гремитъ и „вдругъ, если надобно, смягчается, „журчитъ, нѣжнымъ ручейкомъ и сла- „достно вливается въ душу, образуя всѣ „мѣры, какія заключающа только въ „падении и возвышеніи человѣческаго „голоса.“

Ибо сіи слова: ὥσπερ νέφος, опираясь на первомъ складѣ, копорый естъ долгой, измѣряющся въ чепыре приема; такъ что ежели одинъ складъ опнятъ ὥς νέφος, то вдругъ съ таковымъ отсѣченіемъ исчезнетъ величество періода. И напрошивъ, ежели прибавленіемъ склада пропянешь оной, сказавъ: παρελθεῖν ἐποίησεν ὥσπερ νέφος, то хотя значеніе въ сихъ словахъ будетъ поже, но не поже паденіе; пошому что какъ періодъ оспанавливается слишкомъ долго на послѣднихъ складахъ, то *высокое*, копорое было прежде сжато, распянешся и ослабѣетъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

О соединеніи частей высокаго.

Къ украшенію и возвышенію рѣчи
 весьма много также служишъ самое
 совокупленіе частей *высокаго*, точно такъ
 какъ въ шѣлѣ соединеніе членовъ, ко-
 торые естли раздѣлены между собою,
 то ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ ни-
 какой силы и важности, а всѣ вмѣстѣ
 составляютъ совершенное шѣло. Такимъ
 образомъ, когда части высокаго будутъ
 между собою раздѣлены, то высокое
 вовсе исчезнетъ: на противъ, когда
 собраны будутъ въ одно шѣло, и при-
 томъ совокуплены онымъ гармониче-
 скимъ союзомъ: то отъ самой сей
 округлости сдѣлаются громкими и ве-
 личественными; и пошому *высокое* въ
 періодъ можно сравнить съ пиромъ,
 который дѣлается съ обща съ другими.
 Въ упомянутомъ мною сочиненіи я

довольно ясно доказалъ, что многіе какъ изъ произаическихъ Писателей, такъ и изъ Поешовъ, не бывъ рождены къ *высокому*, никогда не имѣли въ ономъ недоспашка, хошя по большей части употребляли общенародныя, низкія и никакой почти изящности не имѣющія слова. Они подкрѣпляли себя однимъ только спройнымъ распоряженіемъ словъ, которое придавало имъ какую-то сано-вишоспъ и величавоспъ. Изъ числа ша-ковыхъ Писателей есть Филиспъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Аристофанъ, и во многихъ Еврипидъ; на пр. когда Геркулесъ, по убіеніи дѣшей своихъ, говоришъ:

„Я такъ исполненъ золъ, что новымъ мѣста
нѣшъ“ (1).

(1) *Γέρων κακῶν δὲ πλήρης ἐστίν, ὅππῃ τέθει.* Ясно, что на Русскомъ языкѣ не должно искашъ въ семъ стихѣ той высокости, каковую ухо Лонгиново чувствовало на Греческомъ.

Сія мысль самая проспонародная, но соопвѣпспвуя словососпавленію сдѣ-
 лалась високою. Еспьли сіи слова иначе
 расположишь, то увидишь, что Еври-
 пидѣ превосходенѣ больше въ сочиненіи
 словѣ, нежели въ смыслѣ оныхѣ. Равнымѣ
 образомѣ въ его *Дирцеѣ влзгмой телб-*
цолѣ:

„И въ бѣшенствѣ своемѣ

„Куда ни бросится, вокругѣ себя повсюду

„Крушитѣ жену сію, дубѣ, каменну громаду (2).

(2)

ἔι δέ πγ

Τύχοι περίξ ἐλίξας ἔιλχ' ὀμγ λαβών

Γυνᾱίκα, πέτραν, δρῦν, μεταλλάσσων ἄεί. —

Еврипидѣ въ сихѣ стихахѣ говоритѣ о
 несчастной *Дирцеѣ*, которую пасынки ея
Зетѣ и *Амфріонѣ* привязали за волосы
 къ хвосту бѣшенанаго быка въ ошмщеніе
 за обиды ею и мужемѣ ея *Ликомѣ* при-
 чиненныя мащери ихѣ *Антіонѣ*. Знащюки
 въ Греческомѣ языкѣ находящѣ въ нихѣ
 весьма много силы, происходящей отѣ
 ихѣ гармоніи, а особливо въ словахѣ:
 γυνᾱίκα, πέτραν, δρῦν, чего выразишь на нашемѣ
 языкѣ не можно. За то, выразишь ли
 кто на другомѣ языкѣ силу, благород-

Сія мысль по испинѣ благородна, но она сдѣлалась еще сильнѣе опѣ того, что въ ней гармонія ни стремительна, ни на подобіе тяжелой массы вдругъ упадаетъ; но слова ея одно другое поддерживаетъ и составляютъ нѣкоторую опору, на коей рѣчь утверждается и вмѣстѣ возвышается.

ство, и величество напимѣрь, слѣдующихъ стиховъ Ломоносова?

„Намѣ въ ономѣ ужасѣ казалось,
 „Что море въ ярости своей
 „Съ предѣлами небесъ сражалось,
 „Земля сменяла опѣ зыбей;
 „Что вихри въ вихри ударялись,
 „И шучи съ шучами сражались
 „И устремлялся громъ на громъ;
 „И что надуты водѣ громады
 „Текли покрышь пространны грады,
 „Сравняшь хребты горъ съ влажнымъ дномъ.“

Стихи сіи тѣмъ величественнѣе, что кромѣ гармоніи и грому какъ бы нарочно подобранныхъ буквъ и сражающихся между собою словъ, заключають въ себѣ удивительную картину бунтующей природы.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

Что такое противно высокому?

Напрошивъ, ничто такъ не унижаетъ *высокаго*, какъ прерывистое и поропливое измѣреніе слова; каковы суть *Пиррихи*, *Трохеи* и *Дихореи*, которые способны только для танцованья. Ибо всякая, сими спопами измѣренная рѣчь, вдругъ кажется нарочно прикрашеною, поддѣланною, на самое короткое время прельщающею, и поелику безпрестанно симъ образомъ измѣряется, то и никакой въ другихъ спраши не возбуждаетъ; а еще сего хуже то, что какъ пѣсенки, ошвлекая слушателя ошъ мысли въ нихъ заключающейся, принуждаютъ заниматься пріятностію ихъ тоновъ: такъ равно и измѣренная рѣчь не спраши слушателямъ внушаетъ и не важностію вещей въ ней находящихся занимается, но плѣняетъ только пріят-

носпію печенія и спройности; такъ
 что иногда предвидя слѣдующія паденія,
 они предупреждають Орашора, и какъ
 въ пляскѣ *шестіе* рѣчи ускоряють сво-
 имъ рукоплесканіемъ. Равнымъ образомъ
 лишена величества и та рѣчь, которая
 слишкомъ сжата, на мѣлкіе и коропкіе
 склады раздроблена и какъ бы *гвоздями*
прибита въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пресѣ-
 жается.

ГЛАВА СОРОКЪ ПЕРВАЯ.

О рѣчи слишкомъ сжатой.

Сверхъ того, чрезмѣрная крапкосць
 періодовъ весьма прошивна *высокому*; по-
 тому что оно, будучи слишкомъ сжато,
 принуждено бываетъ нѣсколько опсѣ-
 кать опъ своей великости. Однакожь
 надобно примѣнить, что я подъ симъ
 разумѣю не періоды благоразумно со-
 кращенные, но имъ прошивные, укор-

ченныя, такъ сказать, и на мѣлкія части раздробленныя (1). Слишкомъ сжатая рѣчь мѣшаетъ смыслу; а краткая, но совершенная, способствуетъ оному. Впрочемъ, извѣстно опять и то, что и разтянутая рѣчь лишается своей души и опъ чрезмѣрнаго пропяхенія слабѣетъ.

ГЛАВА СОРОКЪ ВТОРАЯ.

О низкости и распространеніи.

Лишается также благородства рѣчь и опъ низкихъ словъ. Сіе видно изъ Иродотова описанія бури, которое исполнено великолѣпныхъ и подлинно божественныхъ мыслей, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обезображено словами, кои

(1) Напримѣръ: жизнь наша кратка; искусство долговременно; время быстроетно.

ниже своего предмѣта. Напримѣръ; когда онѣ говоришѣ: *по вскипѣніи моря* (1) дурной звукъ слова *по вскипѣніи* много опшимаешѣ у рѣчи высокости. Также: *вѣтерѣ ихѣ изтомилѣ* (2), говоришѣ онѣ же въ одномѣ мѣстѣ, и въ другомѣ: „разсѣянные кораблекрушеніемѣ имѣли „*конецѣ непріятный*.“ Слово *изтомилѣ* (*ἐκοτίασε*) низко и проспонародно; а слово *непріятный* (*ἄχαρις*) не соопвѣстшвуешѣ великости злополучія прешерпѣвшихѣ кораблекрушеніе. Въ такой порокѣ впалѣ и Теопомѣ, который, описавѣ превосходнымѣ образомѣ походѣ Персидскаго Царя въ Египешѣ, все великолѣпіе онаго подорвалѣ нѣкоторыми низкими словами. „Какой городѣ, говоришѣ онѣ, и какой

(1) *Ζεσάσης θαλάσσης*; буква *ζ* соопвѣстшвующая нашему *з*, также чешыре раза повторяемое *σ* (наше *с*) производяшѣ звукъ какѣ бы свистящій.

(2) *Ὁ ἄνεμος ἐκοτίασε*.

„Азіійскій народъ не посылалъ къ Царю
 „пословъ? Какихъ прекрасныхъ и дра-
 „гоцѣнныхъ произведеній земли и иску-
 „сства не принесено было ему въ
 „подарокъ? Сколько богатыхъ ков-
 „ровъ и одеждъ, пурпуровыхъ, испе-
 „щренныхъ, бѣлыхъ! — Сколько лапо-
 „шканныхъ палапокъ со всѣми нужными
 „къ нимъ приборами! сколько домашнихъ
 „плащевъ и постелей дорогихъ! сколько
 „лапыхъ и серебряныхъ чашъ, вазъ и
 „другихъ сосудовъ, изъ коихъ одни
 „украшены драгоцѣнными каменьями,
 „другіе искусною и изящною рукою ху-
 „дожника выдѣланы. Сверхъ того без-
 „численное множество Греческихъ и ино-
 „странныхъ оружій; несмѣшныя спада
 „рабочаго скопа и приносимыхъ на
 „жертву животныхъ, множество ме-
 „димнъ (3) съ разными приправами,

(3) Греческая мѣра сухихъ припасовъ.

„кошницѣ, мѣшковѣ, бумажныхъ кипѣ, и
 „другихъ нужныхъ въ общежитіи вещей!
 „а соленыхъ всякаго рода мясѣ такое было
 „множество, что кучи ихъ смопрятимѣ
 „на нихъ издали казались холмами, изъ
 „земли возникающими.“ Опѣ высокихъ
 мыслей Авторѣ переходитѣ къ низкимъ,
 въ противность правиламъ возвышенія;
 и включивъ не къ спаши въ удивитель-
 ное описаніе такого великолѣпія *кошницъ,*
приправъ и *мѣшки*, описалъ какую-то
 поварню. Ибо какъ естѣлибы кто, при-
 готовляя такіа дорогія вещи, между
 серебряныхъ, золотыхъ и драгоценными
 каменьями украшенныхъ чашъ, вазъ и
 лапотканыхъ палатокъ, поставилъ
 кошницы и мѣшки (4), тобы весьма не-
 пріятное представилъ для глазъ зрѣлище:
 равнымъ образомъ и въ рѣчи таковыя
 слова весьма не къ спаши и производятѣ

(4) Къ сему прибавитѣ надобно и *куги мяса.*

опшрапшпельное безобразіе. Вмѣсто
возникающихъ изъ земли холмовъ и
другихъ мѣлкихъ изчисленій, сдѣлавъ
небольшую перемѣну, могъ бы онъ во-
обще такъ сказать: „какое множество
„верблюдовъ и другаго рабочаго скопа
„навьюченнаго всѣмъ нужнымъ для хоро-
„шаго спола и лакомства!“ Или: „какія
„кучи всякихъ хлѣбныхъ сѣмянъ и всего,
„что можно только предсавить себѣ
„вкуснѣйшаго и пріятнѣйшаго;“ или,
если онъ не хотѣлъ сказать обо всемъ
въ частности: „и всего, чего только
„повара и *столовые* прислужники желаютъ
„могутъ для своихъ господъ.“ Ибо не
должно въ рѣчи опъ высокихъ пред-
метовъ переходить къ низкимъ и оп-
шрапшпелнымъ, если не пребуетъ
того крайняя необходимость. Надобно,
чтобъ слова соопвѣпспвовали важности
описываемыхъ нами вещей, дабы шѣмъ
подражать Природѣ, кошорая въ спрое-

нїи человѣческаго тѣла тѣ части, кои
 наименовать постыдно и полщу соспа-
 ва его не выспавила наружу, но сколько
 можно старалась закрыть и, говоря
 Ксенофоновыми словами, каналы ихъ
 опвела какъ можно далѣе, дабы тѣмъ
 не обезобразить красоты всего живо-
 наго. Но вычисляя все, рѣчь унижа-
 ющее, я почишаю не нужнымъ; ибо когда
 показано то, что дѣлаетъ рѣчь благо-
 родною и высокою, то ясно, что про-
 шивное тому по большей части дѣлаетъ
 будетъ ее низкою и подлою.

ГЛАВА СОРОКЪ ТРЕТЬЯ.

*Отъ чего нынѣ такъ мало высокихъ
 и поистинѣ превосходныхъ Писателей.*

Теперь остается только изслѣ-
 довать вопросъ, не давно мнѣ предложен-
 ной однимъ философомъ, чемъ я, въ

угодноспѣ швоей къ наукамъ любви,
заклучу сіи мои разсужденія.

„Не могу надивисься, сказалъ онѣ
„мнѣ, да и многіе со мною: онѣ чего
„въ наши времена премного есть Ора-
„поровъ краснорѣчивыхъ, искусныхъ въ
„убѣжденіи и судебномъ вѣспійствѣ,
„исполненныхъ ясноспи, живоспи, а
„особливо пріятспва: но величеспвенные
„и по испинѣ высокіе Орапоры весьма
„рѣдки? Споль великъ теперь недоспа-
„шокъ въ превосходныхъ дарованіяхъ!
„Не уже ли причиною сему, продолжалъ
„онѣ, то, какъ обыкновенно гово-
„рящѣ, что великіе умы пипаешѣ и
„образуешѣ Димокрапическое правленіе:
„ибо сколько ни было искусныхъ Орапо-
„ровъ, всѣ почти процвѣпали во время
„онаго и съ нимѣ умерли? Ничто,
„присовокупляющѣ они, сполько не воз-
„вышаешѣ душу великихъ людей, какъ
„свобода, и ничто такъ сильно, какъ

„она, не возбуждаешъ въ насъ соревно-
 „ванія и желанія видѣть себя выше
 „другихъ. — Сверхъ того, награды пред-
 „лагаемыя въ Респу́бликахъ поощряюшъ
 „и какъ бы очищаюшъ дарованія Орапо-
 „ровъ; отъ чего они получаюшъ блескъ
 „въ высочайшей степени.

„Напропивъ мы, продолжалъ онъ,
 „съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ привыкши
 „къ крошечному рабству, и какъ бы съ
 „матернимъ молокомъ высосавъ его обы-
 „чай и правила, свободы, сего прекрас-
 „наго и обильнѣйшаго источника, даже
 „не оправдываемъ; и пошому не инымъ
 „чемъ бытъ можемъ, какъ только ве-
 „ликолѣпными льстецами. По сему-то,
 „говорилъ онъ, даже человекъ рожден-
 „ный въ рабствѣ, способенъ къ другимъ
 „наукамъ, но Орапоромъ никакой рабъ
 „бытъ не можетъ; ибо вдругъ показы-
 „вается въ немъ какой-то страхъ, ко-
 „торый умъ его содержишъ какъ бы

„въ темницѣ; такъ что онъ при первомъ
 „покушеніи опважись, опянь пони-
 „каешъ; словомъ, говоря съ Омиромъ:
 „Когда свободы кто изъ человѣкъ лишится,
 „Вдругъ добродѣтель въ немъ лишь въ поло-
 винѣ зрится“ (1).

„И для того, какъ ящери (если
 „тому вѣришь, что говорятъ), въ ко-
 „порохъ карлы называемые пигмеями
 „воспитываются, препятствуютъ имъ
 „не только расти, но еще дѣлаютъ
 „ихъ гораздо меньшими, посредствомъ
 „перевязки, копорою шло ихъ связыва-
 „ютъ: такъ и рабство, какъ бы оно

(1) *Одиссеи* пѣснь XVII. — Постыдное для
 рода человѣческаго мнѣніе; не смотря на
 то, оно во многихъ отношеніяхъ спра-
 ведливо. Неволья связываетъ крылья да-
 рованіямъ. Страхъ и недостатокъ по-
 бужденій изощряетъ оныя производя въ
 нихъ какіе — то застои и наводя въ
 вѣчную дремоту; самыя добродѣтели по
 тѣмъ же причинамъ въ невольникѣ увя-
 даютъ.

„крошко ни было, служишъ нѣкоторымъ
 „образомъ темницею, въ коей душа по-
 „нижается, и теряешъ свое благород-
 „ство.“

На сіе сказалъ я ему въ отвѣтъ:
 „легко, любезный другъ, и весьма свой-
 ственно человѣку презирать настоящее.
 Но подумай пожалуй, не всеобщій ли
 миръ причиною недоспѣха въ великихъ
 Геніяхъ; а еще гораздо болѣе удержи-
 ваешъ самыя благородныя стремленія
 наши сія безконечная война. Сверхъ
 того не мало участвуютъ въ томъ и
 спраси нынѣшнихъ временъ, копо-
 рымъ мы предаемся. Ибо сребролюбіе,
 коимъ всѣ мы нынѣ спраждемъ до край-
 носпи, и любоспрасіе совершенно по-
 работили насъ, или лучше сказать, по-
 вергли въ бездну, всѣ таланты наши
 поглощающую. Припомъ же, нѣтъ под-
 лѣе спраси, какъ сребролюбіе и нѣтъ
 постыднѣе, какъ любоспрасіе. По-

няшъ не могу, какъ прилѣпившіеся къ
 чрезвычайному богатству и учинившіе
 оное своимъ божествомъ могутъ не при-
 няшъ вмѣстѣ съ сею спрасію всѣхъ
 пороковъ, по природѣ съ нею сопряжен-
 ныхъ. Ибо за чрезмѣрнымъ богатствомъ
 слѣдуетъ роскошь и нѣга; онѣ, такъ
 сказахъ, идущъ по его стопамъ и по-
 мощію его опворяющъ входъ въ города
 и дома, въ которые вошедши, навсегда
 въ нихъ поселяются. Чрезъ нѣсколько
 времени онѣ тамъ, по словамъ мудре-
 цовъ, *свиваютъ себѣ гнѣздо* и вскорѣ раж-
 дающъ исчадія, — какія же? Высокомѣріе,
 надменность и роскошь, кои суть не
 побочные, но законные ихъ дѣти.
 Если же кто симъ достойнымъ бо-
 гатства дѣшамъ попустишъ въ себѣ
 возрасти, то въ скоромъ времени ро-
 дяшъ они неумолимыхъ хищниковъ: вра-
 жду, беззаконіе и безстыдство. Сему
 необходимо должно такъ случиться;

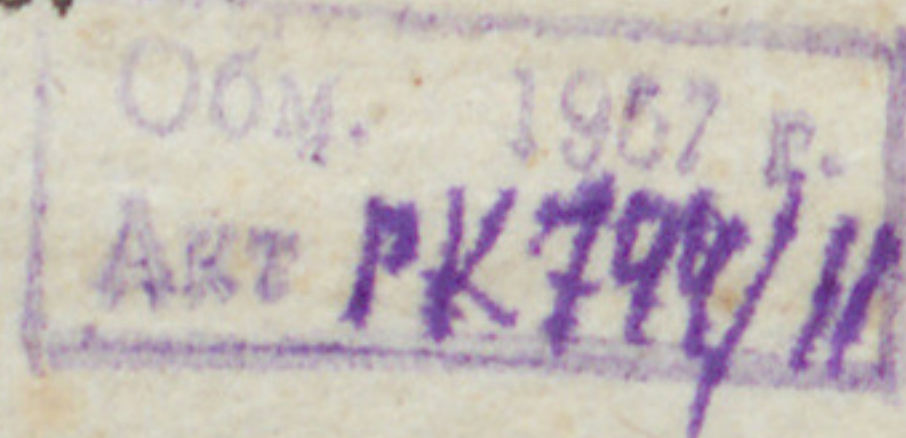
человѣкъ, презрѣвъ добродѣтель, не смѣетъ поднять взоровъ выше себя или сказать что нибудь для вѣчной славы; удивляясь только маловажнымъ и плѣннымъ вещамъ, мало по малу предается совершенному разврату, отъ чего все благородство и величество душевное само собою вянетъ, засыхаетъ и привлекаетъ къ себѣ только презрѣнiе. И какъ подкупленный судья не можетъ здраво и свободно судить о томъ, что честно и справедливо; потому что принимающему подарки справедливымъ и честнымъ кажется только то, что ему полезно: то какъ мы хопимъ, чтобъ въ наши времена, когда вся жизнь наша порабощена сребролюбiю; когда мы только и думаемъ, какъ бы выждать смерть одного, другому поставивъ сѣпи, чтобъ попасть въ его духовную; когда для любоспяжанiя все продаемъ, даже собственную душу, будучи жалкими не-

вольниками спрасшей своихъ; какъ, говорю, хопимъ мы, чшобъ при споль всеобщей заразѣ нашелся безпристрастный судья, который бы, не ослѣпленъ будучи корыстолюбіемъ, могъ узнать истинно высокое и досшойное попомспва? И поелику всѣ мы шаковы, то не лучше ли повиноваться какой нибудь власти, нежели бытъ вольными, дабы ненасыщная сія жадность, лишась всякаго обузданія, подобно сорвавшемуся съ цепи звѣрю, не опустошила всей вселенной? Словомъ, раждающіеся нынѣ Геніи, сказалъ я ему, разпочаются праздноспію, копорою всѣ мы, исключивъ немногихъ, спраждемъ, спараясь только о томъ, какъ бы заслужишь маловажную похвалу или получишь какое удовольспвіе; а не о томъ, чшобъ принести другимъ пользу, копорая возродила бы въ другихъ соревнованіе и доспавила бы намъ прочную честь и славу. — Но о семъ,

довольно; приступимъ къ страстямъ (2)
о коихъ общалъ я сказать въ особен-
номъ Сочиненіи, и кои, по моему мнѣ-
нію, не малое имѣють учаспіе какъ во
всякомъ другомъ родѣ сочиненія, такъ
и въ высокомъ.

(2) Сіе сочиненіе также не дошло до нашихъ
временъ.

К о н е ц ъ.

Погрѣшности.

напечатано.

читай.

страниц: строк.

12.	10.	есѣ-	есѣли разсмотрѣть со
59.	19.	лѣса	лѣсы
156.	1.	ДВАТЦАТЬШЕ-	ДВАТЦАТЬ СЕДМАЯ.
		СТАЯ.	
167.	15.	Вдругъ	Вкругъ.
171.	15.	о Героѣ	о Бореѣ.
180.	1.	ПЕРВАЯ.	ТРЕТЬЯ.
185.	1.	ВТОРАЯ.	ЧЕТВЕРТАЯ.
189.	8.	ТРЕТЬЯ.	ПЯТАЯ.
192.	1.	ЧЕТВЕРТАЯ.	ШЕСТАЯ.
211.	1.	СЕДЬМАЯ.	ДЕВЯТАЯ.